Russ. 266 z (4

<36607995360011

<36607995360011

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

9/54/43483

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Александра Смирдина.
1830.

Fg/66/765

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

[...]ische [...]tsbibliothek München

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

Великій Князь Ярославъ II Всеволодовичь.

Г. 1238 — 1247.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе граждан. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей Князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣ- *Бодрость Ярослава.*

стное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы; ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ. Возстановивъ тишину и благоустройство, Великій Князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ[1]; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный изъ Ростова въ Владиміръ[2]. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ

г. 1239. Татаръ до столицы, не взявъ никакихъ

мѣръ для защиты Государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ — и граждане благословили его память.

Свойства Георгія.

Ко славѣ Государя попечительнаго о благѣ народномъ Великій Князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ Князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ[3].

Освобожденіе Смоленска.

Между тѣмъ Князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми Боярами на Литву; нечаянно обступилъ Галичъ; подъѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ

Междоусобія.

Г. 1239.

множество стоящаго народа, сказалъ: »Граждане! доколѣ вамъ терпѣть державу »Князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ »Государь законный, нѣкогда вами люби»мый?« Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: »ты, ты нашъ отецъ, »Богомъ данный! иди: мы твои!« Воевода Ростислава и Галицкій Епископъ Артемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умилительнаго: граждане, по выраженію Лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному*, проздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ Соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ Королевны, Беліной дочери; а Бояре Галицкіе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе

сего Князя не истощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: »исправтесь!« и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ. Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землею Половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ Хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился Татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ Астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ Король, принявъ его въ подданство съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія[1]. Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій Владимірскому храму Богоматери. Тогда жители Великаго Княженія снова обезпамятѣли отъ ужаса; оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто, и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяслав- Батый опустоша-

шаетъ южную Россію.

славль; Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, и заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во время нашихъ междоусобій. Сіи добрые Россіяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичь, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго сомнительную, Татары сожгли Черниговъ; но хотѣли отдыха, и черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими Епискому Порфирію. Симъ знакомъ отличнаго милосердія они хотѣли, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленію. — Князь Мстиславъ Глѣбовичь спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрію[5].

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ Днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ лю-

дей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской Имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо Арабскіе Историки и Географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ[6]. Внукъ Чингисхана, именемъ Г. 1240.
Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и, по словамъ Лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное по- Красота
ложеніе города на крутомъ берегу вели- Кіева.
чественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ Византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился итти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ, свидѣтельствовали грозную силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязли-

ваго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь униженіемъ, охотно гибли въ битвахъ?

Великодушіе гражданъ.

Кіевляне умертвили Пословъ Мангу-Хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе Князя: Михаилъ Всеволодовичь, предвидя месть Татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ[7]. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичь, хотѣлъ овладѣть престоломъ Кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ Королю Венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ Вождя искуснаго и мужественнаго: Князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную Боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію Лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ[8]. — Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми Воеводами Могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ Великаго Хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и Княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Ляскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: »стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;« мертвыхъ, издыхаю- Осада и взятіе Кіева.

щихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины Россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и Вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоева-

тель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому: »дарую тебѣ жизнь!« Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать градовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины[9]; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая. . . Первое великолѣпное зданіе Греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основа-

нія послѣ, и изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго[10]. — Лавра Печерская имѣла туже участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и снявъ *златокованный* крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими[11]. Если вѣрить Лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые Иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый — узнавъ, что Князья южной Россіи находятся въ Венгріи — пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ[12], и не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему по-

вѣрили и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо Татары не знали правилъ чести, и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоревъ, Татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичь и множество иныхъ городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ, и сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представилъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на Моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на

пепелище истребленныхъ жилищъ; могли предать земли кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ: что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: »Батый какъ »лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, »терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе »Князья Россійскіе пали въ битвахъ; дру»гіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали »заступниковъ между иновѣрными и не »находили; славились прежде богатствомъ, »и всего лишились. Матери плакали о дѣ»тяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ »конями Татарскими, а дѣвы о своей не»винности: сколь многія изъ нихъ, желая »спасти оную, бросались на острый ножъ »или въ глубокія рѣки! Жены Боярскія, »не знавшія трудовъ, всегда украшенныя

»златыми монистами и одеждою шелко-
»вою[13], всегда окруженныя толпою слугъ,
»сдѣлались рабами варваровъ, носили воду
»для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣ-
»лыя руки свои опаляли надъ очагомъ,
»готовя пищу невѣрнымъ . . . Живые зави-
»довали спокойствію мертвыхъ.« Однимъ
словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣд- Со-
ствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею стоя-
отъ временъ Θеодосія Великаго до седь- ніе
маго вѣка, когда сѣверные дикіе народы Рос-
громили ея цвѣтущія области[14]. Варвары сіи.
дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и
разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосхо-
дила нашу и была единственною причи-
ною его успѣховъ. Напрасно новые Исто-
рики говорятъ о превосходствѣ Мого-
ловъ въ ратномъ дѣлѣ[15]: древніе Рос-
сіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя
или съ иноплеменниками или съ едино-
земцами, не уступали какъ въ мужествѣ,
такъ и въ искусствѣ истреблять людей
ни одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ При-
народовъ. Но дружины Князей и города чина
не хотѣли соединиться, дѣйствовали осо- успѣ-
бенно, и весьма естественнымъ образомъ ховъ
не могли устоять противъ полумилліона Ба-
Батыева[16]; ибо сей завоеватель безпре- тые-
выхъ.

станно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго, и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россіи жители сельскіе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбія питалось Государство и казна обогощалась. Земледѣльцы, не имѣя оружія, гибли отъ мечей Татарскихъ какъ беззащитныя жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ Моголы славились и храбростію, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана и сороколѣтними побѣдами[17]. Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стадо[18]. Въ свободное отъ человѣкоубійствъ время занимались звѣриною ловлею: видя же непріятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны стремились одна за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей, и стараясь убивать

Свойство и оружіе Моголовъ.

враговъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнія, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но смертію наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы Моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ[19].

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, ея Князья находились въ Польшѣ. Король Венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына, и велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, готовый тогда ѣхать къ Белѣ IV, имѣлъ случай оказать свое великодушіе: убѣдилъ Великаго Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу, и забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Ростиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери Королевской;

Происшествія въ западной Россіи.

Спесь Короля Венгерскаго.

но спесивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думал, что Батый не дерзнетъ идти за Карпатскія горы, и что несчастіе Россійскихъ Княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенно взаимною завистію Державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ Королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое Княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже Татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества, и слыша о приближеніи Моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада въѣхать ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ

Холмѣ, основанномъ Даніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ Могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти Нѣмцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь Св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ *Римскими* стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію Неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ, и подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неутомимо старался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызвать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ Бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше Государство для ихъ пользы, и что имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ Князя въ сей городъ, а Бояре Галицкіе хотя и называли

Даніила своимъ Государемъ, однакожь самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ Княжескимъ *Оружникамъ*, и тайно сносились съ Михаиловымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный Нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ, и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина, и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ Печатникомъ, но занялъ Галичь и Перемышль. Столь мало Князья Россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ властолюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ Государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемышльскаго, друзей Михаилова сына; не смотря на изнуреніе своего Княжества и малочисленность войска, большею частію истребленнаго Татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей, из-

гналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, Князей Болоховскихъ, прежде облаготворенныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчанія, что сіи Князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для Татаръ пшеницу и просо. — Въ то же время оскорбленный Поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою Державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды Моголовъ не выходили изъ Россіи, довершая завоеваніе восточныхъ Удѣловъ Черниговскихъ, и Князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ Татарами[20].

Слава Александра Невскаго.

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и счастіе своего юнаго Князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ[21]. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла

слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго Князя, Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новогородскую область отъ внезапныхъ нападеній Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы, были непріятелями Новгорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіянъ опаснѣе: ибо лишася Магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ Литвою, присоединились къ славному Нѣмецкому Ордену Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть Святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать тамъ своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ и недуж-

ныхъ, служить имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ быть защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами Сарацинов. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное Папскою Буллою, назвалося Орденомъ Св. Маріи Іерусалимской, и Рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантіи чернымъ крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій Магистръ говорилъ всякому новому сочлену: »Если вступаешь »къ намъ въ общество съ надеждою вести »жизнь покойную и пріятную, то удались, несчастный! ибо мы требуемъ, чтобы ты отрекся отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, отъ родственниковъ, друзей »и собственной воли: чтожь въ замѣну »обѣщаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но когда придутъ для насъ »времена лучшія, тогда Орденъ сдѣлаетъ »тебя участникомъ всѣхъ своихъ выгодъ.« Сіи лучшія времена настали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже столь знаменитъ, что Великій Магистръ его, Германъ Зальца, могъ судить Папу, Гонорія III, съ Императоромъ Фридерикомъ II; завоевалъ Пруссію — ревностно обращая ея жителей въ Христіанство, т. е. огнемъ и мечемъ — принялъ Ливонскихъ

Рыцарей подъ свою защиту, далъ имъ Магистра, одежду, правила Ордена Нѣмецкаго, и наконецъ слово, что ни Литовцы, ни Датчане, ни Россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ Магистромъ Ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы[23]. Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія Ливонскихъ Рыцарей и Новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству, и возвратясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего Лѣтописца: »я прошелъ многія »страны, знаю свѣтъ, людей и Государ»рей, но видѣлъ и слушалъ Александра Но»вогородскаго съ изумленіемъ.« Сей юный Князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ[24]. Сей Вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: »ратоборствуй со мною, если

»смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей.« Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости Посламъ Шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе Архіепископа Спиридона, отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго, и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: »насъ не »много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ »силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ »Княземъ!« Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые Новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 Іюля приближился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный Ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный Лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные Новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ Христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго

моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся, и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцевъ *одѣянныхъ мглою* и двухъ лучезарныхъ Витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: »поможемъ родственнику нашему Александру!« По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ[25]; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Витязь Россійскій, Гавріилъ Олексичь, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичь, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ

на цѣлый полкъ, и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга Князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столпъ; шатеръ упалъ, и Россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили удалиться. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и Епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго*. Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что Лѣтописецъ, служа сему Князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ.

Рыцари Ливонскіе не помогали Шведамъ, однакожь старались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году[26] сосланный въ область Суздальскую, получилъ свободу, жилъ то-

гда у Нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ Россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники — чиновникъ Твердило и другіе — склонявшіе Рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, Нѣмцы собрали войско въ Оденпе, Дерптѣ, Феллинѣ[27], и съ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними; но претерпѣвъ великій уронъ, и желая спасти городъ, зажженный непріятелемъ, должны были согласиться на миръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ Нѣмцами, грабя села Новогородскія. Многіе добрые Псковитяне ушли съ семействами къ Александру и требовали его защиты. Къ несчастію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переславль Залѣсскій, съ матеріею, супругою и всѣмъ Дворомъ[28].

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы

утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодича, и призналъ втораго сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Литва, Нѣмцы, Чудь опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обработывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому: Архіепископъ со многими Боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ Князя, и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ, и все перемѣни- г.
лось. Немедленно собралось войско: Ново- 1241.
городцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ Нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены[29].

Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя, Твердила, и чужеземцевъ. Але-

Г. ксандръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему
1242. независимость, и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Лѣтописецъ Ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ Рыцарей положили тамъ свои головы, и что Князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ[30]. Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовый отрядъ Новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго Военачальника: зная силу Нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ. Еще зима продолжалась по-
Апрѣ- гда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и войско могло
ля 5. безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы острою колонною врѣзались въ наши ряды; но мужественный Князь, ударивъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ Нѣмцевъ и гналъ Чудь до самаго темнаго вечера. 400 Рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ, и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменности своей хотѣлъ плѣнить самого Александра; тѣла Чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ, Магистръ

Ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги, и спѣшилъ отправить Посольство въ Данію, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣрныхъ*, жестокихъ Россіянъ; но храбрый Князь, довольный ужасомъ Нѣмцевъ, вложилъ мечь въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками[31]. Духовенство встрѣтило Героя со крестами и съ пѣснями священными, славя Бога и Александра; народъ стремился къ нему толпами, именуя его отцемъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общею, сей добрый Князь пролилъ слезы, и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ: »О Псковитяне! если »забудете Александра; если самые отда»ленные потомки мои не найдутъ у васъ »вѣрнаго пристанища въ злополучіи: то »вы будете примѣромъ неблагодарности!«— Новогородцы радовались не менѣе Псковитянъ, и скоро Послы Ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными, и возвратили Псковскихъ аманатовъ, отказавшись не только отъ Луги и Водской области, но уступивъ Александру и знатную часть Летгалліи[32].

г. 1243—1245. Въ сіе время Литовцы разбили Ярослава *Владимировича*, который, оставивъ Нѣмцевъ, съ изволенія Александрова начальствовалъ въ Торжкѣ[33]. Соединясь съ Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности, овладѣвъ крѣпостію; но Герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ, и въ томъ числѣ 8 Князьковъ Литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвратился въ Новгородъ.—Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней, семь разъ побѣдилъ Литовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

Сіи частные успѣхи не могли перемѣнить общей судьбы Россіянъ, уже данниковъ Татарскихъ. Батый, завоевавъ многія области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе Моголовъ и воз-

вратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь Ханомъ, утвердилъ онъ свое владычество надъ Россіею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всѣми отъ устья Дона до рѣки Дуная[34]. Никто не дерзалъ ему противиться: народы, Государи старались смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ Великаго Князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ: презирая собственную личную опасность, Великій Князь отправился со многими Боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ Великому Хану Октаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія Моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда, по сказанію Историка Татарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго, ибо число гостей было несмѣтно. — Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Князей Россійскихъ[35], отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ Государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и скло-

Россія въ подданствѣ Моголовъ.

нили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ: Владимiръ Константиновичь, юный Борисъ Васильковичь, Василiй Всеволодовичь (внукъ Константиновъ) также *били челомъ* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татарiи; а Великiй Князь, вторично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерти Октая, занимались избранiемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ: сквозь степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева
Г. 1246. наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него Хану однимъ Россiйскимъ Вельможею, и получивъ милостивое дозволенiе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути[36].
Сентября 30. Кончина и свойства
Такимъ образомъ сей Князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженiя Россiи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенiя сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святаго отечества! Вѣр-

ные Бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія, предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ, дала ему ядъ, который въ седьмый день прекратилъ его жизнь, и ясно обнаружился пятнами на тѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірской области казаться страшнымъ Монарху, повелѣвавшему народами отъ Амура до устья Дунайскаго? Ярослава.

Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновителемъ разрушеннаго Великаго Княженія; гибкостію и превосходствомъ ума своего снискалъ почтеніе варваровъ, Батыя и Гаюка, но не заслужилъ *ревностной* похвалы нашихъ Лѣтописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ, отличаясь, можетъ быть, Вѣрою просвѣщенною, а не суевѣрствомъ. — Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оставленная имъ въ Новѣгородѣ,

скончалась тамъ въ 1244 году; за малое время до смерти постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоронена въ ономъ подлѣ ея сына, Ѳеодора[37].

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя обстоятельства кончины Михайловой[38].

Убіеніе Михаила.

Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принятъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ выдалъ за него дочь свою, Михаилъ вторично поѣхалъ туда совѣтоваться съ Королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига Татарскаго; но Бела изъявилъ къ нему столь мало уваженія, и самъ Ростиславъ такъ холодно встрѣтилъ отца, что сей Князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники Ханскіе переписывали тогда бѣдный остатокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до Боярина[39]. Они велѣли Михаилу ѣхать въ Орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ Духовника благословеніе и запасные Святые Дары, — ободренный, утѣшенный его Христіанскими наставленіями, онъ съ Вельможею Ѳеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковк-

чемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ Моголамъ, и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ Батыевъ; но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ ставкою священный огнь, и поклонился ихъ кумирамъ. »Нѣтъ!« сказалъ Михаилъ: »я могу поклониться Царю вашему, ибо »Небо вручило ему судьбу Государствъ »земныхъ; но Христіанинъ не служитъ »ни огню, ни глухимъ идоламъ.« Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего Вельможу, именемъ Эльдега[40], что должно повиноваться или умереть. »Да будетъ!« отвѣтствовалъ Князь; вынувъ Запасные Дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Ѳеодоромъ, причастился Святыхъ Таинъ, и пылая ревностію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно святые Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. »Для васъ не погублю души,« говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантію Княжескую[41], примолвилъ: »возмите

»славу міра; хочу небесной.« По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами: Бояре Россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Θеодоръ стоялъ покойно, и съ веселымъ лицемъ ободрялъ терзаемаго Князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно Христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михаилово страданіе, какой-то отступникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишутъ, что самъ Батый, удивляясь твердости сего несчастнаго Князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Θеодоръ пріялъ также вѣнецъ Мученика, и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на части варварами, славилъ благость Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала Святыми и великодушнаго Князя и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть Моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали по крайней мѣрѣ чудес-

ную силу Христіанства. — Юный Борисъ Васильковичь, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ свой Удѣлъ; о Князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Андрей Всеволодовичь, зять Даніилова брата, Василька[12]. Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ Удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять Короля Белы, остался въ Венгріи, и получивъ въ Удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался Государемъ сей области, Герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex de Madschau, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе; сестра же ихъ совокупилась бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ.

Счастливѣе Князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Ордою. Послы за Послами являлись у

него отъ имени Ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батыевой раболѣпствомъ или отказался отъ земли Галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ Кіевскую столицу, управляемую Бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; встрѣтилъ Татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ, безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ Князей. »Ты долго не хотѣлъ меня видѣть,« сказалъ Батый: »но теперь загладилъ вину »повиновеніемъ.« Горестный Князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе Хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе Татарскихъ обычаевъ; однакожъ велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: »вы не привыкли къ нашему молоку.« Сія честь стоила не дешево: Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника Ханскаго. — Далѣе откроется, что сей Князь, лаская Моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига.

Даніилъ честитъ въ Ордѣ.

Между тѣмъ Государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ Ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Не за-долго до того времени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михайловичь, зять Королевскій, предводительствуя Венграми, осаждалъ Ярославль; съ обѣихъ сторонъ изъявляли остервененіе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ Россіяне умертвили славнаго гордостію Полководца Венгерскаго, Фильнію, и въ кровопролитной* битвѣ одержали верхъ. Боясь, чтобы Моголы, какъ покровители Даніила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣсный союзъ, и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына, Льва: чему способствовалъ Митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ Князьямъ за искренность сего Монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ Поляками. Конрадъ умеръ его другомъ: Болеславъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый на дочери Александра Бельзскаго, Анастасіи,

въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту[43].

Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Татарію къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи: ибо Татары могли возвратиться. Нѣмецкій Императоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія Царствъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не терялъ бодрости, и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечь свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ Хану Монаховъ съ дружелюбными письмами[44]. Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Татарахъ, не забывалъ и нашихъ

предковъ, усильно домогаясь подчинить насъ Латинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

»Въ Мазовіи« — пишетъ Карпинъ — »встрѣтили мы Князя Россійскаго, Ва»силька« (брата Даніилова, ходившаго тогда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Ятвяговъ) »который разсказалъ намъ весьма »много любопытнаго о Татарахъ. Узнавъ, »что не должно ѣхать въ Орду съ пусты»ми руками, мы купили нѣсколько бобро»выхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, Герцогъ »Краковскій, Епископъ и Бароны Польскіе »снабдили насъ также всякими мѣхами, »прося Князя Василька быть нашимъ по»кровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали »мы въ его столицу (Владиміръ Волын»скій), гдѣ, отдохнувъ, желали бесѣдовать »съ Россійскими Епископами, и предло»жили имъ письма отъ Папы, который »убѣждалъ ихъ присоединиться къ Латин»ской Церкви; но Епископы и Василько »отвѣтствовали, что они не могутъ ни»чего сказать намъ безъ Князя Даніила, »брата Василькова, бывшаго тогда въ »Ордѣ. Послѣ чего Василько отправилъ »насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и »прибыли благополучно, не смотря на

»глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасно»сти[45]: ибо Литовцы безпрестанными »набѣгами тревожатъ сію часть Россіи. »Жителей вездѣ мало: они истреблены »Моголами, или отведены ими въ плѣнъ. »Въ Кіевѣ наняли мы Татарскихъ лоша»дей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли »бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ »нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а Татарскія, »разбивая копытами снѣгъ, питаются »одною мерзлою травою.

»Первое мѣсто, въ коемъ живутъ Мо»голы (близъ Кіева), называется *Хановымъ.* »Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ, »спрашивая, за чѣмъ и куда ѣдемъ? Я от»вѣчалъ, что мы Послы отца и владыки »всѣхъ Христіанъ, который, ничѣмъ не »оскорбивъ Государей Татарскихъ, съ край»нимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи »Венгріи и Польши, гдѣ живутъ *его под»данные;* что онъ, желая мира, въ пись»махъ своихъ убѣждаетъ Хановъ принять »Вѣру Христіанскую, безъ коей нѣтъ спа»сенія. Моголы удовольствовались нѣко»торыми подарками и дали намъ вожа»тыхъ до Орды главнаго ихъ начальника. »Онъ называется Куремсою, предводи»тельствуетъ шестидесятью тысячами »воиновъ и хранитъ западные предѣлы

»Могольскихъ владѣній. — Куремса отпра»вилъ насъ къ Батыю, первѣйшему изъ »Хановъ послѣ Великаго.

»Мы проѣхали всю землю Половецкую, »обширную равнину, гдѣ текутъ рѣки »Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ, и гдѣ лѣ»томъ кочуютъ Татары, повинуясь раз»нымъ Воеводамъ[46], а зимою приближают»ся къ морю *Греческому* (или Черному). »Самъ Батый живетъ на берегу Волги, »имѣя пышный, великолѣпный Дворъ, и »600,000 воиновъ, 160,000 Татаръ и 450,000 »иноплеменниковъ, Христіанъ и другихъ »подданныхъ. Въ Пятницу Страстныя »недѣли провели насъ въ ставку его ме»жду двумя огнями, для того, какъ гово»рили Татары, что огонь есть чисти»лище для всякихъ злыхъ умысловъ, отни»мая даже силу у скрываемаго яда. Мы »должны были нѣсколько разъ кланяться »и вступить въ шатеръ, не касаясь по»рога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною »изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и »Вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, »мужчины на правой, а женщины на лѣ»вой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный »изъ тонкаго полотна, принадлежалъ Ко»ролю Венгерскому: никто не смѣетъ »входить туда безъ особеннаго дозволенія,

»кромѣ семейства Ханскаго. Намъ указали »мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Батый съ »великимъ вниманіемъ читалъ письма »Иннокентіевы, переведенныя на языки »Славянскій, Арабскій и Татарскій. Ме»жду тѣмъ онъ и Вельможи его пили изъ »золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ: »при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣс»нями. Батый имѣетъ лице красноватое[47]; »ласковъ въ обхожденіи съ своими, но гро»зенъ для всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ, »и славится опытностію. — Онъ велѣлъ »намъ ѣхать къ Великому Хану.

»Хотя мы были весьма слабы, ибо »питались во весь постъ однимъ просомъ »и пили только снѣжную воду, однакожь »ѣхали скоро, пять или шесть разъ въ »день мѣняя лошадей, гдѣ находили ихъ. »Земля Половецкая во многихъ мѣстахъ »есть дикая степь: жители истреблены »Татарами, или бѣжали; другіе признали »себя ихъ подданными. Она граничитъ »къ Сѣверу съ Россіею, Мордвою, Болга»ріею, Башкиріею (pays des Bastarques), »отечествомъ Венгровъ, и съ Самоѣдами »(Samogedes), обитающими на пустынныхъ »берегахъ Океана[48]; къ Югу съ Аланами »(Оссетинцами), Черкесами, Козарами и »Греціею. За Половцами начинается стра-

»на Кангитовъ (Канглей или Хвалисовъ), »совершенно безводная, и мало населенная. »Въ сей печальной степи (нынѣ Киргиз-»ской) умерли отъ жажды Бояре Яросла-»ва, Князя Россійскаго, посланные имъ въ »Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся »земля опустошена Моголами; жители, »не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, »и такъ же, какъ Половцы, не знаютъ »хлѣбопашества, а кормятся однимъ ско-»товодствомъ.

»Около Вознесенія Христова въѣхали »мы въ страну Бесерменовъ« (Харазовъ или Хивинцевъ) »говорящихъ языкомъ По-»ловцевъ, но исповѣдующихъ Вѣру Сара-»цинскую[49]. Тамъ представилось намъ мно-»жество селъ и городовъ опустошенныхъ. »Владѣтель ихъ, называемый Великимъ »Султаномъ, погибъ со всѣмъ родомъ отъ »меча Татарскаго. Сія земля имѣетъ боль-»шія горы и сопредѣльна къ Сѣверу (Во-»стоку) съ Черными Китанами (въ Ма-»лой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, братъ »Батыевъ, и гдѣ находится дворецъ Хан-»скій[50]. Далѣе мы увидѣли обширное озе-»ро (Байкалъ), оставили его на лѣвой »сторонѣ, и чрезъ землю кочующихъ Най-»мановъ въ исходѣ Іюня прибыли въ оте-

»чество Моголовъ, которые суть истин-
»ные Татары.

»Уже несколько лѣтъ они готовились »къ избранію Великаго Хана; но Гаюкъ »еще не былъ торжественно возглашенъ »Октаевымъ преемникомъ: онъ велѣлъ »намъ ждать сего времени, и послалъ къ »матери, вдовствующей супругѣ Октае-»вой, именемъ Тураканѣ, у коей собира-»лись всѣ чиновники и старѣйшины: ибо »она была тогда правительницею. Ея »ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣ-»стить болѣе 2000 человѣкъ. Воеводы »сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ »серебромъ, и совѣтовались между собою[51]. »Одежда ихъ въ первый день была *пурпу-»ровая бѣлая*, на другой день красная, на »третій синеватая, а на четвертый »алая. Народъ толпился внѣ ограды. У »воротъ стояли воины съ обнаженными »мечами; въ другія ворота, хотя оста-»вленныя безъ стражи, никто не смѣлъ »входить кромѣ Гаюка. Вельможи безпре-»станно пили кумысъ и хотѣли насъ »также поить; но мы отказались. Они »вездѣ давали первое мѣсто намъ и Рос-»сійскому Князю Ярославу; тутъ же на-»ходились два сына Грузинскаго Царя, По-»солъ Калифа Багдадскаго и многіе другіе

»Послы Сарацинскіе, числомъ до четы»рехъ тысячь: одни съ дарами, иные съ »данію.

»Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣ»сяцъ въ семъ шумномъ станѣ, называе»момъ Сыра Орда, и часто видѣли Гаюка. »Когда онъ выходилъ изъ шатра своего, »пѣвцы обыкновенно шли впереди и гром»ко пѣли его славу. Наконецъ Дворъ пере»ѣхалъ въ другое мѣсто, и расположился »на берегу ручья, орошающаго прекрасную »долину, гдѣ стоялъ великолѣпный ша»теръ, называемый *Златая Орда*. Стол»пы сего шатра, внутри и снаружи укра»шеннаго богатыми тканями, были око»ваны золотомъ. Тамъ надлежало Гаюку »торжественно возсѣсть на престолъ въ »день Успенія Богоматери. Но ужасная не»погода, градъ и снѣгъ препятствовали »совершенію обряда до 24 Августа. Въ »сей день собрались Вельможи, и смотря »на Югъ, долго молились Всевышнему: по»слѣ чего возвели Гаюка на златый тронъ, »и преклонили колѣна; народъ также. »Князья и Вельможи говорили Императо»ру: *мы хотимъ и требуемъ, чтобы ты »повелѣвалъ нами.* Гаюкъ спросилъ: *же»лая имѣть меня Государемъ, готовы ли »вы исполнять мою волю; являться, когда*

»*позову васъ; итти, куда велю, и предать* »*смерти всякаго, кого наименую?*» всѣ отвѣтствовали: »*готовы!*« . . . *И такъ*« (сказалъ Гаюкъ) »*слово мое да будетъ отнынѣ* »*мечемъ!*« Вельможи взяли его за руку, свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря Императору: »*Надъ тобою Небо и* »*Всевышній; подъ тобою земля и войлокъ.* »*Если будешь любить наше благо, милость* »*и правду, уважая Князей и Вельможъ* »*по ихъ достоинству, то царство Гаюково* »*прославится въ мірѣ, земля тебѣ поко*»*рится и Богъ исполнитъ всѣ желанія* »*твоего сердца. Но если обманешь надежду* »*подданныхъ, то будешь презрителенъ, и* »*столь бѣденъ, что самый войлокъ, на ко*»*торомъ сидишь, у тебя отнимется.* То»гда Вельможи, поднявъ Гаюка на рукахъ, »возгласили его Императоромъ, и при»несли къ нему множество серебра, золо»та, камней драгоцѣнныхъ и всю казну »умершаго Хана; а Гаюкъ часть сего бо»гатства роздалъ чиновникамъ въ знакъ »ласки и щедрости. Между тѣмъ гото»вился пиръ для Князей и народа; пили »до самой ночи, и развозили въ телегахъ »мясо, вареное безъ соли.

»Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 »лѣтъ, росту средняго, отмѣнно уменъ,

»догадливъ и столь важенъ, что никогда »не смѣется. Христіане, служащіе ему, »увѣряли насъ, что онъ думаетъ при»нять Вѣру Спасителеву, ибо держитъ »у себя Христіанскихъ Священниковъ и »дозволяетъ имъ всенародно передъ сво»имъ шатромъ отправлять Божествен»ную службу по обрядамъ Греческой Цер»кви. Сей Императоръ говоритъ съ ино»странцами только черезъ переводчиковъ, »и всякой, кто подходитъ къ нему, дол»женъ стать на колѣна. У него есть гра»жданскіе чиновники и Секретари, но нѣтъ »стряпчихъ: ибо Моголы не терпятъ »ябеды, и слово Ханское рѣшитъ тяжбу. »Что скажетъ Государь, то и сдѣлано; »никто не смѣетъ возражать или про»сить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, »пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ »обратить въ пепелъ. Смерть Октаева »удержала Моголовъ въ ихъ стремленіи »сокрушить Европу: нынѣ, имѣя новаго »Хана, они ревностно желаютъ кровопро»литія, и Гаюкъ, едва избранный, въ пер»вомъ совѣтѣ съ Князьями своими поло»жилъ объявить войну Церкви нашей, Им»періи Римской, всѣмъ Государямъ Хри»стіанскимъ и народамъ Западнымъ, если »Св. Отецъ — чего Боже избави — не испол-

»нитъ его требованій, то есть, не по»корится ему со всѣми Государями Европейскими: ибо Моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ »овладѣть вселенною.

»Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ »насъ, равно какъ и другихъ Пословъ. Се»кретарь его сказывалъ ему имя каждаго; »однакожъ не многіе изъ нихъ были впу»щены въ ставку Императорскую. Дары, »поднесенные ими Хану, состояли въ шел»ковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣд»лахъ, также вельблюдахъ и лошакахъ, »богато украшенныхъ. Между сими без»численными дарами мы замѣтили одинъ »зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными »камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ »шатровъ стояло болѣе пяти сотъ те»легъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, »шелковыми одеждами: что все было от»дано Хану, Князьямъ и Вельможамъ, ко»торые послѣ дарили тѣмъ своихъ чи»новниковъ. Одни мы не поднесли ничего, »ибо ничего не имѣли.

»Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ »не хотѣлъ вступить съ нами въ пере»говоры, и мы около мѣсяца жили празд»но, въ скукѣ, въ недостаткѣ, получая »отъ Моголовъ на пять дней не болѣе

»того, что надлежало издержать въ одинъ »день; а купить было нечего. Къ счастію, »добрый Россіянинъ, золотарь, именемъ »Комъ, любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ »всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ печать для »Хана и тронъ изъ слоновой кости, укра-»шенный золотомъ и камнями драгоцѣн-»ными съ разными изображеніями, и съ »удовольствіемъ показывалъ намъ свою ра-»боту. — Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ, »спросилъ, есть ли у Папы люди знаю-»щіе языкъ Татарскій, Русскій или Араб-»скій? Нѣтъ, отвѣчали мы: хотя въ Евро-»пѣ и находятся нѣкоторые Арабы, но »далеко отъ того мѣста, гдѣ живетъ »Папа. Впрочемъ мы брались сами пере-»вести на Латинскій языкъ, что будетъ »угодно Хану написать къ Св. Отцу. Въ »слѣдствіе того пришелъ къ намъ Кадакъ, »государственный Министръ, съ тремя »Ханскими Секретарями для сочиненія »грамоты, которую мы, слушая ихъ, пи-»сали на Латинскомъ языкѣ, и толковали »имъ каждое слово: ибо они боялись ошиб-»ки въ переводѣ, и спрашивали, ясно ли »разумѣемъ, что пишемъ? Приставы на-»ши говорили, что Ханъ отправитъ съ »нами собственныхъ Пословъ въ Европу, »если будемъ о томъ просить его; но

»сего мы не хотѣли: во-первыхъ для то»го, что они увидѣли бы несогласіе и »междоусобіе Государей Христіанскихъ, »столь благопріятное для невѣрныхъ; во»вторыхъ, ежели бы съ Послами Гаюка »сдѣлалось какое несчастіе въ Европѣ, то »онъ еще болѣе остервенился бы про»тивъ Христіанъ. Къ тому же Ханъ не »уполномочилъ бы сихъ Пословъ для за»ключенія надежнаго мира, а велѣлъ бы »имъ единственно вручить письма Св. »Отцу такого же содержанія, какъ и дан»ныя намъ за его печатію[52].

»Откланявшись Гаюку и матери его, »которая дала намъ по шубѣ лисьей и по »красному кафтану, мы отправились въ »обратный путь, 14 Ноября, чрезъ не»обозримыя пустыни; не видали ни селе»ній, ни лѣсовъ; ночевали въ степяхъ, на »снѣгу, и пріѣхали къ Вознесенію въ станъ »Батыевъ, чтобы взять у него письма »къ Папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ »не можетъ ничего прибавить къ отвѣ»ту Хана, и далъ намъ пропускъ, съ ко»имъ мы благополучно доѣхали до Кіева, »гдѣ считали насъ уже мертвыми, равно »какъ и въ Польшѣ. Князь Россійскій Да»ніилъ и братъ его, Василько, оказали »намъ много ласки въ своемъ владѣніи, и

»собравъ Епископовъ, Игуменовъ, знатныхъ »людей, съ общаго согласія объявили, что »они *намѣрены признать Св. Отца Гла»вою ихъ Церкви, подтверждая все сказан»ное ими о томъ прежде чрезъ особеннаго »Посла, бывшаго у Папы.*«

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамотами Иннокентія IV, съ лѣтописями Польскими и нашими собственными. Занимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево, Даніилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи, уныніе Князей и народа; не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе, и долженствовалъ искать способовъ внѣ отечества. Единовѣрная Греція, стѣсненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Даніилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душею и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить Церковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея знаменами итти противъ Моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ[53]. Папа, называя Даніила Королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ Архіепископу Прусскому ѣхать въ Галицію, и выбрать тамъ Святителей изъ ученыхъ Монаховъ Ка-

Политика Даніилова.

толическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды Греческой Вѣры, не противные Латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфирахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество Князя Василька, женатаго на родственницѣ *въ третьемъ* и *четвертомъ колѣнѣ* (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована *Добравою*); наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ Королевскій. Разумный Князь отвѣтствовалъ: »требую войска, а не вѣн»ца, украшенія суетнаго, пока варвары »господствуютъ надъ нами[54].« Иннокентій обѣщалъ и войско: но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя Католикомъ; оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году Легатъ Папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество Короля Венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими Царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что Князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ Пословъ Римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ

видѣть ихъ, сказавъ: »мнѣ, какъ Государю, непристойно бесѣдовать съ вами въ »землѣ чуждой.« Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Батыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Даніилъ призналъ Папу *своимъ отцемъ* и Намѣстникомъ Св. Петра, коего властію Посолъ Иннокентіевъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ*; а Папа написалъ грамоту къ Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ Галичанами *подъ знаменіемъ креста* ударили на Моголовъ[55]; но какъ отъ безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что »онъ

Даніилъ, Король Галицкій.

»забылъ *духовныя* и *временныя* благодѣя-
»нія Церкви, вѣнчавшей и помазавшей его
»на царство; не исполнилъ своихъ обѣ-
»товъ, и погибнетъ, если съ новымъ ра-
»скаяніемъ не обратится на путь исти-
»ны; что клятва церковная и булатъ
»мірскій готовы наказать неблагодарна-
»го[56].« Въ надеждѣ смирять Моголовъ По-
сольствами и дарами, новый Король Га-
лицкій, богатый казною, сильный вой-
скомъ, окруженный сосѣдами или несо-
гласными или слабыми, уже смѣялся надъ
злобою Папы, и строго наблюдая уставы
Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое
присоединеніе его къ Латинской было
одною государственною хитростію[57].

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

»Татары (повѣствуетъ Карпинъ) от-
»личны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей,
»имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза
»едва примѣтные, ноги маленькія; боль-
»шею частію ростомъ не высоки и ху-
»ды[58]; лицемъ смуглы и рябы. Они брѣ-
»ютъ волосы за ушами и спереди на лбу,

»отпуская усы, бороду и длинныя косы »назади; выстригають себѣ также гуменцо, подобно нашимъ Священникамъ. »Мужчины и женщины носятъ кафтаны »парчевые, шелковые и клеенотные, или »шубы навыворотъ (получая ткани изъ »Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, зе»мли Мордовской, Башкиріи) и какія-то »странныя высокія шапки[59]. Живутъ въ »шатрахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ и »покрытыхъ войлоками; вверху дѣлается »отверстіе, чрезъ которое входитъ свѣтъ »и выходитъ дымъ: ибо у нихъ всегда »пылаетъ огонь въ ставкѣ. Стада и та»буны Могольскіе безчисленны: въ цѣлой »Европѣ нѣтъ такого множества лоша»дей, вельблюдовъ, овецъ, козъ и рогатой »скотины. Мясо и жидкая просяная каша »есть главная пища сихъ дикарей, доволь»ныхъ малымъ ея количествомъ. Они не »знаютъ хлѣба; ѣдятъ все нечистыми »руками, обтирая ихъ объ сапоги или »траву; не моютъ ни котловъ, ни самой »одежды своей; любятъ кумысъ и пьян»ство до крайности, а медъ, пиво и вино »получаютъ иногда изъ другихъ земель. »Мужчины не занимаются никакими ра»ботами: иногда присматриваютъ толь»ко за стадами или дѣлаютъ стрѣлы.

»Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже са»дятся на лошадь; женщины также ѣздятъ »верхомъ, и многія стрѣляютъ изъ лука »не хуже воиновъ; въ хозяйствѣ же уди»вительно трудолюбивы: стряпаютъ, »шьютъ платье, сапоги; чинятъ телеги, »навьючиваютъ вельблюдовъ. Вельможи и »богатые люди имѣютъ до ста женъ; »двоюродные совокупляются бракомъ, па»сынокъ съ мачихою, невѣстки съ деве»ремъ. Женихъ обыкновенно покупаетъ »невѣсту у родителей, и весьма дорогою »цѣною. Не только прелюбодѣяніе, но и »блудъ наказывается смертію, равно какъ »и воровство, столь необыкновенное, что »Татары не употребляютъ замкòвъ; бо»ятся, уважаютъ чиновниковъ, и въ са»момъ пьянствѣ не ссорятся или по край»ней мѣрѣ не дерутся между собою; скром»ны въ обхожденіи съ женщинами и не»навидятъ срамословіе; терпѣливо сно»сятъ зной, морозъ, голодъ, и съ пустымъ »желудкомъ поютъ веселыя пѣсни; рѣдко »имѣютъ тяжбы, и любятъ помогать »другъ другу; но за то всѣхъ иноплемен»ныхъ презираютъ, какъ мы видѣли соб»ственными глазами: напримѣръ, Ярославъ »Великій Князь Россійскій, и сынъ Царя »Грузинскаго, будучи въ Ордѣ, не смѣли

»иногда сѣсть выше своихъ приставовъ. »Татаринъ не обманываетъ Татарина; »но обмануть иностранца считается по»хвальною хитростію.

»Что касается до ихъ Закона, то они »вѣруютъ въ Бога, Творца Вселенныя, »награждающаго людей по ихъ достоин»ству; но приносятъ жертвы идоламъ, »сдѣланнымъ изъ войлока или шелковой »ткани, считая ихъ покровителями ско»та; обожаютъ солнце, огонь, луну, на»зывая оную великою царицею, и прекло»няютъ колѣна, обращаясь лицемъ къ »Югу; славятся терпимостію и не про»повѣдуютъ Вѣры своей; однакожь при»нуждаютъ иногда Христіанъ слѣдовать »обычаямъ Могольскимъ: въ доказатель»ство чего разскажемъ случай, которому »мы были свидѣтелями. Батый велѣлъ »умертвить одного Князя Россійскаго, »именемъ Андрея[60], будто бы за то, что »онъ, вопреки Ханскому запрещенію, вы»писывалъ для себя лошадей изъ Татаріи »и продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена »убитаго Князя, пріѣхавъ къ Батыю, »молили его не отнимать у нихъ Княже»нія: онъ согласился, но принудилъ деверя »къ брачному совокупленію съ невѣсткою, »по обычаю Моголовъ.

»Не вѣдая правилъ истинной добродѣ»тели, они вмѣсто законовъ имѣютъ »какія-то преданія, и считаютъ за грѣхъ »бросить въ огонь ножикъ, опереться на »хлыстъ, умертвить птенца, вылить »молоко на землю, выплюнуть изо-рта »пищу; но убивать людей и разорять »Государства кажется имъ дозволенною »забавою. О жизни вѣчной не умѣютъ »сказать ничего яснаго, а думаютъ, что »они и тамъ будутъ ѣсть, пить, зани»маться скотоводствомъ и проч. Жрецы »ихъ суть такъ называемые волхвы, га»датели будущаго, коихъ совѣтъ ува»жается ими во всякомъ дѣлѣ. (Глава ихъ, »или Патріархъ, живетъ обыкновенно »близъ шатра Ханскаго[61]. Имѣя астроно»мическія свѣдѣнія, они предсказываютъ »народу солнечныя и лунныя затмѣнія).

»Когда занеможетъ Татаринъ, родные »ставятъ передъ шатромъ копье, обви»тое чернымъ войлокомъ: сей знакъ уда»ляетъ отъ больнаго всѣхъ посторонныхъ. »Умирающаго оставляютъ и родные. Кто »былъ при смерти человѣка, тотъ не »можетъ видѣть ни Хана, ни Князей до »новой луны. Знатныхъ людей погребаютъ »тайно, съ пищею, съ осѣдланнымъ ко»немъ, серебромъ и золотомъ; телега и

»ставка умершаго должны быть сожжены, »и никто не смѣетъ произнести его имени до третьяго поколѣнія. — Кладбище »Хановъ, Князей, Вельможъ неприступно: »гдѣ бы они ни скончали жизнь свою, »Моголы отвозятъ ихъ тѣла въ сіе мѣсто; тамъ погребены многіе, убитые »въ Венгріи. Стражи едва было не застрѣлили насъ, когда мы нечаянно приближились къ гробамъ.

»Таковъ сей народъ, ненасытимый въ »кровопролитіи. Побѣжденные обязаны »давать Моголамъ десятую часть всего »имѣнія, рабовъ, войско, и служать орудіемъ для истребленія другихъ народовъ. »Въ наше время Гаюкъ и Батый прислали въ Россію Вельможу своего, съ тѣмъ, »чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ нахваталъ множество людей безъ всякаго разбора, и переписалъ всѣхъ жителей, какъ »данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ »шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, »хорька[62], и черною лисьею; а не платящіе должны быть рабами Моголовъ. Сіи »жестокіе завоеватели особенно стараются искоренять Князей и Вельможъ; требуютъ отъ нихъ дѣтей въ аманаты, »и никогда уже не позволяютъ имъ вы-

»ѣхать изъ Орды. Такъ *сынъ Ярославовъ*[63] и »Князь Ясскій живутъ въ неволѣ у Хана. »Начальники Могольскіе въ земляхъ завое»ванныхъ именуются Баскаками, и при »малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь »людей безоружныхъ: такъ истребили »они *великое число Россіянъ, обитавшихъ »въ землѣ Половецкой*[64].

»Однимъ словомъ, Татары хотятъ »исполнить завѣщаніе Чингисханово и по»корить всю землю: для того Гаюкъ »именуетъ себя въ письмахъ *Государемъ »міра*, прибавляя: *Богъ на небесахъ, я на »землѣ.* Онъ готовится послать въ Мар»тѣ 1247 году одну рать въ Венгрію, а »другую въ Польшу; черезъ три года пе»рейти за Донъ и 18 лѣтъ воевать Евро»пу. Моголы и прежде, побѣдивъ Короля »Венгерскаго, думали итти безпрестанно »далѣе и далѣе; но внезапная смерть Ха»на, *отравленнаго ядомъ*, остановила тогда »ихъ стремленіе[65]. Гаюкъ намѣренъ еще »завоевать Ливонію и Пруссію. Государи »Европейскіе должны соединенными сила»ми предупредить замыслы Хана, или бу»дутъ его рабами.«

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ жилъ не долго, и преемникъ его, Мангу, озабоченный внутренними безпорядками

въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время страшился Востока, и Святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ Монаховъ въ Татарію съ дружелюбными письмами, услышавъ, что Великій Ханъ принялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ Христіанскихъ Священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и Магометанами, даже обращать женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры отцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи* (гдѣ жили многіе Греки съ Готѳами подъ властію[66] Моголовъ), чрезъ нынѣшнюю землю Донскихъ Козаковъ, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую Губернію, гдѣ въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами[67]. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ тамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига Татар-

скаго. Батый кочевалъ въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ[68]. Въ станѣ Могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При Дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренностію Моголовъ, часто разсказывая имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ Государей. — Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь, и пріѣхавъ къ Великому Хану, старался доказать ему превосходство Вѣры Христіанской[69]; но Мангу равнодушно отвѣтствовалъ: »Моголы знаютъ, что есть »Богъ, и любятъ Его всею душею. Сколь»ко у тебя на рукѣ пальцевъ, столько »или болѣе можно найти путей ко спа»сенію. Богъ далъ вамъ Библію, а намъ »волхвовъ: вы не исполняете ея предпи»саній, а мы слушаемся своихъ наставни»ковъ, и ни съ кѣмъ не споримъ... Хо»чешь ли золота? Взявъ его изъ казны »моей, иди, куда тебѣ угодно.« Посолъ

Людовиковъ нашелъ при Дворѣ Ханскомъ Россійскаго Архитектора и Діакона, Венгровъ, Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Парижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изобиліи[70]. Сей Гильйомъ сдѣлалъ для Хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ львахъ, которые служили чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ, пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины дерева и лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе сосуды; на деревѣ стоялъ крылатый Ангелъ и трубилъ въ трубу, когда надлежало гостямъ пить. Моголы вообще любили художниковъ, обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правленію безсмертнаго Иличутсая, о коемъ мы выше упоминали, и который бывъ долгое время Министромъ Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать ихъ подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ Китайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ Математиками Арабскими и Персидскими сочинилъ Календарь для Моголовъ, самъ переводилъ книги, чертилъ географическія карты, покровительствовалъ художниковъ; и ко-

гда умеръ, то завистники сего великаго мужа, къ стыду своему, нашли у него, вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ творенїй о наукѣ править Государствомъ, объ Астрономїи, Исторїи, Медицинѣ и земледѣлїи[71].

Великїй Ханъ, отпуская Людовикова Посла, далъ ему гордое письмо къ Королю Французскому, заключивъ оное сими словами: »Именемъ Бога Вседержителя повелѣваю »тебѣ, Королю Людовику, быть мнѣ по»слушнымъ, и торжественно объявить, »чего желаешь: мира или войны? Когда воля »Небесъ исполнится и весь мїръ призна»етъ меня своимъ Властителемъ, тогда »воцарится на землѣ блаженное спокой»ствїе, и счастливые народы увидятъ, »что мы для нихъ сдѣлаемъ! Но если дерз»нешь отвергнуть повелѣнїе Божествен»ное, и скажешь, что земля твоя отда»лена, горы твои неприступны, моря глу»боки, и что насъ не боишься: то »Всесильный, облегчая трудное и при»ближая отдаленное, покажетъ тебѣ, что »можемъ сдѣлать!« Такова была надменность Моголовъ!

Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и прїѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ

отъ Астрахани, на берегу Ахтубы[72]. Не далеко оттуда, на среднемъ протокѣ Волги, находился и древнѣйшій городъ Сумеркентъ, въ коемъ обитали Ясы и *Сарацины*[73]: Татары осаждали его восемь лѣтъ и едва могли взять, по словамъ нашего путешественника. — Имѣвъ случай видѣть Россіянъ, сей Посолъ Людовиковъ сказываетъ, что жены ихъ, украшая голову подобно Француженкамъ, опушиваютъ низъ своего платья бѣлками и горностаями, а мужчины носятъ *епанчи Нѣмецкія* и поярковыя шапки, остроконечныя и высокія. Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета Россійская состоитъ изъ кожаныхъ, пестрыхъ лоскутковъ[74]. Чрезъ Дербентъ, Ширванъ (гдѣ находилось великое число Жидовъ) Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ Могольскій Воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно достигъ Кипра[75].

ГЛАВА II.

Великіе Князья Святославъ Всеволодовичь, Андрей Ярославичь и Александръ Невскій.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1247 — 1263.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ.

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ въ Владиміръ, чтобы оплакать онуую вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для государственнаго порядка.
Г. 1247. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ, наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ Княженіяхъ[76].

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ Ордѣ, и Россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ Княземъ: даже стращали имъ Моголовъ[77]. Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: »Князь Новогородскій! извѣстно ли тебѣ, »что Богъ покорилъ мнѣ множество на»родовъ? Ты ли одинъ будешь независи»мымъ? Но если хочешь властвовать »спокойно, то явись немедленно въ шатрѣ »моемъ, да познаешь славу и величіе Мо»головъ.« Александръ любилъ отечество болѣе своей Княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ, и презирая личную опасность не менѣе тщеславія, въ слѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ Могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ Вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей Князь дѣйствительно есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовію къ народу Россійскому и благородствомъ сердца! — Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно

Александръ въ Ордѣ.

Ярославу, ѣхать въ Татарію къ Великому Хану. Сіи путешествія были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убранства и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ[78]. Можетъ быть, въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: Скиѳы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало Князей Россійскихъ въ Татаріи? уничиженіе и горесть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для Государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего, и думали, что они также, можетъ быть, навѣки простились съ любезнымъ отечествомъ.

Г. 1248. Князь Московскій

Въ отсутствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ *Храбрый*, изгналъ — какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — *дядю* ихъ,

Святослава, изъ Владиміра, но въ ту же зиму, воюя съ Литвою, положилъ свою голову въ битвѣ. Тѣло его осталось на берегу Протвы[79]: Епископъ Суздальскій, Кириллъ, ревностный блюститель Княжеской чести, велѣлъ привезти оное въ Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ храма Соборнаго; а братья Михаиловы отмстили Литовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцева. убитъ Литвою.

Наконецъ Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ Великаго Хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ; а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ[80]. Удѣльные Князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ — какъ то Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Васильковичь Бѣлозерскій — ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи[81]. Г. 1249. Г. 1250. Дряхлость Батыева.

Въ сіе время Герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима, и получилъ отъ

Папы, Иннокентія IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ[82]. Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у Великаго Хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то Боярина далъ слово Монаху Карпину принять Вѣру Латинскую, и безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія; что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника; что Князь и народъ Россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя Церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный стражъ Христіанъ, немедленно увѣдомить Рыцарей Ливонскаго Ордена, если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти Хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними, и

Посольство изъ Рима.

написалъ къ Папѣ: »мы знаемъ истинное »ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и »знать не хотимъ.« Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію: также и Митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра, и къ общему удовольствію посвятилъ ихъ Архіепископа, Далмата[83]. Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію Князя Александра, въ коей все Государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе Моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ Орду множество золота для искупленія Россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, Бояръ и Духовенства: Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить безопасностію сѣверную область Новогородскую, отправилъ Посольство къ Норвежскому Королю Гакону въ Дронтгеймъ, предла-

Г. 1251.

Г. 1251 — 52. Болѣзнь Александрова.

Посольство въ Норвегію.

*

гая ему, чтобы онъ запретилъ Финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію[84]. Посламъ Россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король Норвежскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ Вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго Княженія, отложилъ семейственное дѣло до инаго, благопріятнѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго[85]: княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя

обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи Моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ *Храбрый*, и Котья, Воеводы Татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину, и едва не схватили самого Князя. Обрадованныя случаемъ мстить Россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали скотъ, людей; убили въ Переславлѣ Воеводу[36], супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣтей, и съ добычею удалились. — Несчастный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ; но жители не хотѣли принять его. Онъ дождался своей Княгини въ Псковѣ; оставилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у Дат-

Бѣгство Андреево.

Г. 1252, Іюля 24.

чапъ, и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкоторое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка Шведовъ не могла утѣшить его въ семъ произвольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Благоразуміе Александра

Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на Россіянъ, и признанный въ Ордѣ *Великимъ Княземъ*, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, Игумены, Священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и Бояре подъ начальствомъ Тысячскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ Великомъ Княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и Священники къ олтарямъ. — Въ сіе время Татары отпустили отъ себя Рязанскаго Князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ 6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ Монахомъ и Схимникомъ[87]. Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ Рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ тамъ сына своего, Василія, который счастливо отразилъ Литовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный Ливонскими Рыцарями, защищался мужественно. Непріятель отступилъ, свѣдавъ, что идутъ Новогородцы; а Россіяне и Корела, опустошивъ часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили Нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей. Г. 1253.

Между тѣмъ, какъ Великій Князь радовался успѣхамъ оружія Новогородскаго, онъ былъ изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени, братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ Боярами, сдѣлался Княземъ Псковскимъ, и разными хитростями преклонилъ къ себѣ Новогородцевъ. Они стали жаловаться на Василія, хотѣли послать Архіепископа съ челобитьемъ къ Александру, и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго Героя, объявили Ярослава своимъ Правителемъ. Великій Князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему Г. 1255. Вѣтреность Новогородцевъ.

любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и спали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: »онъ »измѣнникъ! убьемъ злодѣя!« Но Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: *убейте прежде меня самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посолъ Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непрія-

телемъ[88]. Народъ отправилъ къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. »Новгородъ любитъ тебя и не »хочетъ противиться своему законному »Князю,« говорили ему сіи Послы: »иди »къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва, и не »слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія »есть добрый гражданинъ.« Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ Новогородцы стыдились казаться малодушными. »Нѣтъ,« говорилъ народъ: »если »Князь вѣритъ Новогородскимъ клятво»преступникамъ болѣе, нежели Новугоро»ду, то Богъ и Святая Софія не оста»вятъ насъ. Не винимъ Александра, но »будемъ тверды.« Они три дни стояли вооруженные. Наконецъ Князь велѣлъ объявить имъ, что онъ удовольствуется смѣною Посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу Владимірскую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились на берегахъ Наровы, и заложили тамъ городъ[89]. Встревоженные Новогород-

Г. 1256. цы послали гонцевъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достроивъ крѣпости — но Великій Князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ Митрополитъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна[90]. Батый умеръ: сынъ его — вѣроятно Сартакъ — хотѣлъ господствовать надъ Татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ

Смерт. Батыева.

Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и вввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣстнику Улавчію. Сей Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе Татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: въ слѣдъ за ними пріѣхали чиновники Татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей, и поставили надъ ними Десятниковъ, Сотниковъ, Темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и Монаховъ. Хитрость достойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше отечество, съ равною свирѣпостію лили кровь и мірянъ и Духовныхъ, ибо не думали жить близъ его предѣловъ, и страшась оставить за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей; но обстоятельства перемѣнились. Орда Ба-

Г. 1257.

Исчисленіе жителей въ Россіи.

тыева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: Ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть Духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ Вѣрѣ, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россіянъ противоборствовать игу Татарскому, и чтобы Ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ Духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога Русскаго, какъ думалъ народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичь: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какой нибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителеву[91]. Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

г. 1257—58. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь вторично ѣздилъ къ Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (ко-

торый, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную[92]: Герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новогородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ Татарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и Посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣши-

тельно отказались отъ дани, но отпустили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ Ханомъ, однакожь свободными отъ ига рабскаго.

Казнь Бояръ. Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю; а Бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: столь власть родительская казалась священною!

Г. 1259. Александръ остался въ Новѣгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово итти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали-было уже соби-

рать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ Посадникова сына и Боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани, и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владимiръ. Народъ поколебался: Бояре воспользовались симъ расположенiемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Moго-

лами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. — И такъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ Баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду или чрезъ Великихъ Князей. — Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. — Вельможи Татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ Великое Княженіе черезъ Ростовъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, Князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію[93]; но сей Государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Покушеніе Даніилово

Отечество наше рабствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ

власти Моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое Княженіе и загладивъ въ немъ слѣды Татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы, и два раза ходилъ помогать Белѣ Венгерскому, непріятелю Императора Фридерика и Короля Богемскаго[94]. (Венгры, по словамъ Лѣтописца, удивлялись стройности полковъ Россійскихъ, ихъ Татарскому оружію, и пышности самого Князя, его богатой одеждѣ Греческой, обшитой золотыми кружевами, — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою.) Сія вражда была за области умершаго Герцога Австрійскаго, Фридерика: Бела, Императоръ и Король Богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ, и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ Королю Венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ Краковскимъ Герцо-

свергнуть иго.

гомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельтъ, выжегъ окрестности Троппавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ Нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга, осажденнаго Богемскимъ Принцемъ въ Юденбургѣ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ отцу): но Даніилъ остался другомъ Венгровъ. — Счастливыя войны съ Ятвягами и съ Литвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего Князя[95]. Первые, не находя безопасности и за своими лѣсистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Литвѣ господствовалъ тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкоторыми Лѣтописцами отъ племени древнихъ Римлянъ, а другими отъ нашихъ Князей Полоцкихъ[96]. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными Князьками Литовскими, и грабя сосѣдственныя земли Христіанскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они

сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ Ляхамъ и Рижскимъ Нѣмцамъ, что междоусобіе Князей Литовскихъ есть счастіе для Христіанъ, и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы дѣйствительно вооружились: Россіяне также; самые Ятвяги и Жмудь, въ угодность имъ, возстали на Литву. Даніилъ завоевалъ Гродно и другія мѣста Литовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Латинскую, и заслужилъ покровительство легкомысленнаго Папы, Александра IV, давшаго ему санъ Королевскій[97]. Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ

разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазовіи, Смоленскихъ, Черниговскихъ, даже Новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичъ, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, отвѣтствовалъ: »Даніилъ страшенъ!« Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы Моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Бурондаемъ, преемникомъ слабаго Куремсы, явились

на границахъ Литвы и Россіи. »Желаю »знать, другъ ли ты Хану или врагъ?« сказали Королю Галицкому Послы Бурондаевы: »если другъ, то иди съ нами воевать Литву.« Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ Татарскихъ, медлилъ, и наконецъ послалъ Василька къ Бурондаю, съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сонмы Моголовъ устремились на Литву, дотолѣ имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бѣдствіе. Хваля мужество, оказанное братомъ Даніиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Бурондай отпустилъ его въ Владиміръ. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даніилъ, именуя себя другомъ Ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города, и не преставалъ надѣяться, что Державы сосѣдственныя рано или поздно увидятъ необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ; но Бурондай открылъ глаза, и вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея Королю, чтобы онъ явился въ его станѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даніилъ послалъ къ нему брата, сына, Холм-

скаго Епископа Іоанна и дары. »Хотите »ли увѣрить насъ въ искренней покорно»сти?« говорилъ Темникъ Хановъ: »разбе»рите или предайте огню стѣны крѣпо»стей вашихъ; сравняйте ихъ окопы съ »землею.« Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Стожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, не задолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Даніилова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ Татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни Владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька, и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ), чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень, и сказавъ: »не велю вамъ обороняться,« кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя, и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: »удалися; ты врагъ Государя нашего.« Василько дѣйствительно хотѣлъ, чтобы жители

сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ; а Татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи Князья уговорили Сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что Моголы, въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ Князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дани Хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даніиловы остались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ Моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ Государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные Литовцы опустошили Мазовію, убили ея Князя Самовита и впали въ наше владѣ-

ніе близъ Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, Бояриномъ Рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій Литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе, нежели съ Суздальскими или Новогородскими. Послѣднія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ Бесерменскимъ, Харазскимъ или Хивинскимъ, издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія: сіи люди откупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, и въ случаѣ неплатежа объявляя должни-

Откупщики Бесерменскіе.

ковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ[93]: нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха, который, принявъ Вѣру Магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго Великаго Хана Коблая, и ругался надъ святынею Христіанства; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ Христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ,

Г. 1262.

Bayerische Staatsbibliothek München

забавляясь *соколиною* охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется *Сокольею горою*[99].

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: Россіяне, наказавъ лихоимцевъ Харазскихъ, озлобили Татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ многихъ Новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Константинъ, зять Александ-

Bayerische Staatsbibliothek München

дровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Литовскій Товтивилъ, племянникъ Миндовговъ, который принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго Князя[100]. Съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди, и жилъ мирно съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ Искусства и Науки; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослуженіе, такъ, что Митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную Епархію подъ именемъ *Сарской*, съ коею соединили послѣ Епископію южнаго Переяславля[101]. Великій Князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но

Г. 1263. продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ, и пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14 Ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концемъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ[102]: постригся, принялъ Схиму, и слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: »удалитесь и не сокру»шайте души моей жалостію!« Они всѣ готовы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда — по собственному выраженію одного изъ нихъ — гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ Великаго Князя, онъ въ собраніи Духовенства воскликнулъ: »солнце отечества закатилось!« Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: »нестало Александра!« Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для Государства, и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще

Кончина и добродѣтели Александровы.

долгое время. Духовенство, Бояре, народъ, въ глубокой скорби повторяли одно слово: »погибаемъ!«... Тѣло Великаго Князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, Митрополитъ, Князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ Историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразительнѣе *Великаго*: ибо *Великими* называютъ обыкновенно *счастливыхъ*: Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда спра-

справедливо цѣнитъ достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства. Самые легкомысленные Новогородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, что »онъ много по»трудился за Новгородъ и за всю землю

Ноября 23. »Русскую.« Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда *Великою Архимандритіею*), гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда Государь Петръ I вздумалъ перенести сіи остатки безсмертнаго Князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ *Александры*, дочери Полоцкаго Князя Брячислава, Невскій сочетался вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ Княжною *Вассою*, коей тѣло лежитъ въ Успенскомъ монастырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его, Евдокія[103].

Выходцы изъ чужихъ земель. Слава Александрова, по свидѣтельству нашихъ *Родословныхъ Книгъ*, привлекла къ нему изъ чужихъ земель — особенно изъ Германіи и Пруссіи[104] — многихъ

именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ.

Въ Княженіе Невскаго начались въ Волжской или Капчакской Ордѣ несогласія, бывшія предвѣстіемъ ея паденія. Ногай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться Хану, сдѣлался въ окрестностяхъ Чернаго моря Владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Императоромъ Греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю Монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника[105]. Отъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе Татаръ Ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратилъ ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія[106].

Мятежи въ Ордѣ.

ГЛАВА III.

Великій Князь Ярославъ Ярославичь.

Г. 1263 — 1272.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

Андрей Ярославичь долженъ былъ наслѣдовать престолъ Владимірскій; но какъ
Г. 1264. онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новогородцы также признали его своимъ Начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій[107].
Древнѣйшая гра- Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора, писаннаго отъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысяч-

скаго Кодрата и всего Новагорода, отъ *старѣйшихъ* и *меньшихъ*. Тамъ сказано: »Князь Ярославъ! требуемъ, чтобы ты, »подобно предкамъ твоимъ и родителю, »утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ свя»щенный обѣтъ править Новымгородомъ »по древнему обыкновенію, брать одни »*дары* съ нашихъ областей, поручать »оныя только Новогородскимъ, а не Кня»жескимъ чиновникамъ, не избирать ихъ »безъ согласія Посадника, и безъ вины не »смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены бра»томъ твоимъ Александромъ, сыномъ его »Димитріемъ и Новогородцами. Въ Торжкѣ »и Волокѣ будутъ Княжескіе и наши Тіу»ны (или судіи): первые въ твоей части, »вторые въ Новогородской[108]; а въ Бѣжи»цахъ ни тебѣ, ни Княгинѣ, ни Боярамъ, »ни Дворянамъ твоимъ селъ не имѣть, »не покупать и не принимать въ даръ, »равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Но»вагорода: въ Волокѣ, Торжкѣ, и проч.; »также въ Вологдѣ, Заволочьѣ, Колѣ, Пер»ми, Печерѣ, Югрѣ. Въ Русу можешь ты, »Князь, ѣздить осенью, не лѣтомъ; а въ »Ладогу посылай своего рыбника и медо»вара по грамотѣ отца твоего, Ярослава. »Димитрій и Новогородцы дали Бѣжича»намъ и Обонежцамъ на три года право

мота Новогородская.

»судиться собственнымъ ихъ судомъ: не »нарушай сего временнаго устава, и не »посылай къ нимъ судей. Не выводи на»рода въ свою землю изъ областей на»шихъ, ни принужденно, ни волею. Кня»гиня, Бояре и Дворяне твои не должны »брать людей въ залогъ по долгамъ, ни куп»цевъ, ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣнные »покосы для тебя и Бояръ твоихъ; но не »требуй отнятыхъ у насъ Княземъ Але»ксандромъ, и вообще не подражай ему »въ дѣйствіяхъ самовластія. Тіунамъ и »Дворянамъ Княжескимъ, объѣзжающимъ »волости[109], даются прогоны, какъ из»древле установлено, и только одни рат»ные гонцы могутъ въ селахъ требовать »лошадей отъ купцевъ. Что касается до »пошлинъ, то купцы наши въ твоей и »во всей землѣ Суздальской обязаны пла»тить по двѣ векши съ лодки, съ возу »и съ короба льну или хмѣля. Такъ бы»вало, Князь, при отцахъ и дѣдахъ тво»ихъ и нашихъ. Цѣлуй же святый крестъ »во увѣреніе, что исполнишь сіи условія; »цѣлуй не чрезъ посредниковъ, но самъ, и »въ присутствіи Пословъ Новогородскихъ. »А за тѣмъ мы кланяемся тебѣ, Господи»ну Князю.« — Сія любопытная грамота свидѣтельствуетъ, что собственный до-

ходъ Князей Новогородскихъ состоялъ въ *дарахъ*, а дань шла въ казну общественную; что избраніе областныхъ начальниковъ хотя и зависѣло отъ Князя, но требовало согласія Посадникова; что нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что Новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія Княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмѣлемъ и льномъ; что Ладожане давали медъ и рыбу для стола Княжескаго, преимущественно изобилуя оными. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ церковнымъ запискамъ, около 1147 году была торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знатнымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны[110].

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, женился на Ксеніи, дочери какого-то Юрія Михайловича[111]. Тамъ свѣдалъ он о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, Короля Литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родствен-

Г. 1265. Бракъ Ярослава.

Мятежи въ Литвѣ.

никами. Они умертвили и Товтивила Полоцкаго, коварно заманивъ его въ сѣти, и дали Полочанамъ своего Князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ[112]. Россіяне съ горестію видѣли идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго Княженія; но утѣшались междоусобіемъ и бѣдствіями Литовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новогродкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даніиловича, и славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался Христіаниномъ, и смягченный Вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ свѣта; жилъ долго въ Обители Полонинскаго Игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути, и на берегу Нѣмена основавъ монастырь, трудился въ ономъ нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности Инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ Христіанству; но вѣсть

о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ гнѣва, схватилъ мечь, и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отмститъ врагамъ Миндовга[113]. Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый, и признанный тамъ единодушно Государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Триста семействъ Литовскихъ искали убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо Новогородцы хотѣли-было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества, и, къ удовольствію Псковитянъ, принявъ у нихъ Вѣру Христіанскую, снискалъ столь великую довѣренность между ими, что они безъ согласія Ярославова объявили его своимъ Княземъ, и дали ему войско для опустошенія Литвы[114]. Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область Литовскаго Князя Герденя, плѣнилъ его жену, двухъ

г. 1266.

сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ
Іюня 18. рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Литовцевъ утонуло въ Двинѣ, и самъ Герденъ едва ушелъ; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего Мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковитянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе[115]; но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: »другу ли Святой Со-
г. 1267. »фіи быть непріятелемъ Пскова?« — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ при-
Маія 23. стани, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ Лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько

часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи[116].

Сіе бѣдствіе не мѣшало Новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и Псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю, и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластной Датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, Новогородцы сыскали искусныхъ мастеровъ, и велѣли имъ на дворѣ Архіепископскомъ строить большія стѣнобитныя орудія[117]; призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго, и ждали самого Великаго Князя: но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ къ нимъ двухъ сыновей, Святослава и Михаила[118]. Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго Ордена, называясь Послами отъ Риги, Феллина и Дерпта, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ Князьямъ, что Рыцарство Ливонское желаетъ оставаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать Датчанамъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла съ Россіянами. Нѣмцы дали клятву въ истинѣ

Война въ Ливоніи.

своихъ увѣреній, и Новогородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ* — такъ у насъ именовали Рыцарей Ливонскихъ — заставилъ ихъ присягнуть въ томъ же. Считая Нѣмцевъ друзьями, Россіяне надѣялись легко управиться съ Датчанами,
г. шли къ Везенбергу тремя путями, разо-
1268, ряли селенія, и зная, что многіе жи-
Генв. 23. тели скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили туда воду: бѣдные Эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, Новогородцы отдали всю Князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи, и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильные полки Нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ Магистръ Ордена, именемъ Отто фонъ-Роденштейнъ, и Епископъ Дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону Датчанъ[119]. Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечемъ, Новогородцы немедленно перешли за рѣку
Февраля и стали противъ *Желѣзнаго* Нѣмецкаго
18. *полку;* сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣ-

вомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. »Ни отцы, ни дѣды наши« — говоритъ Лѣтописецъ — »не видали такой жесто»кой сѣчи.« Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною Нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячскій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а Князь Юрій Андреевичь обратилъ тылъ. Псковитяне, Ладожане стояли дружно. Наконецъ Князь Димитрій и Новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города; но возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть, на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились итти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою

городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ, знаменитыхъ Бояръ, и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго Посадника, именемъ Павшу; а мѣсто Тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кондратовой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и 1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерптскій Епископъ.

Злобствуя на Россіянъ, Магистръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и
г. 1269. думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не задолго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на
Апрѣля 23. границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ

битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечь свой предъ олтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечь), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковитянъ; десять дней бился съ Нѣмцами; ранилъ Магистра. Между тѣмъ Новогородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили Рыцарей отступить за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при своемъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы [120].

Тогда Великій Князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить, или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ остаться, ибо миръ, заключенный съ Нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что Великій Князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа, который наконецъ

уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили, однакожъ, въ угодность Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и Великій Владимірскій Баскакъ, Татаринъ Амраганъ[121]. Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ итти къ Ревелю; но Датчане и Нѣмцы, ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны, и добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава.

Баскакъ.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣлъ-было вести полки свои въ землю Корельскую, чтобы утвердить ея жителей въ послушаніи: Новогородцы просили его не тревожить сихъ бѣдныхъ людей, и Князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ Татаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ Новогородцами:

дѣйствовалъ иногда какъ Государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. г. 1270.
Вдругъ, къ изумленію Князя, ударили въ Вѣчевый колоколъ: насталъ грозный часъ суда народнаго, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ Св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго Вѣча было изгнать Ярослава и казнить любимцевъ Княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь Св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна. Именемъ Новагорода вручили Князю грамоту обвинительную. »Для чего« — писали къ нему граждане — »завладѣлъ ты »дворомъ Морткинича? для чего взялъ серебро съ Бояръ Никифора, Романа и Варѳоломея? Для чего выводишь отсюда »иноземцевъ, мирно живущихъ съ нами? »для чего птицеловы твои отнимаютъ »у насъ рѣку Волховъ, а звѣроловы поля? »Да будетъ нынѣ конецъ твоему насилію! Иди, куда хочешь; а мы найдемъ »себѣ Князя.« Ярославъ послалъ сына и Тысячскаго своего на Вѣче, съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаетъ все угодное народу.

Упреки Великому Князю.

»Нѣтъ!« отвѣтствовали ему граждане: »мы не хотимъ тебя. Удались, или будешь немедленно изгнанъ.« Великій Князь уѣхалъ; а Новогородцы отправили Посольство къ Димитрію Александровичу, думая, что онъ съ радостію согласится княжить у нихъ; но Димитрій отрекся, и велѣлъ имъ сказать: »не хочу престола, съ коего вы согнали моего дядю.«

Сей отказъ весьма огорчилъ Новогородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе отъ Василія, меньшаго Ярославова брата, что Великій Князь, пылая гнѣвомъ, готовится итти на нихъ съ полками Моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Ростислава[122] Мстиславича). »Но будьте спокойны,« писалъ къ нимъ Василій: »Святая Софія есть моя отчина; »я готовъ служить ей и вамъ.« Онъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ любимецъ Великаго Князя, Ратиборъ, Тысячскій Новагорода, вооружилъ Хана противъ своихъ единоземцевъ, говоря ему: »Новогородцы враги твои; изгнали Ярослава съ »безчестіемъ, разграбили наши домы и »хотѣли насъ умертвить единственно »за то, что мы требовали съ нихъ для »тебя дани.« Обманутый Ханъ послалъ

войско, чтобы смирить ослушниковъ; но Василій Ярославичь вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, что Новогородцы ни чѣмъ не оскорбили Моголовъ, и что неудовольствія ихъ на Великаго Князя справедливы. Тогда Ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться; а Василій, оказавъ столь важную услугу Новогородцамъ, надѣялся быть ихъ Княземъ. Готовые умереть за права вольности, они укрѣпили столицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ тыномъ, сносили имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближился къ самому Городищу; но видя тамъ всѣхъ жителей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обратился къ Русѣ, и занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оттуда Боярина съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. »Забываю« — говорилъ онъ — »сдѣ»ланныя мнѣ вами обиды, и всѣ Князья »Россійскіе будутъ моими поруками въ »вѣрномъ исполненіи нашихъ условій.« Новогородцы отвѣтствовали ему чрезъ Посла: »Князь! ты объявилъ себя врагомъ »Святыя Софіи: оставь же насъ въ по»коѣ, или мы умремъ за отечество. Не »имѣемъ Князя; но за насъ Богъ, правда »и Святая Софія; а тебя не хотимъ.«

Въ слѣдъ за Посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки, Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда Новогородцы получили грамоту отъ Митрополита Кирилла[123]. Сей достойный Пастырь Церкви именемъ отечества и Вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови: ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву не мириться съ Великимъ Княземъ. Слова добродѣтельнаго старца тронули Новогородцевъ, и Послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира. Написали

Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ.

договоръ: Великій Князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ Архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: »Князь Ярославъ! »забудь гнѣвъ на Владыку, Посадника и »всѣхъ мужей Новогородскихъ; не мсти »имъ ни судомъ, ни словомъ, ни дѣломъ. »Не вѣрь клеветникамъ; не принимай до»носовъ отъ раба на господина. Пословъ »и купцевъ нашихъ, остановленныхъ въ Ко-

»шромѣ и въ другихъ городахъ Низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣніемъ; освободи также военоплѣнныхъ и всѣхъ должниковъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ, или швоихъ собсшвенныхъ, »или Княгининыхъ, или Боярскихъ (купецъ да идешъ въ свою Сошню[124], а селянинъ въ свой погосшъ). Не раздавай »никому государсшвенныхъ даней. Возврати грамоту отца швоего, которую ты »у насъ отнялъ; и вмѣсто новыхъ, данныхъ шобою, да имѣюшъ силу прежнія, »Ярославовы и Александровы грамоты. »На дворѣ Нѣмецкомъ торгуй единсшвенно через нашихъ купцевъ; а Двора не »запворяй, и не посылай туда пристаовъ. Село Святой Софіи останешся ея »неотъемлемою собсшвенностію. Новогородцы не должны быть судимы въ зе»млѣ Суздальской. Купцы наши да шоргуюшъ въ ней свободно по грамошѣ Ханской[125]; бери тамъ устaвленныя пошлины, но въ облaсшяхъ Новогородскихъ не »заводи шаможни. Судьи начинаюшъ свои »объѣзды съ Пeтрова дни,« и проч. На бѣлой сшоронѣ сей харшіи, къ коей привязана свинцовая печашь, написано, что Послы Хана Тaтарскаго, Чевгу и Банши,

прибыли съ его грамотою въ Новгородъ, возвести Ярослава на престолъ. Столь велика была зависимость Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ Псковитянамъ инаго Князя — но только на малое время — какого-то Айгуста[126], и зимою уѣхалъ въ Владимiръ, поручивъ Новгородъ Намѣстнику, Андрею Вратиславичу. Великое Княженіе Суздальское было спокойно, то есть, рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки, братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ Россіянъ отъ насилія откупщиковъ Харазскихъ. Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегова, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Ордѣ вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магометаниномъ: примѣръ его слу-

жилъ закономъ для большей части Моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по составамъ, и взоткнули голову его на копіе, содравъ съ нее кожу[127]. Россіяне проливали слезы, но утѣшались твердостію сего втораго Михаила, и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую Вѣру.

Татары принимаютъ Магометову Вѣру.

Іюля 19.

Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, старался всѣми способами угождать Хану, и подобно имъ кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василіемъ и съ

Г. 1272. Кончина Ярослава.

племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ[128]. Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего Князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ назваться и другомъ отечества, ибо вооружалъ Моголовъ противъ Новагорода.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ Государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія.

Перемѣны въ Удѣлахъ.

Василій Всеволодовичь, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ *Чернымъ*, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска[129]. Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супру-

ги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе Лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: »Θеодоръ, бывъ въ Ордѣ, мужественною »красотою и разумомъ столь плѣнилъ »Царицу Могольскую, что она желала вы»дать за него дочь свою. Въ то самое »время Марія скончалась въ Ярославлѣ, и »народъ, объявивъ ея сына, Михаила, Вла»дѣтельнымъ Княземъ, уже не хотѣлъ по»виноваться Θеодору, который, лишась »супруги и престола, согласился быть »зятемъ Хана или Царя Капчакскаго. Всѣ »препятствія исчезли: Ханъ позволилъ »дочери креститься, и Константинополь»скій Патріархъ торжественною грамо»тою утвердилъ ея благословенное су»пружество; а тесть построилъ для Θео»дора великолѣпныя палаты въ Сараѣ, и »далъ ему множество городовъ: Черни»говъ, Херсонъ, Болгары, Казань; по смер»ти же юнаго Михаила Θеодоровича, воз»велъ сего любимаго зятя на престолъ »Ярославскій, наказавъ его враговъ. Супру»га Θеодорова, названная въ крещеніи Ан»ною, построила въ Ярославлѣ храмъ Ар»хистратига Михаила и заслужила имя »добродѣтельной Христіанки.« Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что

Князь Θеодоръ зять Хановъ.

Өеодоръ былъ зятемъ не Мангу-Тимура, а Ногая[130], женатаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять Вѣры Магометанской.

Димитрій Святославичь, Князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году[131]; и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей Исторіи о Владѣтеляхъ Юрьевскихъ. Сей набожный Князь принялъ Схиму отъ Епископа Ростовскаго, и закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: »Святый Владыко! ты »совершилъ трудъ свой и приготовилъ »меня къ пути дальнему, какъ добраго »воина Христова. Тамъ, въ жизни вѣчной, »царствуетъ Богъ милосердія: иду слу»жить Ему съ вѣрою и надеждою.« Сіи послѣднія слова Димитріевы казались Лѣтописцамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Смерт. и добродѣтели Короля Даніила.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, Король Галицкій[132], славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность Бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ поддан-

нымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ Князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ Удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой; нашествіемъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики, не изумился, не утратилъ бодрости духа: хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза Государей Западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ Гунны Аттилины, какъ Обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутреннимъ междоусобіемъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила: его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ, уважаемые и Ханами и сосѣдственными Христіанскими Державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали Кня-

жество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ.

Происшествія въ Западной Россіи.

Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ[133]. Василько остался Княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышльскимъ; Романъ Даніиловичь умеръ; третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ— кажется, любезнѣйшій отцу — въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Не смотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корыстолюбивые Бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить Польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отмстить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ примирились, ибо общая польза обѣихъ Державъ того требовала.

Хотя Княжество Даніилово раздѣлилось на части, однакожь его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, не смотря на то, что Князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшаго брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще

усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для спокойствія другихъ земель соседственныхъ. Бывшій Инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладевъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ последнему въ ней Уделъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду Княжескую и заключился въ монастыре Угровскомъ, исполняя произнесенный имъ обетъ. Россіяне надеялись, что грабительства Литовскія уже не возобновятся, и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, составитъ одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ; но Левъ, думая о пользе собственнаго властолюбія еще более, нежели о благе отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирепую. Онъ предложилъ Воишелгу съехаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дела. Сей Князь-Инокъ сомневался, зная коварство Льва; но уверенный въ безопасно-

сти словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ, и сталъ въ монастырѣ Св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго Вельможи Даніилова, Нѣмца Маркольта, гдѣ Князья по тогдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ, и съ честію погребли Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ, что сей Литовскій Князь, отъ природы жестокосердый, будучи Властителемъ, сверхъ одежды богатой носилъ *черную мантію*, и потому заслужилъ названіе *волка въ кожѣ агница*[134]. Но онъ имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христіан-

ской и любви къ нимъ, чтобы кровь Св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ, и Князь Литовскій, именемъ Тройденъ, вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и Князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгутинымъ[135]. Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и труженикомъ: повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заросшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то есть, Галичь, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Даніилѣ.

Ко временамъ, нами описываемымъ, Историки относятъ возобновленіе древней Ѳеодосіи или основаніе нынѣшней Кафы[136]. Можетъ быть, Генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ Венеціянами; но въ царствованіе Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенія Моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ начали строить высокіе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ, Венеціянъ, и стѣснили древній Херсонъ, гдѣ (въ 1333 году) находился уже *Латинскій* Епископъ, и гдѣ въ XVI вѣкѣ представлялись глазамъ путешественниковъ однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ Моголами (въ 1343 году), Генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой Имперіи, и были наконецъ истреблены Турками. Но еще и нынѣ видимъ въ

Основаніе Кафы.

Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ Италіянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Историкъ, жили нѣкоторыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія[137]. — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня[138]. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки, и не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города.

Городъ Крымъ.

ГЛАВА IV.

Великій Князь Василій Ярославичь.

Г. 1272 — 1276.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ.

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ Великаго Княженія, и немедленно отправилъ Пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на *Дворѣ Ярослава*; тѣ и другіе ходатайствовали за своего Князя: ибо и Василій и Димитрій Александровичь желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный, и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ Татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, Героя Невскаго; а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ Ордѣ Новугороду[139]. Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признан-

Г. 1272. Споръ о Новогородскомъ Княженіи.

ный Княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ, Октября 9
послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чтобы схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку, и занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего Намѣстника или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичь, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: Новогородцы хотѣли употребить оба средства, и собравъ войско, послали Бояръ къ Великому Князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными. Но Василій, принявъ Пословъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлалась перемѣна. »Дружба Великаго Князя »для насъ необходима,« думали многіе Новогородцы: »купцевъ нашихъ грабятъ те»перь въ землѣ Суздальской; мы лишены »подвозовъ, и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. »Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, »исполнить желаніе Василіево, согласное »съ народною пользою?« Сіе мнѣніе было наконецъ всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло итти далѣе.

Самъ Димитрій не противился общей волѣ, и дружелюбно разстался съ Новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему Посадника Павшу, объявили Василія своимъ Правителемъ. Такимъ образомъ Великій Князь достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ, и въ знакъ миролюбія забывъ недоброжелательство Боярина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ Посадника. Сей чиновникъ ушелъ-было изъ Торжка къ Димитрію; но боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василіеву великодушію и до кончины своей пользовался любовію сограждaнъ.

Чрезъ два года, спокойные для Россіи,
г. 1275. Великій Князь отправился къ Хану. Въ сіе время Моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даніиловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ Хану Мангу-Тимуру, желая истреблять враговъ
Моголы идутъ на Литву. врагами[140]. Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичь Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились

съ Тапарами, долго перпѣвъ набѣги Липовцевъ, копорые опуспошили за Днѣпромъ самыя опдаленныя мѣспа Черниговскаго Княжеспва. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдспвій, нежели благопріяпныхъ: ибо Князья поссорились между собою, и взявъ одно предмѣспіе Новогродка, не захопѣли ипти далѣе въ Липву; а Моголы на возврапномъ пуши разорили множеспво нашихъ селъ, подъ именемъ друзей опнимая у земледѣльцевъ скопъ, имѣніе, одежду[141]. »Дружба съ невѣрными« — говорипъ Лѣтописецъ — »не лучше брани; и сей слу»чай да будепъ примѣромъ для попом»спва!«

Оспавленные союзниками, Князья Галицкіе взяли въ Липвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ жили Пруссы, копорые искали памъ убѣжища опъ припѣсненій Нѣмецкаго Ордена: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хопя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ, заключили было миръ съ Тройденомъ; но гордый Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ Могольскаго оружія въ Липовской землѣ, прислалъ новую рапь въ Галицію и велѣлъ имъ иппи съ нею пропивъ Липвы. Они повиновались. Моголы оса-

Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.

ждали Новогродокъ, Россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Гродненскіе Пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ Бояръ Галицкихъ; однакожь должны были освободить ихъ, когда Россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ[142].

г. 1276. Кончина Василія.

Великій Князь по возвращеніи изъ Орды преставился въ Костромѣ на сороковомъ году отъ рожденія, къ горести Князей и народа, чтившихъ въ немъ Государя умнаго и добродушнаго. — Въ его время чиновники Могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ Россійскихъ областяхъ для платежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ Соборъ, бывшій въ 1274 году, когда Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ Архимандритомъ Печерской Лавры, Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ Епископы[143]. Кириллъ, знаменитый миротворецъ Князей и другъ

отечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ, и созвалъ для того Епископовъ въ Владимiръ: Далмата Новогородскаго, Игнатiя Ростовскаго, Өеогноста Переяславскаго или Сарскаго, Симеона Полоцкаго, и разсуждавъ съ ними, издалъ Церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ Синодальной библiотекѣ[144]. »Донынѣ« — пишетъ Митрополитъ — »уставы церковные *были омрачены облакомъ* »*Еллинской мудрости*; нынѣ же предлагаются ясно, и невѣдѣнiе да не будетъ »извиненiемъ. Уклоняяся отъ истинныхъ »правилъ Христiанства, какое мы видѣли »слѣдствiе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по »лицу земли? не взяты ли грады наши? »не истреблены ли Князи острiемъ ме»ча? не отведены ли въ плѣнъ семейства? »не опустошены ли церкви? не томимся »ли ежедневно отъ ига безбожныхъ и не»честивыхъ враговъ? Се казнь за наруше»нiе уставовъ Церкви!« Увѣренный, что нравственность мiрянъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ Духовенства, Кириллъ повелѣваетъ давать священный санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣстны *отъ самаго дѣт-* Соборъ.

ства; сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, трезвость, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ той Епархіи), рабъ неосвобожденный, гражданинъ не платящій дани, господинъ жестокій, *ротникъ* или многоклянущійся, лжесвидѣтелъ, убійца хотя и принужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконно женатый, отчуждаются отъ сего сана. Іерею надлежитъ имѣть 30 лѣтъ отъ рожденія, Діакону 29. Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ Митрополитомъ *семи гривенъ* для крилошанъ. Всякая мзда, такъ называемая *посошная* и другія, отмѣнены. Далѣе сказано: »Мы свѣдали, что нѣкоторые Іереи »въ странахъ Новогородскихъ отъ Пасхи »до недѣли Всѣхъ Святыхъ празднуютъ »только и веселятся, не крестятъ ни»кого и не отправляютъ службы Боже»ственной: такіе да исправятся или да »будутъ извержены! Единъ достойный »Пастырь лучше тысящи беззаконныхъ. »Извѣстно намъ также, что многіе люди, »держася древнихъ языческихъ обыкнове»ній, сходятся въ святые праздники на »какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и

»свистомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пья»ницъ, и бьются дрекольемъ до самой смер»ти, снимая съ убитыхъ одежду: отны»нѣ кто не престанетъ тѣшить Діавола »такими гнусными забавами, да будетъ »отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не »пріемлютъ отъ него никакихъ прино»шеній, то есть, ни просфоръ, ни кутьи, »ни свѣчь; когда же умретъ, да не от»правляютъ по немъ Божественныя слу»жбы, и тѣло его да лежитъ далеко отъ »святыхъ храмовъ!« Въ числѣ многихъ обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ *обливаніе* при крещеніи, говоря, что оно беззаконно, и что крестимый долженъ быть всегда *погружаемъ* въ сосудѣ особенномъ. — Такимъ образомъ, приписывая государственное бѣдствіе разврату народа и заблужденіямъ Духовенства, сей Митрополитъ хотѣлъ искоренить оные мѣрами согласными съ образомъ мыслей своего вѣка.

ГЛАВА V.

Великій Князь Димитрій Александровичь.

Г. 1276 — 1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева.

Г. 1276. Состояніе Россіи. После страшной грозы Батыевой отечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи Моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри Князей, и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельство-

вали, что Россіяне еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими[145], доставляла и купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичь восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи есть и Глава Новагорода, а во-вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской[146], и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Θеодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ — повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ итти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться Татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію[147]. Князья наши завоевали Ясскій го-

Г. 1277.

Россіяне въ Дагестанѣ.

родъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе Хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Θеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогать Татарамъ, или единственно исполняя волю Хана, или желая добычи, коею Моголы охотно дѣлились съ Россіянами, пользуясь ихъ мужествомъ[148]. Татары воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ Греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Небо послало его освободить отечество отъ ига Могольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовствующей супругѣ Царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбитъ Татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ.

Г. 1278. Между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть, разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жителей, за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ, можетъ быть, на помощь Ма-

гистра Ливонскаго или Короля Шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чтобы Нѣмцы и Шведы не могли свободно приставать къ нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпость въ Копорьѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпость сдѣлала раздоръ между Княземъ и народомъ: первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и занять своею дружиною; а граждане не позволяли Князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ — и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно Посолъ, Архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей, обыкшихъ соблюдать древнія права свои: Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и сталъ на Шелонѣ. Тамъ Архіепископъ Климентъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: Новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ Княжеской, но съ того времени не взлюбили Димитрія, ожидая слу-

Г. 1280.

Копорье.

чая отмстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился[149].

Г. 1281. Ссора Князей Ростовскихъ.

Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвратился въ Владиміръ, быть посредникомъ въ ссорѣ Князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичь еще въ 1277 году скончался въ Ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія. Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ юности своей пользовался отмѣнною милостію Хановъ, и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству: ибо угнетаемые Моголами Россіяне всегда находили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотворительномъ, щедромъ, отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ[150]. По его кончинѣ сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область, и скоро поссорились между собою, такъ, что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому Князю, а Димитрій Борисовичь началъ собирать полки; но Великій Князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ та-

мошняго Епископа, Игнатія, уговорилъ братьевъ жить согласно.

Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичь, Князь Городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя, Семена Тонигліевича, и другихъ недостойныхъ Бояръ, вздумалъ овладѣть Великимъ Княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ Хана, Андрей получилъ отъ него грамоту и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Ѳеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичь Стародубскій (внукъ Всеволода III), и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, Великій Князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ,

Междоусобіе въ Вел. Княженіи.

украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ, или убивали. Юныя Монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Татарами, и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичь бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. »Стой, Князь!« говорили они: »мы
г. 1282. »помнимъ твои обиды. Иди, куда хочешь.« Они взяли дочерей и Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская доброволь-

но выступить изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять Великаго Князя[151]. Доброхотствуя тестю, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новогородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новогородцы призвали его и возвели на престолъ Св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному Боярину, Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями

Андреевыми, меньшимъ его братомъ, Даніиломъ Московскимъ, и Святославомъ Тверскимъ[152]. Они хотѣли изгнать Великаго Князя; встрѣтивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяти верстахъ отъ Дмитрова, остановились, и заключили миръ *на всей волѣ своей:* то есть, Димитрій отказался отъ Новагорода и далъ слово никогда не мстить его жителямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ Моголахъ: сіи варвары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не отказались и вторично услужить ему разореніемъ Великаго Княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области, и стремились къ Переславлю, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, который, бывъ прежде Воеводою Ханскимъ, тогда уже самовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украинской и Екатеринославской Губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ Князья Россійскіе въ самомъ источникѣ насилій искали способа защитить себя отъ оныхъ, и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго, личнаго

властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ: убѣжденный его справедливостію, или желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратилъ ему престолъ и власть, не мечемъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ быть ослушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Туданъ-Мангу[153], боялся Ногая. Братья примирились, хотя и неискренно; меньшій отказался отъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тонигліевичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: »Я ничего не знаю. Братья ссорятся, братья »мирятся; а мое дѣло вѣрно служить Го»сударю.« Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ Моголовъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: »и такъ Великій Князь не боится

Г. 1283.

»вѣроломства? клялся быть другомъ Ан-»дреевымъ и грозитъ казнію его Боярамъ!« Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

г. 1283 —84. Андрей молчалъ, и не смѣя ни въ чемъ спорить съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя будучи въ Торжкѣ, не за долго до сего времени далъ клятву Новогородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ ними[154]. Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и съ Татарами смирять Новогородцевъ, не хотѣвшихъ повиноваться его брату. Чтобы не раздражить Моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились наконецъ зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать Великому Князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ тогдашнія бѣдствія области

Бѣдствіе Курской области.

Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ Владѣтелей Черниговскихъ[155]: первый въ Рыльскѣ иВорголѣ, а вторый въ Липецкѣ. Баска-

комъ сего Княженія былъ Ахматъ Хивинецъ: взявъ на откупъ дань Татарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни Бояръ, ни Князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святослава пожаловался на то Хану Телебугѣ, который, давъ ему отрядъ Моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: Князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели оттуда своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая, и слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомысленный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ Орды, тревожилъ Баскаковы селенія ночными нападеніями, похожими на разбой. »Чтобы увѣриться въ справедливости моихъ словъ« — говорилъ Ахматъ Ногаю — »пошли сокольниковъ »въ Олегову землю ловить лебедей, и »вели ему къ тебѣ пріѣхать: увидишь, »что онъ не послушается.« Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ

шолько волю Хана; но боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослушанiемъ, послалъ войско наказать мнимаго непрiятеля. Могъ ли Князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленiи? Олегъ бѣжалъ къ Хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса Воронежскiе, а Моголы, разоривъ Курское владѣнiе, схватили 13 Бояръ, также нѣсколько странниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному Баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ, и подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ Бояръ, сказалъ: »ходите изъ земли въ землю, и громогласно объявляйте: *такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить Баскака*[156]!« Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не-кого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однакожъ Ахматъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оста-

вивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ, и съ Христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: »Мы были пра»вы, а теперь стали виновны. Дѣло твое »есть вторичный разбой, всего болѣе не»навистный Татарамъ, и въ самомъ на»шемъ отечествѣ нетерпимый. Надле»жало требовать суда отъ Хана: ты же »не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрываясь въ »темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй. Моя со»вѣсть чиста. Иди, оправдайся предъ Ца»ремъ.« Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: »я воленъ въ своихъ дѣлахъ; нака»залъ враговъ моихъ, и правъ.« Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ,

и ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что Лѣтописцы сего времени ни мало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечь въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Татарской.... Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія: увидимъ его и защитникомъ
г. 1285. Андрея. Сей Князь Городецкій, живъ два года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ[157]. Великій Князь предупре-

дилъ ихъ: соединился съ Удѣльными Владѣтелями, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію: Ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Татаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть во всемъ господами, они положили на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Ростовскій, Димитрій Борисовичь, сватъ Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ Татаръ: чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашнія внутреннія неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть Ханскую: наконецъ умертвилъ Телебугу, и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

г. 1289.

г. 1291.

Великій Князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы тѣмъ бо-

лѣе угодить ему, онъ послалъ въ Орду сына, юнаго Александра (который тамъ
Г. 1292. и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей, въ особенности же Ѳеодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно — зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ стѣснить ихъ права, хотя Великій Князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи[158]. За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный Тверскимъ Владѣтелемъ, Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у

Независимость Тверскаго Княженія.

Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверскаго Княженія. Андрей и Ѳеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ Моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ, и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки Моголовъ устремились на разрушеніе. Дюдень, братъ Хана Тохты, предводи-

тельствовалъ ими; а Князья, Андрей и Г. 1293.
Өеодоръ, указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважности встрѣтить Дюденя ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княженіе, и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Опустошеніе Россіи.
Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличь, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани Ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, Татары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго, называемый *чудеснымъ* въ лѣтописяхъ. — Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичь Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дру-

желюбно впустивъ Татаръ въ свой городъ, не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Дюдень, вступивъ въ Тверскую область, думалъ взять столицу, тѣмъ удобнѣе, что Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счастію, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ клятву другъ другу обороняться до послѣдняго человѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ; многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что Татары заняли Москву, онъ было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило Князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужество

въ нѣкоторыхъ случаяхъ также легко сообщается, какъ и робость. — Недостойный Князь Андрей, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ Татарскихъ, уже велъ Дюденя къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, Моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой корысти[159]. Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ Княземъ, и что ему нѣтъ нужды итти къ нимъ съ Татарами. Дюдень отступилъ, и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ же его, Θеодоръ Ростиславичь, взялъ себѣ Переславль-Залѣсскій. Сей Князь, по смерти братьевъ, Глѣба и Михаила Ростиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо отразилъ отъ столицы своей Князя Брянскаго, Романа Михайловича[160]. Г. 1294.

Великій Князь ждалъ только отбы-

тія полковъ Дюденевыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возметъ его сторону. Андрей съ дружиною Новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій Князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ Тверскій и Святославъ (Князь или Вельможа) поѣхали въ Торжекъ, убѣждали, молили Андрея, и наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій Князь отказался отъ старѣйшинства и престола Владимірскаго, довольный наслѣдственнымъ Переславскимъ Удѣломъ; а Новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Ѳеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ последніе часы своей жизни: занемогъ, постригся и близъ Волока умеръ на пути[161]: Государь памятный одними несчастіями,

Кончина Димитріева.

претерпѣнными Россіею въ его княженіе отъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Новогородцы при Димитріи также не пользовались ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный Посадникъ, Симеонъ Михайловичь, несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными толпами; но Архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, Посадникъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость сограждан. *Конецъ* возставалъ на *Конецъ*, улица на улицу: такъ называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Самуила Ратьшинича, убитаго ея жителями на Дворѣ Архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатыя лавки купеческія: народъ, въ слѣдствіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйства. — Нѣмцы часто тревожили Новогородцевъ, разбивали ихъ суда

Неустройства въ Новѣгородѣ.

Дѣла съ Нѣмцами и Шведами.

на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный Посадникъ Симеонъ, въ устьѣ Невы побѣдивъ Нѣмецкаго Воеводу Трунду, истребилъ большую часть его *шнекъ* и *лойвъ* или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда Новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю Ижерскую и Корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293) Шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и Новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха. Король Шведскій, Биргеръ, желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверовосточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ; хотѣлъ также укоренить въ ней Латинскую Вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею Нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣтельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго за-

прещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію[162].

Набѣги Литовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцева, Ржева, Твери, но и Москвитяне съ Дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году), и соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ, убили ихъ Князя, именемъ Домонта[163]. Набѣги Литвы.

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ Историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ Поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣтнымъ, Левъ думалъ быть его наслѣдникомъ и Государемъ всей Польши; не могъ преклонить къ тому Вельможъ Краковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника) и желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю требовать отъ него войска[164]. Однакожь, не смотря на многочисленныя толпы Моголовъ, данныя ему Ханомъ, Воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блестящую побѣду, взявъ 2000 плѣнниковъ, семь знаменъ, и положивъ на мѣстѣ 8000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ· Дѣла съ Польшею.

Іоаннъ и Мстиславъ Даніиловичь, весьма неохотно участвовали въ семъ походѣ, осуждая призваніе Моголовъ, которымъ слѣпое властолюбіе Льва указывало путь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ Христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ сильные Вожди Ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушить Венгерскую Державу, и взявъ съ собою Князей Галицкихъ, наполнили стремнины Карпатскія трупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводителями: гдѣ надлежало итти три дни, тамъ Моголы скитались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился *пѣшъ съ одною женою и кобылою*, по словамъ Лѣтописца. Около ста тысячь варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Не смотря на то, Ногай и Телебуга въ 1287 году съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: Герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ: но, къ ея спасенію, Вожди Татарскіе боялись, ненавидѣли другъ друга; не захотѣли дѣйствовать совокупно, и безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, требуя гостепріимства

отъ ея Князей, вмѣстѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное Моголы грабили, убивали Россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ, и которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что Моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ[165]. Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить Моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичь и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

Здѣсь подробныя сказанія Волынскаго Лѣтописца о происшествіяхъ его отчизны заключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра Іоанна Васильковича, любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, и за особенную ученость по тогдашнему времени названнаго *Философомъ*. Сей добрый Князь Владимірскій четыре года страдалъ какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнить; лекарства не помогали: но снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть

Кончина Кн. Владиміра Волынскаго.

бороды отпала; нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцевскіе и собственные, монисты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки; слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ Княжескими стадами. Не имѣя дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. »А что братъ нашъ Левъ далъ »въ память родителя моего?« сказалъ Владиміръ: »господствуя въ трехъ Княженіяхъ, Галицкомъ, Перемышльскомъ, »Бельзскомъ, хочетъ взять и Брестъ; но »не обманетъ меня.« Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ Удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ, поручилъ

ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную Княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери — и преставился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владимірѣ, въ церкви Св. Богоматери, Епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣтописецъ именуетъ Евреевъ, сказывая далѣе, что сей Князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицемъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію; что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льстнѣ (гдѣ всѣ мѣста по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью, и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію[166]. Лѣтописецъ Волынскій жилъ въ сіе вре-

мя: онъ называетъ его счастливымъ. Уже Татары не безпокоили западной Россіи, и были довольны, получая отъ ея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковыескъ. Ятвяги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ, и даже серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали благосклонности Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову, и заключивъ тѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость и знаменитость своихъ Государей. Еще родъ Святополка-Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній Князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичь, *добрый* и *правдивый* (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли Князья *Степанскіе*, упоминаемые въ лѣтописи

Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Святитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія, богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ[167]; а преемникъ Симеоновъ, Игуменъ Андрей, былъ сынъ Литовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего втораго Епископа Тверскаго ставилъ уже новый Митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Митрополитовъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно Пастырскихъ. Онъ мирилъ Князей съ народомъ, просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный ревностію къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе се-

Добродѣтели Кирилла Митрополита.

*

го Митрополита[168]. Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давноумершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гробѣ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: »Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца прежде »суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и »властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости, бралъ отъ него дары, вкусно ѣлъ »и пилъ за столомъ Княжескимъ, и въ »благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да »проститъ Богъ твое согрѣшеніе!«—Кириллъ посылалъ Епископа Сарскаго, Ѳеогноста, къ Патріарху Константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить Церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасно-

сти своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревностныхъ сановниковъ Церкви[169], громогласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго Митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на Патріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы Латинской Церкви. — Въ одной лѣтописи сказано, что премникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ[170]; но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими Лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кро-

мѣ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что Епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ Императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — въ тотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ

Смерт. Ногаева.

Россіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми[171]. Кажется, что въ сіе время уже разные Воеводы Могольскіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то Царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ свои Улусы.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Андрей Александровичь.

Г. 1294 — 1304.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже могъ назваться законнымъ Великимъ Княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Константинъ Борисовичь, по кончинѣ старшаго брата, сѣлъ на престолѣ Ростовскомъ, отдавъ Угличь своему сыну, Александру. Великій Князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ[172].

Г. 1294.

Браки.

Но могъ ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ Князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣче-

Свойства Андреевы. ства закрашиваютъ иногда черноту свою: ни ревностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ!

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ.
Г. 1295. Открылась распря, дошедшая до вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты.
Г. 1296 — 97. Судъ Князей. Посолъ Ханскій, избранный быть миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣсто его говорили Бояре Переславскіе): Ѳеодоръ Черный и

Константинъ Борисовичь стояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ Князья и Вельможи взялись-было за мечи. Епископы, Владимірскій Симеонъ и Сарскій Исмаилъ, ставъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою[173]. Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ Хановъ взялъ дары, а Великій Князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ то же время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ Хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, который, сверхъ чаянія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожь не прибѣгали къ мечу, и находили способъ мириться безъ кровопролитія. г. 1295 —304.

Древніе Сеймы Княжескіе, учрежден-

Сеймы Княжескіе.

ные Мономахомъ при Святополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могъ силою обуздывать частныхъ Владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя Духовныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Ѳеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ[174], гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъто согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ-было на свою сторону и Новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ Великаго Князя и самаго Хана: Новгородъ обѣщалъ правосудіе всѣмъ Тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступался отъ закабаленныхъ ему должниковъ Новогородскяхъ, и проч.[175]. Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него

союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль[176]. Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, выгналъ оттуда Бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ, и негодуя на властолюбіе меньшаго брата, поѣхалъ съ жалобою къ Хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ Великомъ Княженіи, какъ числомъ жителей, Бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію столичнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость Московскаго Владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго Князя, Константина Романовича, *убивъ* въ сраженіи и *многихъ Татаръ*: смѣлость удивительная, и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали обо-

Москва усилилась.

Смѣлость Россіянъ.

дряться, и пользуясь дремотою Хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ Ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожь успѣвъ принять Схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство Владѣтелей Московскихъ, и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ *церкви Св. Михаила*[177], оставивъ по себѣ долговременную память Князя добраго, справедливаго, благоразумнаго, и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра.

Смерт. Даніила Московскаго.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ, и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безпечности Хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ тамошняго Князя, Свя-

тослава Глѣбовича, Феодорова племянника[178].

Наконецъ Великій Князь, бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи Митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты Ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается Великое Княженіе тишиною, да пресѣкутся распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь, хваляся впрочемъ милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли[179].

Въ сихъ Княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе, ни Смоленскіе, ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: Великій Князь, не удержавъ господства надъ собственными Удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и быть — ежели бы и хотѣлъ — душею общаго согласія, порядка,

справедливости? Какъ въ Великомъ, такъ и въ частныхъ Княженіяхъ единокровные возставали другъ на друга. Александръ Глѣбовичь, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Өеодора Чернаго, отъ Смоленска[180], хотѣлъ (чрезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но разбитый ими съ помощію Князя *Вяземскаго*, Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичь, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

Междоусобія въ Княженіяхъ.

Мужество Россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными . . . Ливонскіе Рыцари (въ 1299 году) неожидаемо осадили Псковъ, и разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ Монаховъ, женщинъ, младенцевъ[181]. Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ Нѣмцами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку, и взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣнниковъ, гражданъ Эстонскаго

Война съ Орденомъ Ливонскимъ.

Феллина, къ Великому Князю. Коммандоръ Ордена, предводитель Нѣмцевъ, былъ раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ Ливонскіе Историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ Псковитянъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но принявъ Вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купѣли усерднымъ Христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ Россіянъ; тридцать-три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ: удостоенный сана Княжескаго, не только прославлялъ имя Русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи, дочери Великаго Князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи, и готовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія свято наблюдалъ обязанности

Кончина и слава Довмонтова.

Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ Князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: »добрые мужи »Псковичи! кто изъ васъ старъ, тотъ »мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ братъ[182]! »Помните отечество и Церковь Божію!« Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но въ 1307 году Литовцы *купили* оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой то изъ тамошнихъ Князей, обращенный въ Латинскую Вѣру, отказалъ сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кареліи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Витязь Сиггс[183]. Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на

берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изо ста-одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнутсонъ, предводительствовалъ онымъ, и началъ строить новый городъ, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С. Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ, и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вѣнцемъ земли*. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что Великаго Князя не было тогда въ Новѣгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что Новогородцы, видя, неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ отступили; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за Ландскрона.

нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова[184]. Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы Новогородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ Великаго Князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, Шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго Витязя, Стена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго: ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ Правителя Швеціи, хладнокровно отвѣтствуя другому благоразумнѣйшему витязю, именемъ Амундсону: »на что безпокоить Великаго Маршала?« Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій, и не слушая никакихъ предложеній Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: »на что безпокоить Великаго Маршала?»

и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горсть Шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ[185]. Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичь также хотѣлъ итти къ берегамъ Невы; но узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Успокоенные со стороны Шведовъ, Новогородцы отправили за море Пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частыя войны съ Эстoнiею, его областiю. Впрочемъ не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ и Князей Россiйскихъ, они въ тотъ же годъ заложили у себя большую *каменную* крѣпость: ибо вольность ихъ ограждалась дотолѣ однимъ бреннымъ *деревомъ*[186]. Умноженiе опасностей требовало защиты твердѣйшей: умноженiе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло Правительству

Миръ съ Данiею.

способъ воздвигнуть оную, безъ излишней тягости для гражданъ.

Великій Князь Андрей скончалъ жизнь свою Схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства. Никто изъ Князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго.

Іюля 27. Смерт. Андреева.

Ужасы естественные и всякія несчастія ознаменовали десятилѣтнее время его княженія, такъ же, какъ и Димитріево. Къ числу тогдашнихъ явленій, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная Комета 1301 года, описанная Китайскими Астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ Князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастися съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ

Разныя бѣдствія.

пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья, и Нѣмецкій гостиный дворъ[187]. Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ Лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою несноснаго тиранства Моголовъ, и со всѣмъ Клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ[188]; даже большая часть Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. После Ярослава и сына его, Александра Невскаго, Великіе Князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ Св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ, неизвѣстно (въ лѣтописяхъ упоминается только о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даніиловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ. Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости, и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ всякихъ знаковъ пыш-

Митрополиты въ Владимірѣ.

Кончина Льва Галицкаго.

ности[189]: Монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ Княземъ тамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ[190]. Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуются *особенные Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ:* а Кипріанъ пасъ Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мстислава Даніиловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и подобно Даніилу именовался *Королемъ Россійскимъ*, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего Князя, сохраненной въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена[191].

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады

Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ Новогородцевъ или Псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ[192].

Двинская грамота.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ, Казначеямъ и къ Старостамъ Заволочья[193]. Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три *ватаги* для ловли на море, подъ начальствомъ *Атамана* Крутицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлютъ его оттуда съ морскими птицами; что ловцы Новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволочьѣ ходить на *Тверскую* сторону, и проч. Такимъ образомъ Великіе Князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножать свои доходы.

ГЛАВА VII.

Великій Князь Михаилъ Ярославичь.

Г. 1304 — 1319.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбои Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія.

Г. 1304 — 305. Споръ о Вел. Княженіи. Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два Князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даніиловичь Московскій; но первый съ бо́льшимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и Бояре Великаго Княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила Государемъ Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ Главою, въ увѣреніи, что Ханъ утвердитъ за нимъ

Великое Княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею Суздальскою[194]; не требовать бывшихъ волостей Димитріевыхъ и Андреевыхъ: купленныя же имъ самимъ, Княгинею или Боярами его въ землѣ Новогородской, отдать на выкупъ или прежнимъ владѣльцамъ или Правительству; не позволять *самосуда* ни себѣ, ни Княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода, въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый Митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать Великаго Княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области[195]. Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ Хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за Князя Тверскаго, иные за Московскаго. Георгій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пустить его въ Орду и думали задержать на пути въ области Суздальской; а Бориса Даніиловича, пріѣхавшаго въ Кострому, схватили и по-

слали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ, разбилъ Тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и Воевода ихъ, Акинѳъ, остался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: »мы из»брали Михаила съ *условіемъ*, да явитъ »грамоту Ханскую, и будетъ тогда Кня»земъ нашимъ, но не прежде!« — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане Костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали; а чернь Нижняго Новагорода, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвила многихъ Бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ[196], сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвратясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ

возвелъ его на престолъ Великаго Княженія[197]. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ Москвѣ, Г. 1305—308. однакожь безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ. Современные Лѣтописцы винятъ одного Князя Московскаго, который въ противность древнему обыкновенію спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ. Сверхъ того Георгій по качествамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества. Злодѣйство Князя Московскаго. Мы говорили о несчастной судьбѣ Рязанскаго Владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; Княженіе его, лишенное Главы, зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ Московскаго[198]. Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою Хана спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ Владѣтель независимый, оста-

вивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну. — Самые меньшіе братья Георгіевы, дотолѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Дѣла Новогородскія.

Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери[199]. Его Намѣстники правили Великимъ Княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они письменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Гертомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новогородскія; второй, утѣсняя Кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ Шведамъ, и силою бралъ, что ему не принадлежало[200]. Новогородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ Правителей, взносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ

сими Боярами, и предоставляли себѣ условиться изустно съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кексгольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ Ванай, осаждали Шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній[201]. У бѣдныхъ жителей, по словамъ Лѣтописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо Россіяне истребили тамъ все, чего не могли увезти съ собою.

Г. 1310.

Г. 1311.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новогородцы начали ссориться съ Княземъ, жалуясь, что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать къ нимъ хлѣба, народъ встревожился, и не смотря на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, чтобы обезоружить Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ: Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ,

Г. 1312.

имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ, и лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ Орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магометовой, возстановленной имъ во всѣхъ Могольскихъ владѣніяхъ[202]: ибо Тохта былъ, кажется, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ, что многіе Татары, въ знакъ особенной любви къ сему Царю, назвалися его именемъ,
Узбеки. или *Узбеками*, донынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

Взявъ съ Новогородцевъ 1500 гривенъ
Г. 1313. серебра[203], Михаилъ возвратилъ имъ своихъ Намѣстниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Столь долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу:
Г. 1314. Корелы, впустивъ ихъ въ Кексгольмъ, умертвили тамъ многихъ Россіянъ. Хотя Новогородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михаилова Намѣстника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ у

ногъ Хановыхъ, забываетъ отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, Князь Ѳеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу Намѣстниковъ Михаиловыхъ, и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, объявили даже войну Великому Князю[204]. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новогородцы, на другомъ сынъ Михаиловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новогородцы согласились на миръ; а Князь Московскій, обѣщая имъ благоденствіе и вольность, сѣлъ на престолѣ Святыя Софіи. Г. 1315.

Скоро позвали Георгія къ Хану, дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михаиловы. Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Аѳанасію, и взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечь и грамоту Узбекову. Сильные полки Моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ Воеводою Тайтемеремъ. Сія грозная вѣсть

поколебала, однакожь не смирила Новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго, и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія Моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близъ Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ, явилась сильная рать Михаилова, Владимірская, Тверская и Могольская. Переговоровъ не было: вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда Новогородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались какъ Герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ; остатокъ заключился въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы Новогородцы выдали ему Князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣтствовали: »умремъ за Святую Софію и »за Аѳанасія; честь всего дороже.« Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора Ржевскаго: многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра.

г. 1316, Февр. 10. Мужество Новогородцевъ.

Нѣкоторые изъ Бояръ Новогородскихъ вмѣстѣ съ Княземъ Аѳанасіемъ остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли: коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту[205]: »Великій Князь Михаилъ условился съ Владыкою и съ Новымгородомъ »не воспоминать прошедшаго. Что съ обѣ»ихъ сторонъ захвачено въ междоусобіе, »того не отыскивать. Плѣнники свобод»ны безъ окупа. Прежняя Тверская Ѳео»ктистова грамота должна имѣть всю »силу свою. Новгородъ платитъ Князю »въ разные сроки, отъ второй недѣли »Великаго поста до Вербной, 12,000 гри»венъ серебра, зачитая въ сей платежъ »взятое въ Торжкѣ у Бояръ Новогород»скихъ имѣніе. Князь, принявъ сполна вы»шеозначенную сумму, долженъ освободить »аманатовъ, изрѣзать сію грамоту и пра»вить нами согласно съ древнимъ уста»вомъ.«

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ, и Великій Князь, свѣдавъ, что Послы Новогородскіе тайно ѣдутъ въ Орду съ жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новагорода, и пошелъ туда съ войскомъ[206]. Новогородцы

родцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного Боярина съ моста за мнимую измѣну, а другаго, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ. — Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить, и вздумалъ, къ несчастію, итти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда Новогородцы прислали въ Тверь

Архіепископа Давида, безъ всякой над- Г.
менности моля Великаго Князя осво- 1317.
бодить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. »Дѣло сдѣлано,« говорили они: »желаемъ спокойствія и »тишины.« Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира *безчестнаго*; хотѣлъ побѣдить и даровать его.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ Ордѣ, Г.
три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ 1318.
наконецъ столь великую милость, что Георгій
юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство зять Ха-
между Князьями Россійскими, женилъ его новъ.
на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею[207]: дѣло не весьма согласное съ ревностію сего Хана къ Вѣрѣ Магометовой! Провождаемый Моголами и Воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію, и пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему Пословъ. »Будь Великимъ
»Княземъ, если такъ угодно Царю,« ска- Умѣ-
зали они Георгію именемъ своего Госуда- рен-
ря: »только оставь Михаила спокойно ность
»княжить въ его наслѣдіи; иди въ Влади- и добро-
»міръ, и распусти войско.« Отвѣтомъ душіе
Князя Московскаго было опустошеніе Ми-
Тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ бе- хаила.

реговъ Волги[208]. Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ Княжескій Епископа и Бояръ. »Судите меня съ племянникомъ,« говорилъ онъ: »не самъ ли Ханъ утвердилъ меня »на Великомъ Княженіи? не заплатилъ ли »я ему *выхода* или Царской пошлины? »Теперь отказываюсь отъ сего достоин»ства, и не могу укротить злобы Георгія. Онъ ищетъ головы моей; жжетъ, »терзаетъ мою наслѣдственную область. »Совѣсть меня не упрекаетъ; но можетъ »быть ошибаюсь. Скажите ваше мнѣніе: »виновенъ ли я предъ Георгіемъ?« Епископъ и Бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ Князя, единогласно отвѣчали ему: »Ты правъ, Государь, предъ лицемъ Всевышняго, и когда смиреніе твое »не могло тронуть ожесточеннаго врага, »то возьми праведный мечь въ десницу; »иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, »готовые умереть за добраго Князя.« — »Не за меня одного (сказалъ Михаилъ), но »за множество людей невинныхъ, лишае»мыхъ крова отеческаго, свободы и жизни. »Вспомните рѣчь Евангельскую: *кто по»ложитъ душу свою за друга, той великъ »наречется.* Да будетъ намъ слово Господ»не во спасеніе!« Великій Князь, предводительствуя войскомъ мужественнымъ,

встрѣтилъ полки Георгіевы, соединенные съ Татарами и Мордвою, въ 40 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерти: шлемъ и латы его были всѣ изстрѣлены, обсѣчены, но Князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ Россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю Татарами: смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молитвами, и видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками[209]. Великій Князь запретилъ воинамъ убивать Татаръ, и ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ Хану. Сей лицемѣръ клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Декабря 22.

Побѣда надъ Татарами.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новогородцамъ, которые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе

время они мстили Шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній Або[210]. Узнавъ торжество Михаилово, Новогородцы вступились за Георгія: собрали полки и приближились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хотѣлъ вторичной жестокой битвы, и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду. »Ханъ разсудитъ »насъ« — говорилъ Михаилъ — »и воля его »будетъ мнѣ закономъ. Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и всѣмъ Новогородскимъ аманатамъ.« На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ*, и по коей Новогородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а Послы ихъ ѣздить чрезъ оную безопасно[211]. Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михаиловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался

случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ Хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ Орду двѣнадцатилѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ, какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ Вельможъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чистую совѣсть, и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Тьери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою тайную мысль, сказалъ: »Можетъ быть, »въ послѣдній разъ открываю тебѣ вну»тренность души моей. Я всегда любилъ »отечество, но не могъ прекратить на»шихъ злобныхъ междоусобій: по крайней »мѣрѣ буду доволенъ, если хотя смерть »моя успокоитъ его«[212]. Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ Ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ.

»Спѣши къ Царю,« говорилъ онъ: »или »полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ »твою область. Кавгадый увѣряетъ, что »ты не будешь повиноваться.« Устрашенные симъ извѣстіемъ, Бояре совѣтовали Великому Князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрій и Александръ, также заклинали отца не ѣздить въ Орду, и послать туда кого нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить Хана. »Нѣтъ,« отвѣчалъ Михаилъ: »Царь требуетъ меня, а не васъ: подвергну ли »отечество новому несчастію? Можемъ »ли бороться со всею силою невѣрныхъ? »За мое ослушаніе падетъ множество го»ловъ Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ »толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ на»добно будетъ умереть и тогда: не луч»ше ли же нынѣ, когда могу еще своею »погибелію спасти другихъ?« Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Сентября 6. Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ Дона[213]; вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обви-

неній. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ Вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго, и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечь на Посла Царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. Великій Князь отвѣчалъ: »Въ битвѣ не узнаютъ Пословъ; но я »спасъ Кавгадыя, и съ честію отпустилъ »его. Второе обвиненіе есть гнусная кле»вета: какъ Христіанинъ свидѣтель»ствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли »не было такого злодѣянія.« Судіи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не отходили отъ своего злосчаст-

Судъ въ Ордѣ.

наго Государя: приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды Княжескія.

Пышная забава Ханская.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячь людей было въ движеніи[214]; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телегахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда тронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ, и готовый умереть какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ

Великодушная кончина Михаилова.

ихъ, и съ веселымъ лицемъ говорилъ: »Друзья! вы долго видѣли меня въ чести »и славѣ: будемъ ли неблагодарны? Возне»годуемъ ли на Бога за уничиженіе кра»тковременное? Выя моя скоро освобо»дится отъ сего древа, гнетущаго оную.« Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; отрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ и вдругъ, какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: »не унывай! Царь »поступаетъ такъ и съ родными въ слу»чаѣ гнѣва; но завтра, или скоро, объ»явятъ тебѣ милость, и снова будешь »въ чести.« Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: онъ всталъ и пошелъ въ вежу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ Псалма: *Вси видяще мя покиваху гла-*

вами своими... Уповаю на Господа! — Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. »Я никогда не зналъ »постыднаго бѣгства,« отвѣчалъ Михаилъ: »оно можетъ только спасти меня, а не »отечество. Воля Господня да будетъ!«

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Ясскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заутреню (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ
Ноября 22. умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли Государю равное усер-

діе. Часъ рѣшительный наступалъ[215]. Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: »Государь! въ семъ »же Псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, на»писано: *возверзи на Господа печаль твою.*« Великій Князь продолжалъ: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію....* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его Отроковъ съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даніиловичь, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. »Вѣдаю, для чего,« отвѣтствовалъ Михаилъ, и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Романецъ* (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ

въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша Церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: »онъ твой дядя: оставишь ли трупъ »его на поруганіе?« Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и старалась утѣшить юнаго Константина; защитила и Бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство: другіе же, схваченные злобными врагами ихъ Государя, были истерзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ тѣло Великаго Князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской Губерніи), гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи[216]. Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащеницами и внести въ *церковь;* но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному

Городъ Маджары.

трупу, и поставили его въ хлѣвѣ. Въ Ясскомъ городѣ *Бездежтѣ* они также не хотѣли остановиться у *церкви Христіанской*; днемъ и ночью стерегли тѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спасскомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія). Г. 1319.

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михаилова была священна для современниковъ и потомства: ибо сей Князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя *отечестволюбца*[217]. Кромѣ однихъ Новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ — ума проницательнаго, твердости, мужества — Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ

правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахинею[218].

Разбои Моголовъ.

При семъ Великомъ Князѣ Ростовъ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ Татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными[219]. Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ[220]: изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ; но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить, и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною Княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый

Митрополитъ, преемникъ Максимовъ[221]: онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лютости Татаръ. По кончинѣ Максима (въ 1305 году), какой-то Игуменъ Геронтій вздумалъ-было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь Святительскую и жезлъ Пастыря; но Патріархъ Аѳанасій въ угодность Князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія, (въ 1308 году) посвятилъ въ Митрополиты *для всей Россіи* Петра, Волынскаго Игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ Пастырскихъ обязанностей, что Духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверскій Епископъ, сынъ Князя Литовскаго Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего Митрополита; но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на Соборѣ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали Епископъ Ростовскій, Игумены, Священники, Князья, Вельможи и Посолъ Цареградскаго Патріарха. Истиною и любовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: *Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!*... Въ другихъ слу-

Петръ Митрополитъ.

чаяхъ сей кроткій Архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской, Петръ склонялъ Князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ[222]; не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый *ярлыкъ* или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей

Ярлыкъ Ханскій.

ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишетъ[223]: »Вышняго и безсмертнаго Бо»га волею и силою, величествомъ и ми»лостію. Узбеково слово ко всѣмъ Князьямъ

»великимъ, среднимъ и нижнимъ, Воево-
»дамъ, книжникамъ, Баскакамъ, писцамъ,
»мимоѣздящимъ Посламъ, сокольникамъ,
»пардусникамъ во всѣхъ Улусахъ и стра-
»нахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша
»власть *держитъ* и слово наше *владѣетъ.*
»Да никто не обидитъ въ Руси церковь
»Соборную, Петра Митрополита и лю-
»дей его, Архимандритовъ, Игуменовъ, По-
»повъ, и проч. Ихъ грады, волости, села,
»земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды,
»сады, мельницы, хуторы, свободны отъ
»всякія дани и пошлины: ибо все то есть
»Божіе; ибо сіи люди молитвою своею
»блюдутъ насъ, и наше воинство укрѣ-
»пляютъ. Да будутъ они подсудны едино-
»му Митрополиту, согласно съ древнимъ
»закономъ ихъ и грамотами прежнихъ
»Царей Ординскихъ. Да пребываетъ Ми-
»трополитъ въ тихомъ и кротковъ жи-
»тіи; да правымъ сердцемъ и безъ печа-
»ли молитъ Бога за насъ и дѣтей на-
»шихъ. Кто возметъ что нибудь у Ду-
»ховныхъ, заплатитъ втрое; кто дерз-
»нетъ порицать Вѣру Русскую, кто оби-
»дитъ церковь, монастырь, часовню, да
»умретъ! и проч. Писано Заячьяго лѣта,
»осенняго перваго мѣсяца, четвертаго
»*Ветха* (то есть, въ четвертый день

*

»ущерба луны) на поляхъ.« Говоря о даняхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ *поплужную*, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняетъ церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма или Тавриды[224].

Разныя бѣдствія. Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ[225]. Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ домы и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. *Зобница* ржи стоила тамъ 5 гри-

венъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА VIII.

Великіе Князья Георгій Даниловичь, Димитрій и Александръ Михайловичи.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319 — 1328.

Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина.

Утвержденный Ханомъ на Великомъ Княженіи, и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владимірѣ, а брата своего, Аѳанасія, послалъ Намѣст- Г. 1319.

никомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, Епископъ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ Великаго Князя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть была общая:

Горесть Тверитянъ.

Церковь и народъ дѣлили оную съ Княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ Посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и Бояре Тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные остатки Князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился, съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой[226]. Вдовствующая Великая Княгиня Анна и Димитрій Михайловичь съ братьями выѣхали по Волгѣ въ ладіяхъ на встрѣчу ко гробу Михаилову: Епископъ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище

было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михаиловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои Монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ вой- г.
скомъ къ Рязани, и заставивъ тамошня- 1320.
го Князя, Іоанна Ярославича, согласиться на всѣ его предложенія[227], готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами

Г. 1321. въ Владимірѣ: послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2000 *рублей* и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ*[228]: они были не что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ: ибо Шведы старались овладѣть Кореліею и Кексгольмомъ.

Рубли.

Г. 1322. Война съ Шведами. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 Августа до 9 Сентября[229]. Злобясь на Шведовъ, Россіяне вѣшали плѣнниковъ.

По возвращеніи въ Новгородъ, Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата, Аѳанасія, и свѣдалъ, что Князь Іоаннъ Даниловичь, бывъ въ Ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ Посломъ Узбековымъ, Ахмыломъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ Великаго Княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ, и съ

торжествомъ отправился назадъ къ Хану, дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ Посольствѣ[230]. Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичь нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ Ордѣ достоинство Великаго Князя, и Царь Узбекъ прислалъ съ грамотою Вельможу Севенчь-Буга возвести его на престолъ Владимірскій. Тщетно Георгій молилъ Новогородцевъ итти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ, и на пути едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго[231], приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ Нѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Г. 1323.
Озабоченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; а Псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Литов- Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими.

скій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго.* Заслуживъ благодарность Псковитянъ, онъ возвратился въ Литву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу[232]. Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь) нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посылали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ, разбилъ Нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдствіемъ побѣды былъ выгодный для Псковитянъ, осьмнадцати-лѣтній миръ съ Орденомъ.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичь, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ Великомъ Княженіи, и что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ

усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ отсутствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на острову *Орѣховомъ*, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы Шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ, и желая прекратить войну столь часто бѣдственную для Шведской Кореліи и Финляндіи, юный Король Магнусъ прислалъ Вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято. Россіяне, заключивъ договоръ съ Послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими Державами въ Кореліи и въ Финляндіи[235].

Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ.

Новогородцы должны были въ сіе время управиться съ Устюжанами, грабившими ихъ купцевъ на пути въ Югорскую землю, и съ Литовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ловоти. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ;

но довольные сдѣланнымъ тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины заключили
Г. 1324. миръ съ *Князьями Устюжскими*, Намѣстниками Ростовскаго[234]. Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признательность Новогородцевъ, и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними: онъ поѣхалъ къ Хану, чтобы вторично снискать его милость, низвергнуть Димитрія и вновь утвердить за собою Великое Княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію, и рѣкою Камою плылъ до нынѣшней Казанской Губерніи.

Князья Устюжскіе.

Г. 1325. Въ слѣдующій годъ отправился къ Хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, — затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, — вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій.... Такъ одно злодѣяніе раждаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли

Ноября 21. Убіеніе Георгія и Димитрія.

въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичь, и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырмя Епископами совершилъ сей обрядъ печальный[235]. Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный столь бѣдственною кончиною Государя хотя и не добродѣтельнаго, однакожь знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли объ немъ: Тверитяне хвалили дѣло своего Князя, съ безпокойствомъ ожидая суда Узбекова. Г. 1326.

Ханъ долго молчалъ. Друзья Князя Московскаго безъ сомнѣнія представляли ему[236], что убійство столь наглое, совершенное предъ его глазами, требуетъ наказанія, или будетъ пятномъ для чести Царской, знакомъ слабости и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ Князей Россійскихъ; что Ханъ, сверхъ того, долженъ вступиться за Георгія, какъ за своего зятя. Прошло десять мѣсяцевъ. Братъ Димитріевъ, Александръ, спокойно возвратился изъ Орды съ Ханскими пошлинниками, надѣясь, что дѣло уже кончилось, и что Узбекъ не думаетъ о мести. Но вдругъ вышло грозное повелѣніе, и несчастнаго Димитрія убили въ Ордѣ (вмѣстѣ съ Княземъ Новосиль- Сентября 15.

скимъ[237], потомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ Твериттянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичь, прозваніемъ *Грозныя Очи*[238], смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери Князя Литовскаго, Гедимина, онъ не оставилъ дѣтей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата Великимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ
г. 1327. Михайловичь въ договорной грамотѣ, коею Новогородцы, не имѣя тогда Главы, и терпя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властителю[239]. Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михаиловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его купленныя, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимать вольныхъ жителей

на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность Новогородцевъ скоро измѣнились.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери Ханскій Посолъ, Шевкалъ[240], сынъ Дюденевъ, и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія Татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намѣренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую Вѣру, убить Князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши раздать своимъ Вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ Христіанъ, и что Моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Политикою Хановъ, хотѣвшихъ всегда быть покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому

злодѣйству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія Вѣры и православныхъ Государей, окружили Князя, юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примѣръ отца, великодушно умершаго для спокойствія подданныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ Твериmянамъ, что жизнь его въ опасности; что Моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ Княжескій; что время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда правыхъ. Граждане, усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: Князь на разсвѣтѣ, 15 Августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ

Истребленіе Моголовъ въ Твери.

Ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного Татарина живаго. Граждане умертвили и купцевъ Ординскихъ.

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія только трепетала, боясь, чтобы мщеніе Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожь, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его Великимъ Княземъ, и давъ ему въ помощь 50,000 воиновъ, предводимыхъ пятью Ханскими Темниками, велѣлъ итти на Александра, чтобы казнить Россіянъ Россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы съ Владѣтелемъ своимъ, Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея Ярославича[241]. Тогда Князь Тверскій могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки Моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности, и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда

10*

ѣхали уже Намѣстники Московскіе: граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и Князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу. Началось бѣдствіе.

Мщеніе Ханское. Тверь, Кашинъ, Торжекъ, были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю. Самые Новогородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ, давъ ихъ Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ Царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ.

Казнь Рязан. Князя. Въ то же время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича[242], онъ посадилъ его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Князя Мо-

г. 1328. сковскаго, далъ ему самую милостивую

грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ Россіянъ.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынянъ, Галичанъ, что Лѣтописцы Суздальскіе и Новогородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, платившъ нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и Нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ изъ темныхъ лѣсовъ на ѳеатръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ Державу именитую[243]. Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ Конюшимъ Литовскаго Князя Витена или, вѣроятно, Буйвида[244]: злодѣйски умертвивъ Государя своего, онъ

Литовцы завоеватели.

присвоилъ себѣ господство надъ всею землею Литовскою. Нѣмцы, Россіяне, Ляхи, скоро увидѣли его властолюбіе. Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское Княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ[245]. Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за Князей Россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ требовалъ богатаго вѣна отъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарту, креститься; женилъ перваго на Княжнѣ Витебской, а втораго на Владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти тестя всю его землю; а Любартъ получилъ Удѣлъ въ Волыніи. Юрій Львовичь, Галицкій и Волынскій, скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали тамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и которые въ грамотахъ своихъ назывались *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимірской*[246]. Одинъ изъ сихъ Князей, какъ надобно думать, былъ и тестемъ Любартовымъ: Историкъ же Литовскій именуетъ его *Вла-*

димiромъ, разсказывая слѣдующiя обстоятельства:

Сомнительное повѣствованiе Стрыйковскаго.

»Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ »Гедимина. Князья Россiйскiе, Владимiръ »и Левъ, хотѣли предупредить ихъ, и въ »то время, какъ онъ воевалъ съ Нѣмцами, »напали на Литву. Владимiръ опустошилъ »берега Вилiи: Левъ взялъ *Брестъ и Дро»гичинъ, бывшiе тогда уже во власти Ге»диминовой*. Сей мужественный витязь, »въ 1319 году побѣдою окончивъ войну »съ Орденомъ, немедленно устремился на »Владимiръ (гдѣ княжилъ тесть Любар»товъ). Подъ стѣнами онаго началася »битва, въ коей Татары стояли за Рос»сiйскаго Князя противъ Россiянъ: ибо »Гедиминъ имѣлъ Полочанъ въ своемъ »войскѣ, а Князь Владимiрскiй наемную »Ханскую конницу. Густыя толпы Ли»товцевъ рѣдѣли, осыпаемыя стрѣлами »Татарскими; но Гедиминъ, поставивъ въ »ряды пѣхоту, вооруженную пращами и »копьями, обратилъ Моголовъ въ бѣгство. »Россiяне замѣшались. Тщетно жены и »старцы, зрители битвы, съ городскихъ »стѣнъ кричали имъ, что она рѣшитъ »судьбу отечества: Князь Владимiръ, ока»завъ мужество достойное Героя, палъ »въ сраженiи, и войско, лишенное бодро-

»спи, разсѣялось. Городъ сдался. Гедиминъ, поручивъ его своимъ Намѣстникамъ, спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, устрашенный несчастіемъ Владиміра, бѣжалъ къ Брянскому Князю, Роману, своему зятю[247]: граждане не оборонялись, и побѣдитель, изъявляя благоразумную кротость, увѣрилъ всѣхъ Россіянъ въ безопасности и защитѣ. Утружденное войско его отдыхало цѣлую зиму. Наградивъ щедро Полководцевъ, онъ жилъ въ Брестѣ, и готовился къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

»Какъ скоро весна наступила и земля покрылась травою, Гедиминъ съ новою бодростію выступилъ въ поле, взялъ Овручь, Житомиръ, города Кіевскіе, и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра: онъ имѣлъ время призвать Моголовъ, соединился съ Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнаннымъ Княземъ Луцкимъ Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; верстахъ въ 25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но отборная дружина Литовская, ударивъ съ боку на Россіянъ, смяла ихъ. Олегъ положилъ голову на мѣстѣ битвы: Левъ также. Ста-

»ниславъ и Романъ ушли въ Рязань; а Ге»диминъ, отдавъ всю добычу воинамъ, »осадилъ Кіевъ. Еще жители не теряли »надежды и мужественно отразили нѣ»сколько приступовъ; наконецъ, не видя »помощи ни отъ Князя Станислава, ни »отъ Татаръ, и зная, что Гедиминъ ща»дитъ побѣжденныхъ, отворили ворота[248]. »Духовенство вышло со крестами, и вмѣ»стѣ съ народомъ присягнуло быть вѣр»нымъ Государю Литовскому, который, »избавивъ Кіевъ отъ ига Моголовъ, оста»вилъ тамъ Намѣстникомъ племянника »своего, Миндова, Князя Голшанскаго, Вѣ»рою Христіанина, и скоро завоевалъ всю »южную Россію до Путивля и Брянска.«

Судьба южной и западной Россіи.

Сіе повѣствованіе Историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ[249]. Оно тѣмъ сомнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а Князь Россійскій[250]. Не зная, когда именно Литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ

образомъ наше отечество утратило, и на-долго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ Св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ Грековъ! Что касается до Княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному сказанію Литовскаго Историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Объ нихъ-то Король Польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII[251]: »Извѣ»щаю Ваше Святѣйшество о кончинѣ »двухъ послѣднихъ Князей Россійскихъ, »бывшихъ для насъ твердою защитою »отъ свирѣпости Татаръ. Сіи жестокіе »враги Христіанства безъ сомнѣнія поже»лаютъ нынѣ овладѣть Россіею смежною »съ нашими землями, и мы будемъ въ ве»личайшей опасности.« Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Даніилова. Въ дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ Великимъ Магистрамъ Ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатями Епископа, Кня-

жескаго пѣстуна и Воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи*, обязываясь предъ охранять землю Рыцарей отъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владимірѣ, то во Львовѣ[252]. Бояре, въ малолѣтство его управляя Княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Послѣдній Князь Галицкій.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ и Россійскимъ*[253]; жилъ въ Вильнѣ, имъ основан-

Характеръ Гедимина.

ной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя Вѣру Греческую, и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митрополита Московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и безполезную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: »Одолѣвая Христіанъ въ битвахъ, »я не хочу истреблять Вѣры ихъ, а толь»ко защищаюсь отъ враговъ, подобно »всѣмъ другимъ Государямъ. Монахи До»миниканскіе и Францисканскіе окружаютъ »меня: даю имъ волю учить и крестить »людей въ моемъ Государствѣ; самъ вѣрю »Святой Троицѣ, желаю повиноваться »тебѣ, Главѣ Церкви и Пастырю Царей; »ручаюсь и за моихъ Вельможъ: только »усмири злобу Нѣмцевъ[254],« и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословенным извѣстіемъ, отправилъ въ Литву Епископа Алетскаго, Варѳоломея, и Бернарда, Игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прусскаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ

имъ: »Я не знаю вашего Папы и знать »не желаю. Исповѣдую Вѣру моихъ пред»ковъ, и не измѣню ей до гроба.« Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ Исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебрениковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцовъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, которую они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ Гражданское Право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для Христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя Монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣст-

ны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Ростокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію[255].

Нѣтъ сомнѣнія, что древняя область Кривская или нынѣшняя Бѣлорусія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его, Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичь, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава[256].

ГЛАВА IX.

Великій Князь Іоаннъ Даниловичь, прозваніемъ Калита.

Г. 1328 — 1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ[257] — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Вели- Г. 1328. Сѣверная Россія отдыхаетъ.

кое Княженіе, занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ униченіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

Москва глава Россіи.

Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ Россійскій: Димитрій Александровичь жилъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, Михаилъ Яро-

славичъ въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и каѳедра Митрополіи[258]: ибо Святый Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Іоанну. »Если ты« — говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ Митрополитъ Кипріянъ въ житіи Св. Петра — »если ты успокоишь мою старость, и воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; Святители захотятъ обитать въ ономъ, *и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ*«[259]. Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святый Митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился;

Предсказаніе Митрополита.

надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и новый Митрополитъ, именемъ Өеогностъ, родомъ Грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купѣлію Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ бра-

томъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новогородскими. Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новогородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. »И такъ вмѣсто защиты« — отвѣтствовалъ Князь Тверскій — »я нахожу въ васъ гонителей! »Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ своихъ братьевъ! »Жизнь суетная и горестная не прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія«[260]. Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: »Останься съ нами: клянемся, что »тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ »умремъ съ тобою.« Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный сла-

Милость Хана къ Іоанну.

Великодушіе Псковитянъ.

вою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ[261].

Іоаннъ, боясь казаться Хану ослушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Константинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичъ. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки[262]; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія

г. 1329.

духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, устрашила народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. »Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради »меня!« сказалъ онъ имъ со слезами: »иду »изъ вашего града, освобождая васъ отъ »данной мнѣ клятвы.« Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Сологa, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ, гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи. — Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и спѣшили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ Посла, а

вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую. Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новогородское Правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Г. 1330 — 32. Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился[263]. Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ; то есть отложились отъ Новагорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ Арсенія, послали его ставиться къ Митрополиту, бывшему тогда въ Волыніи. Александръ Михайловичь и самъ Гединінъ убѣждали Ѳеогноста исполнить волю Псковитянъ; однакожь Митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ то же время — съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвятилъ Архіепископа Василія, избраннаго Новогородцами, коего Епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ Митрополита, ува-

Особенный Епископъ во Псковѣ.

жая въ немъ Главу Духовенства, но хотѣлъ перехватить Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волыніи, такъ, что они едва могли спастися, избравъ иную дорогу, и принуждены были откупиться отъ Кіевскаго неизвѣстнаго намъ Князя Ѳеодора, который гнался за ними до Чернигова съ Татарскимъ Баскакомъ.

Происшествія Новогородскія.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ Орду доказывая свою преданность Хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ[264]. Зная, что Новогородцы, торгуя на границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ онаго для себя, и получивъ отказъ, вооружился, собралъ всѣхъ Князей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжекъ, и разорялъ окрестности. Тщетно Новогородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе: онъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и самъ Архіепископъ Василій, ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилостивить.

Закамское серебро.

Г. 1333.

Новогородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ тогда къ Хану.

Сія опасность заставила Новогородцевъ примириться съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новогородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніиловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона[265], дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею). Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ Лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе[266]. Обстоя-

тельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщанiе, вынужденное насилiемъ, быть дѣйствительнымъ обязательствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ Новогородцамъ желанiе видѣть Наримантa ихъ Удѣльнымъ Княземъ, обѣщая имъ защиту или они сами вздумали такимъ образомъ прiобрѣсти оную, опасаясь Iоанна столько же, сколько и внѣшнихъ враговъ: Политика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государства Россiйскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россiя, истерзанная Моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новогородцы искали способовъ устоять въ ея паденiи съ своею гражданскою вольностiю и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ Новогородцевъ, что онъ уже Христiанинъ и желаетъ *поклониться Святой Софiи*. Народное Вѣче отправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину и въ дѣдину*, съ правомъ наслѣдствен-

Политика Новагорода.

нымъ для его сыновей и внуковъ[267]. Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Г. 1334. Однакожь Новогородцы все еще старались утишить гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Ѳеогноста, съ коимъ дѣятельный Архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ[268]. Іоаннъ, возвратясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Іоаннъ позвалъ въ
Г. 1335. Москву Архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ Новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить Псковитянъ, исполняя волю Татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до инаго времени.

Спокойные съ одной стороны, Ново-

городцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ Бояръ: въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ раждало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпокойной и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую; мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на-долго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ Новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ одинъ Архимандритъ, запер-

г. 1337. тый и стрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область[269]. Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, и видя, что Новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами Сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе непріятельское дѣйствіе заставило Новогородцевъ опять искать дружбы Псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго Пастыря: Архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая Новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной *пошлины* или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя примѣру Митрополита Ѳеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Пско-

витяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или Политикою, и несогласной съ духомъ Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ неудачу, оставилъ Новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. »Если умру въ изгна»ніи« — говорилъ онъ друзьямъ — »то и »дѣти мои останутся безъ наслѣдія.« Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что Новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонятъ его или оставятъ тамъ изъ милости своимъ Намѣстникомъ. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему Тверскаго престола: ибо сей Литовскій Князь избѣгалъ войны съ Ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ Великому Князю[270]; но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся

скорѣе умилостивить грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Өеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы, что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ Орду, и взявъ заочно благословеніе отъ Митрополита Өеогноста, отправился туда съ Боярами. Его немедленно представили Узбеку. »Царь верховный!« сказалъ онъ Хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: »я заслу»жилъ гнѣвъ твой, и вручаю тебѣ мою »судьбу. Дѣйствуй по внушенію Неба и »собственнаго сердца. Милуй или казни: »въ первомъ случаѣ прославлю Бога и твою »милость. Хочешь ли головы моей? она »предъ тобою.« Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, что »Князь Александръ смиренною «мудростію избавляетъ себя отъ казни.« Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство Князя Тверскаго.

Ханъ прощаетъ Александра.

г. 1338. Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ

1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія[271], охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь, и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, который, будучи внукомъ

старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожь, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ[272]: такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ, сказывая, что сей Князь перевезъ-было оттуда и древній Вѣчевый колоколъ Успенской Соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ. Когдажъ Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшему брату, Константину Васильевичу, и пользуясь благосклонностію Хана, началъ смѣлѣе повелѣвать Князьями; выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую за Константина Васильевича Ростовскаго, и дѣйствуя как Глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ Московскій Бояринъ или Воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ Государемъ: свергнулъ тамошняго Градоначальника, старѣйшаго Боярина Аверкія; вмѣшивался въ суды, въ расправу; отнималъ и давалъ имѣніе[273]. Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились

Іоаннъ повелѣваетъ Князьями.

власти, и что Москва тиранствуетъ! Самые Владѣтели Рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился, бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ Великняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели Удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбія, и нужное для спокойствія Государства, Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе, недовольные своимъ Государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами: что было тогда не безчестною измѣною,

но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя[274]. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали: на примѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не старались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверскаго Князя: отправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новогородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона
г. 1339. и Іоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ

образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары, и совершенно овладѣвъ довѣренностію Хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то есть, къ очерненію Тверскаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ Моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково[275]. Царь, устрашенный опасностію, послалъ звать въ Орду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ Князей Удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенности первому, отмѣнные знаки милости. Іоаннъ же, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Несчастіе Александра.

Хотя Посолъ Татарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожь сей Князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ Ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Ѳеодора, чтобы узнать мысли Хана; но получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться[276]. Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая Природа

остерегала несчастнаго Князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ, и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичь проводилъ брата за нѣсколько верстъ отъ города; а Константинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія. — Вмѣстѣ съ Тверскимъ Княземъ поѣхали въ Орду Романъ Михайловичь Бѣлозерскій[277] и двоюродный его братъ, Василій Давыдовичь Ярославскій. Ненавидя послѣдняго, и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ, и ѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя.

Юный Ѳеодоръ Александровичь, встрѣтивъ родителя въ Улусахъ, со слезами извѣстилъ его о гнѣвѣ Хана. »Да будетъ »воля Божія!« сказалъ Александръ, и понесъ богатые дары Узбеку и всему его Двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ

молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые Вельможи Татарскіе и Царица вступались за сего Князя; но прибытіе въ Орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хитраго ихъ отца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный Князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ Царицы, и сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причастился Святыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ на встрѣчу къ убійцамъ, которые, отрубивъ голову ему и юному Θеодору, *розняли ихъ по составамъ*[278]! Сіи истерзанные остатки несчастныхъ Князей были привезены въ Россію, отпѣты въ Владимірѣ Митрополитомъ Θеогностомъ и преданы землѣ въ Тверской Соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканныя современниками и отмщенныя потомствомъ! Никто изъ Хановъ не умертвилъ столько Россійскихъ Владѣтелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще Князя Стародубскаго, Θеодора Михайловича, думая, что сіи страш-

Октября 28.

ныя дѣйствія гнѣва Царскаго утвердятъ господство Моголовъ надъ Россіею. Оказалось слѣдствіе противное, и не Ханъ, но Великій Князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ Княженіемъ: ибо Константинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были опослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колоколъ отмѣнной величины, коимъ славились Тверитяне[279]. Узбекъ не зналъ, что слабость нашего отечества происходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что способствуя Единовластію Князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе Царства Капчакскаго.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнувъ Александра въ несчастіи, и способствовавъ его изгнанію, тужили о погибели сего Князя: ибо предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣе уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они старались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со Шведами, продолжался около пятнадцати

лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, не рѣдко тревожимую Новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ Норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области, и Папа, Іоаннъ XXII, уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ Россіянъ[230]. Вельможа сего Короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, Іюня 3, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему Россіяне и Норвежцы на десять лѣтъ обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ[231]. Но въ 1337 году Шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Кореламъ; помогли имъ умертвить купцевъ Ладожскихъ, Новогородскихъ и многихъ Христіанъ Греческой Вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Ново-

Миръ съ Норвегіею.

Непріязнь Шведовъ.

городцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Наримонта и безполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на родственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣченъ, и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому Княженію [282]. Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожь доказывали, что дружба Гедимина съ Россіянами была только мнимая. Когда же Новогородцы, встревоженные нечаянною ратію Шведскою, потребовали Наримонта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного Намѣстника. Но Шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія Новогородскаго Посадника Ѳеодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ Россіяне истребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ

Разбои Литовскіе.

сей крѣпости далъ знать Новогородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что Король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россійскіе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сіи люди уже приняли Вѣру Латинскую, и что ихъ число весьма не велико. »Корелы« — сказалъ онъ — »бываютъ обыкновенно виною раздоровъ между нами; и такъ возьмемъ строгія мѣры для отвращенія сего зла: впредь казните безъ милости нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить вашихъ, чтобы они своими злобными навѣтами не мѣшали намъ жить въ согласіи.«

Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ.

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новогородцы отправили обыкновенную Ханскую дань къ Іоанну; но Великій Князь, недовольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека. Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. »Че-

»го не бывало отъ начала міра, того и »не будетъ,« отвѣтствовалъ народъ Посламъ Московскимъ: »Князь, цѣловавъ свя»тый крестъ въ соблюденіи нашихъ уста»вовъ, долженъ исполнить клятву.« Прошло нѣсколько времени: Великій Князь ждалъ вѣстей изъ Орды. Когда же Ханъ отпустилъ его сыновей съ честію, и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ повелѣніемъ слушаться Московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда своихъ Намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизить гордость сего величаваго народа и рѣшить вѣчную прю его вольности со властію Княжескою. Къ счастію Новогородцевъ, онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы Князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы Княженіе, столь малосильное, одно въ Россіи спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повино-

ваться Царю Капчакскому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичь, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, Князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну[283]. Татары помогали Димитрію; однакожь ни въ чемъ не успѣли, и Князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что Ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему служила за деньги одна вольница Татарская; но Іоаннъ Александровичь ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества, и вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости[284]. По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Княьзямъ итти на Смоленскъ. Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими шли Константинъ Васильевичь Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичь Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Ѳеодоръ Ѳоминскій, Князь Смоленскаго Удѣла[285]. Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ,

Г. 1340. Походъ къ Смоленску.

Іоаннъ Даніиловичь остался въ столицѣ, и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, что соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить Державу Смоленскую; но подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что Россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ, и что Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смолянъ, взялся умилостивить Хана.

Симъ заключилось достопамятное правленіе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на мантію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ Единовластію и къ величію[286]. Но справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго зло-

Марта 31. Кончина и достоинства Іоанновы.

дѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, Москвитяне славили его благость, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ[287]. Жители другихъ областей Россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Пантелеймоновичь, умертвилъ дядю роднаго, Андрея Мстиславича; такъ Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и

лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Ѳеогноста[238].

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою*[239]. Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ и бывшая тогда Архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною. — Украшая

Прозваніе Калиты.

столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 году) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время *Кремникъ*, или Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, *Дѣтинцемъ*[290]. Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе отъ сильнаго дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью*. Но подданные, облаготворенные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время. Кремникъ.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и въ другія области работу Нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на

Торгъ на Мологѣ. устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ *Холопій городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе, Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и Казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ Писатель XVII вѣка[291]: безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Москву Татарскій Мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Родіонъ Несторовичь, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1700 Отроковъ или Дѣтей Боярскихъ[292]. Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ Княземъ на первую степень Боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ Вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичь, не хотѣвъ уступить ему старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Твер-

Мурза Четъ.

скому, съ сыновьями своими, оставивъ въ *челяднѣ*, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго *Челяднею;* что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ Тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ, и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ Князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока, а Родіонъ отнялъ другую у Новогородцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и получилъ за то отъ Великаго Князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной Царю Іоанну Василіевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ Боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Царя, близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ

завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между

Завѣщаніе Вел. Князя.

тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая преставилась Монахинею въ 1332 году[293]. Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе Князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: »Во имя Отца и Сына »и Святаго Духа,« Іоаннъ говоритъ: »Не »зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ »Ордѣ, куда ѣду, оставляю сію *душевную* »грамоту, написанную мною добровольно, »въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. »Приказываю, въ случаѣ смерти, сы»новьямъ моимъ городъ Москву: отдаю »Симеону Можайскъ, Коломну съ волостя»ми, Ивану Звенигородъ и Рузу; Андрею »Лопастну, Серпуховъ, Перемышль; Кня»гинѣ моей съ меньшими дѣтьми села, »бывшія въ ея владѣніи« (слѣдуютъ имена ихъ)... »также оброкъ *городскихъ во»лостей;* а купеческія пошлины, въ оныхъ »собираемыя, остаются доходомъ нашихъ »сыновей. Ежели Татары отнимутъ во»лость или село у кого изъ васъ, любез»ныя дѣти, то вы обязаны снова урав»нять свои части или Удѣлы. Люди *чи-*

»*сленые*« — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную — »должны быть подъ общимъ вашимъ вѣдѣніемъ; а въ раздѣлъ идутъ единственно »купленные мною. Еще при жизни далъ »я сыну Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ три »блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, »два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, »третій сердоликовый, два ковша, двѣ »круглыя чаши, а серебромъ три блюда; »Андрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ »Фряжскій жемчужный, другой съ крюкомъ на червленомъ шелку, третій Ханскій, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ »три блюда. Золото Княгинино отдалъ »я дочери Фетиньѣ: четырнадцать колецъ, новый сдѣланный мною складень, »ожерелье матери ея, *чело* и гривну; а »мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ и шапку золотую, Ивану желтую »обьяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами, Андрею шубу соболью »съ наплечками низанными жемчугомъ и »портище алое съ нашитыми бармами

»а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, »меньшимъ дѣтямъ, *Марьѣ* и Ѳедосьѣ. »Серебряные поясы и другія одежды мои »раздать Священникамъ, а 100 рублей, »оставленныхъ мною у Казначея, по цер»квамъ. Большое серебряное блюдо о че»тырехъ кольцахъ отослать въ Храмъ »Владимірскія Богоматери. Прочее сере»бро и Княжескія стада — кромѣ двухъ, »отданныхъ мною Симеону и Ивану — »раздѣлить моей супругѣ и дѣтямъ. Те»бѣ, Симеонъ, какъ старшему, приказы»ваю меньшихъ братьевъ и Княгиню съ »дочерями: будь имъ по Богѣ главнымъ »защитникомъ. — Грамоту писалъ Дьякъ »Великокняжескій Кострома, при духов»ныхъ отцахъ моихъ, Священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіи и Давидѣ; кто нарушитъ »оную, тому Богъ судія.« — Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и Св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана;* а другая свинцовая[294]. — Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо

назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію, заключенному съ Новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличь, Бѣлозерскъ и Галичь, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ[295]: первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не задолго до преставленія Калиты. Однакожь сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: потому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской Обители[296]. Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру

Ярославская грамота.

дѣда, Ѳеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ *яма* или подводъ, отъ постоя и стражи; далѣе говоритъ: »Судіи мои, Намѣстники и Тіуны, да не »шлютъ *Дворянъ* своихъ за людьми Св. »Спаса безъ вѣдома Игумена, который »одинъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ »судіею, буде истецъ или отвѣтчикъ не »есть человѣкъ монастырскій; въ послѣд»немъ случаѣ часть денежной пени, на»лагаемой на виновнаго, идетъ въ казну »Св. Спаса, а другая въ Княжескую. Жи»тели *иныхъ* областей, перезванные Игу»меномъ въ его вѣдомство, считаются »людьми монастырскими; но работники »ихъ, приписанные къ моимъ селеніямъ, »остаются подъ судомъ Княжескимъ. Чер»норизцы и Крылошане Спасскіе, торгуя »въ пользу святой Обители, увольняют»ся отъ пошлинъ: что однакожь не уни»чтожаетъ древняго устава о перевозахъ »и бобровыхъ рѣкахъ.« Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію, и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому

сану, и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи какъ о *Россійской* области. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго Историка[297], тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родствен-

Судьба Галича.

нику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казиміръ, свойкъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичь, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанные алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный дого-

воръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Даніилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичемъ*, было раздѣлено между иноплеменниками.

ГЛАВА X.

Великій Князь Симеонъ Іоанновичь, прозваніемъ Гордый.

Г. 1340 — 1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всея Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи.

Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для Князей Россійскихъ: они Г. 1340.

спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичь (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ) также поѣхалъ съ братьями въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ Главѣ или Старѣйшему[298]. Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбе-

Маія 29.

Корыстолюбіе Моголовъ.

ковы требовали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ Великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ Хановъ до уничиженія, но строго повелѣвалъ Князьями Россійскими и заслужилъ имя *Гордаго.* Торжественно возсѣвъ на престолъ въ Соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними въ любви, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ[299]; взялъ съ нихъ такую же клятву, и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ Государемъ Новагорода, онъ послалъ Намѣстниковъ въ Торжекъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе Бояре призвали Новогородцевъ, которые, заключивъ Намѣстниковъ Княжескихъ въ цѣпи, объявили

Твердость Симеона Гордаго. Октября 1.

Симеону, что онъ только Государь Московскій; что Новгородъ *избираетъ* Князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новогородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя Новогородскихъ чиновниковъ и Бояръ своихъ, убивъ одного знатнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили Намѣстниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими[300]. Всѣ Удѣльные Князья и Бояре ихъ составляли его Дворъ воинскій. Тутъ же былъ и Митрополитъ Ѳеогностъ. Встревоженные Новогородцы велѣли областнымъ жителямъ итти въ столицу для ея защиты; послали Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распу-

стилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Г.
Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Ви- 1341.
тебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы[301]. Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть, и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, вторый сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

Свойства Ольгердовы.

Въ томъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михаилова рода, союзникъ и пріятель Папы Венедикта XII, который надѣялся склонить его къ Христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ

Сношенія Папы съ Ордою.

Монахомъ Римскимъ Іоною Валентомъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Татарскихъ[302]. Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя Христіанъ единственно какъ Политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ
г. 1342. братьевъ, и Князья Россійскіе вмѣстѣ съ Митрополитомъ долженствовали немедленно ѣхать въ Орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея трономъ. Съ честію и милостію отпустивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Митрополита, требуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань Татарамъ; но Өеогностъ ссылался на льготныя грамоты Хановъ, и Чанибекъ удовольствовался наконецъ шестью стами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно отмѣнить устава своихъ предковъ; а Өеогностъ, за его твердость, былъ прославленъ нашимъ Духовенствомъ. Все осталось, какъ было при Узбекѣ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ

убіеннаго Александра, милостію новаго Хана распространилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коротополъ, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ столицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожь не избавился отъ казни; его умертвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ[303]. Къ сожалѣнію, Татары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи, и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Ростиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажется, добровольно — уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола, Олегу.

Убіеніе Коротопола.

Въ отсутствіе Симеона Псковитяне воевали съ Ливонскими Нѣмцами, которые убили въ Летгалліи Пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ Князь Александръ Всеволодовичь, коего родъ намъ неизвѣстенъ: отмстивъ Нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и Новогородское Правительство

Дѣла Псковскія и Новогородскія.

дать имъ Намѣстника и войско[304]. Такъ говоритъ ихъ собственный Лѣтописецъ, прибавляя, что Нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; что Псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города основаннаго Датчанами въ 1223 году), и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, отправили въ Витебскъ Пословъ, которые сказали Ольгерду: »Братья наши, »Новогородцы, въ злобѣ своей не помо»гаютъ намъ. Государь! вступись за утѣ»сненныхъ.« Но Лѣтописецъ Новогородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ: они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣтивъ Новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію; но Рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ осадили Изборскъ, и схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя,

Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы Нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожь молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ области, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣстника, въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ [305]. Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, даже въ лодкахъ,

непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ что Архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе состояло въ дерзости и междоусобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ Великаго Князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знатныхъ Бояръ Новогородскихъ, построивъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ, хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное Правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѳоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь Новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ слугами Посадника Ѳеодора и требовала мести. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на Дворѣ Ярослава за Посадника. Архіепископъ и Намѣстникъ Княжескій едва отвратили кровопролитіе.

Однакожь Новогородцы были готовы стоять всѣми силами за Псковитянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то Княземъ Іоанномъ и Евстафіемъ Изборскимъ[306]. Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистръ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ битву, въ коей Россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ Бояръ своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что Нѣмцы умертвили всѣхъ Россіянъ; но отправленные гонцы Псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ Князья и воины отдыхали, среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться »небомъ Дворянъ, раемъ »Духовенства, золотымъ рудникомъ ино»странцевъ и адомъ утѣсненныхъ земле- Г. 1343.

»дѣльцевъ[307].« Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество Датчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечь и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ Нѣмецкому Ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнутій, княжилъ въ Вильнѣ, Наримантъ въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раз-
г. 1345. дробленное отечество, и неожидаемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ Хану Татарскому[308]: Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался Владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Іоанна, и

хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новогородцамъ: »вашъ Посадникъ Евстафій г. 1346.
»осмѣлился всенародно назвать меня псомъ: »обида столь наглая требуетъ мести; »иду на васъ.« Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву Постыдное дѣло Новогородцевъ.
отечеству, и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новогородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Литвою блестящую побѣду, горестную для г. 1347.

Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда[309].

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швецiею. Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбiя, услужить Папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Стокгольмѣ Государственный Совѣтъ и предложилъ ему силою обратить Россiянъ въ Латинскую Вѣру, требуя людей и денегъ. Сiе намѣренiе казалось Совѣту достохвальнымъ; но Швецiя, истощенная корыстолюбiемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра*; презрѣлъ неудовольствiе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сiе время славилась тамъ пророчествами и святостiю вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта[310]: она, какъ вдохновенная Пиѳiя, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но итти на Россiю съ одними набожными Шведами и Готами, достойными воевать для успѣховъ исти-

Война съ Магнусомъ.

ны: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ, и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявить Новогородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *Философовъ* для пренія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: »Ежели Король хочетъ знать, какая Вѣра лучше, »Греческая или Римская, то можетъ для »состязанія отправить людей ученыхъ »къ Патріарху Цареградскому: ибо мы »приняли Законъ отъ Грековъ, и не намѣрены входить въ суетные споры. Когда же Новгородъ чѣмъ нибудь оскорбилъ »Шведовъ, то Магнусъ да объявитъ свои »неудовольствія нашимъ Посламъ.« Бояринъ Козма Твердиславичь поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы присту-

г. 1348.

пили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Нариманта) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окружить его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ истинѣ Бригиттина предсказанія, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости, и возвратился въ отечество съ однимъ стыдомъ и съ десятью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ Тысячскій и Козма Твердиславичь, взятые въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской Церкви, *великодушно* освободилъ ихъ; что они дали ему клятву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію Латинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйствовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріятели Шведовъ и Папы[311].

Великій Князь по видимому мало заботился о Новогородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ три недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выступилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-то Ханскимъ дѣломъ, и вмѣсто себя велѣлъ итти въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Константиномъ Ростовскимъ[312]; а сіи Князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не принявъ*, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *Архіепископскаго благословенія*, *ни челобитья Новогородскаго*. Вѣроятно, что не робость, но хитрыя намѣренія политическія были тому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажется, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ. — »Князь оставляетъ насъ,« говорили Новогородцы: »возложимъ упованіе на Бога и на Святую Софію.« Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою: они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и торжественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться *младшимъ*

Псков братъ Новагорода.

братомъ Новагорода. »Одна любовь и Вѣра »да утвердятъ искренній, вѣчный союзъ »между нами!« сказали Новогородцы Псковитянамъ: »не будемъ давать вамъ По»садниковъ; не будемъ требовать васъ »на судъ къ Св. Софіи; правьте и рядите »сами; а для суда Церковнаго Архіепископъ »изберетъ Намѣстника изъ вашихъ со»гражданъ[313].« Такимъ образомъ отчизна Св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость — и, къ сожалѣнію, запятнала себя черными дѣломъ неблагодарности. Когда Новогородцы въ Августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову, и видя упорство Шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской, и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извиняли Псковитянъ, и Новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно, чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ

стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали Шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись[314]. Оставленные Великимъ Княземъ и союзниками, Новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣпости, взяли оную 24 Февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и Вѣры. Они положили употребить отнятое ими у Шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону; и не смотря на худую вѣрность Псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ Правителей[315]. — Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, Новогородцы изъ Двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также Шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы области Яскиская, Эгрепская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ Королемъ, Графомъ Генрикомъ Голштейн-

Г. 1349 — 50.

скимъ, Вельможами Турсономъ, Геннингомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Готландскими купцами; также Новогородскимъ Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами[316]. Хотя Король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодность ему дозволилъ его витязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ; но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтренаго Монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ Великій Князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи подвластной Татарамъ, слѣдственно и самихъ Татаръ; а Ханъ, убѣжденный представленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Литовскими[317]. Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріяте-

Хитрость Ольгердова.

лей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, потомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ[518]. Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ Церкви Греческой, тѣснилъ Духовенство въ Волыніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане стенали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за Вѣру отцевъ, и гнушаясь насиліемъ Папистовъ, славили терпимость Литовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за Князей Литовскихъ — которые не мѣшали ему повелѣвать Духовенствомъ въ Волыніи — особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей Цер-

кви[319]. И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ; Любартъ женился на Ростовской Княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его своячинѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему удѣлъ въ Минской области.

Браки.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана[320]. Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ

дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей къ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего времени *четыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Историка[321], изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Татарскаго. Однакожь Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра[322]. *Венгрія* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ долженствовала уступить оную *Польшѣ*; а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Раздѣлъ Западной Россіи.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ

Ссора Псковитянъ съ Литвою. сыновей съ Великимъ Княземъ, Псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы: Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ Вельможа Княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичь, въ 1349 году убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска[323]: мужъ храбрый и благочестивый Христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ Соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ Псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную Нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать Князю Андрею: »ты не »хотѣлъ самъ управлять нами: мы же »не хотимъ теперь ни твоихъ Намѣст»никовъ, ни тебя.« Въ слѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцевъ Псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь, недовольный Смоленскимъ Владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ объявить Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352. ему войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ[324]. Послы Литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими Князьями, въ Вышегородѣ на берегу

Противы, и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ отъ своего Государя. Великій Князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ Пословъ Смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ[325]. Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она

Черная смерть

во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не льзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили Панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ.

Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Пастырь Церкви, онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность[326]. Встрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Святительскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣсни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію Новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ Псковитянъ. Сей Архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго[327], и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Ѳеодору, доказывая въ ономъ, что

Земный рай.

»рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ *мысленными* или духовными.« Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ Псковитянъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Ново-

городскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ отъ Митрополита *крещатыя ризы* въ знакъ отличія и *бѣлый клобукъ*, какъ пишутъ, отъ Патріарха Цареградскаго, донынѣ хранимый въ Новогородской Софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми Святителями, которые бывали поставляемы изъ Бѣлаго Духовенства[328]. Бѣлый клобукъ.

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и Государства опустѣли. Иностранные Историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался[329]: столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *вся Россія* испытала тогда гнѣвъ Небес-

ный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ Митрополитъ Ѳеогностъ, Великій Князь, два сына его и братъ Андрей Іоанновичъ[330]. Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чтобы соблюсти тишину въ Государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя Великимъ Княземъ *всея Руси*, какъ то вырѣзано на его печати[331]. Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Ѳеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что »она на свадьбѣ »была испорчена и всякую ночь казалась »супругу мертвецомъ[332].« Къ общему не-

Г. 1353. Кончина Симеонова.

Великій Князь всея Руси.

Привидѣніе.

удовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго; а Симеонъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней[333]. »Кто »изъ Бояръ« — пишетъ Великій Князь — »захочетъ служить моей Княгинѣ, тотъ, »владѣя нашими селами, обязанъ давать »ей половину дохода. Всѣмъ людямъ ку- Завѣщаніе. »пленнымъ или за вину взятымъ мною »въ рабство: сельскимъ Тіунамъ (прика- »щикамъ), старостамъ, ключникамъ, или »женатымъ на ихъ дочеряхъ[334], объявляю »вѣчную свободу.—Вамъ, любезные братья« (ибо Андрей жилъ еще около шести недѣль) »поручаю супругу и Бояръ моихъ, »и приказываю то же, что намъ отецъ »приказывалъ: живите согласно, не пере- »мѣняйте уставленнаго мною въ дѣлахъ »государственныхъ или судныхъ; не вни- »майте клеветникамъ и ссорщикамъ; слу- »шайтесь добрыхъ, старыхъ Бояръ и на- Св. Алексій. »шего Владыки *Алексія*.« Сей знаменитый Святитель былъ крестникъ Іоанна Да-

ніиловича, сынъ Черниговскаго Боярина, Ѳеодора Бяконта, служившаго еще отцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевѳерія[335]: въ самой цвѣтущей юности возненавидѣвъ свѣтъ, къ огорченію родителей онъ постригся въ Московской Обители Св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ Митрополитова Намѣстника, и жилъ въ одномъ домѣ съ Ѳеогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ Митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ Орду и въ отдаленныя Епархіи Россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Ѳеогносту: Епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но Алексій не думалъ о маздѣ и съ неутомимою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Ѳеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина:

они возвратились уже по кончинѣ Великаго Князя, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Ѳеогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-то Инока Ѳеодорита, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее Духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и единодушно отвергнуло Ѳеодорита, какъ самозванца[336].

Ссоры Удѣльныхъ Князей.

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, однакожь власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣсткою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду, въ слѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона — отдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Михайловичь Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ Моголамъ съ

богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: вторый ограбилъ перваго, и зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверскаго Княженія; но тамошній Епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожь Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе[337].

Обновленіе Мурома.

Въ государствованіе Симеона Князь Юрій Ярославичь Муромскій обновилъ *древній* Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: то есть, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Сей Юрій, по Святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ, и со

временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели отъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Начало Троицкой Лавры.

Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была театромъ. Одинъ изъ Бояръ Ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего Князя и самовольство Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо Намѣстникъ Княжескій давалъ имъ льготу и выгоды: Кириллъ же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варѳоломей (названный въ Монашествѣ Сергіемъ) искали убѣжища отъ мірскихъ печалей въ трудахъ святости: первый сдѣлался Игуменомъ Богоявленской Обители въ Москвѣ, а второй, живъ долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, осно-

валъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ Иноковъ[358]. Строгая набожность и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Митрополитъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Художества въ Россіи

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Историка. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Ѳеогноста Митрополита, вторый *Россійскими придворными, Захаріею, Іосифомъ* и *Николаемъ* съ товарищами, а третій иностранцемъ *Гойтаномъ*[359]. Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ Россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей Соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ ис-

кусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симсонѣ начали употреблять въ Россіи *бумагу*, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе[340]. Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Іоаннъ II Іоанновичь.

Г. 1353 — 1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Новогородцы особенно послали туда Боярина своего Судокова, просить Хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго. Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Г. 1353 — 55. Характеръ Вел. Князя.

Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, и плѣнивъ Лопаснинскаго Намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно[341]; наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть Москвитянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

Жестокость Олегова.

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣстника, и терпѣливо сносилъ

ослушаніе Новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго того времени, какъ Суздальскій Князь, Константинъ Васильевичь, ими любимый, скончался[342]: тогда, уже не видя достойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣстниковъ Іоанновыхъ; а Чанибекъ утвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдственное для Владѣтелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичь Стародубскій по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутренныхъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери Великаго Князя, старался, не смотря на то, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго Кня- Г. 1354 — 59. Властолюбіе Ольгердово.

женія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ Хана грамоту на Удѣлъ Брянскій[343]. Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому Княженію, Ольгердъ занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда Литовцевъ. Съ другой стороны Андрей Ольгердовичь, Князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также мстили ему за разбой разбоями въ его области, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Междоусобія. Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о Князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ[344]: родственникъ его Ѳеодоръ Глѣбовичь, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія,

обольстилъ Бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости Ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ Бояръ и также отправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Θеодоръ превозмогъ: Ханъ отдалъ ему не только Княженіе, но и самого Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ краткая Исторія; родъ оныхъ исчезъ, и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла быть прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Θеодора, хотѣвшаго даже оставить свою Епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости[345]. Дядя требовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути Великокняжески-

ми Намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Литву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у Бояръ Холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ тѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая Намѣстниковъ Княжескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили Посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ Бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново. Софійская Сторона хотѣла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожесточенныя злобою. Владыко Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править Церковію, и за болѣз-

Дѣйствіе духовной власти въ Новѣгородѣ.

нію принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, то есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность несвойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго Посадника, и городъ успокоился[346].

Смертоубійство

Въ самой тихой Москвѣ, не знакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе, и дремлющее Правительство оставило виновниковъ

въ Москвѣ. подъ завѣсою тайны. Тысяцкій столицы, именемъ Алексій Петровичь, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ Заутрени найденъ мертвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго — кѣмъ? неизвѣстно[347]. Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго, и что ближніе Бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его въ слѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія — уѣхали съ семействами въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Дѣла церковныя. Даже и Церковь Россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины Архіепископъ Новогородскій, Моисей, отправилъ Посольство къ Греческому Царю и къ Патріарху жаловаться на беззаконное самовластіе Митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими

наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ[348]. Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ Императора, Іоанна Кантакузина, и Патріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію*, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый Грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ Россійскими Митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы* или *Полиставріонъ*.

Сія жалоба Новогородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева, Ѳеогноста — оскорбляла достоинство Митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сія новость изумила наше Духовенство; оно не знало,

кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою[349]: Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствію корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и требовалъ серебра отъ Епископовъ. Св. Алексій — *не искавъ чести*, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* — вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа Литовскимъ и Волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) Князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третію часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Добродѣте-

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важ-

ную услугу отечеству. Жена Чанибекова, ли Св.
Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, Алексія.
требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: »мы слышали, что Не»бо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ »главнаго *Попа* вашего: да испроситъ же »онъ здравіе моей супругѣ[350]!« Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей беззаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Кня-

зьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: »о »Владыко! ты даровалъ намъ *житіе мирное:* чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?« Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ.

Слова юнаго Димитрія.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичь Татарскій, Мамать-Хожа,

пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичь, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ Орду, и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца Царева.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался Монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя *Кроткаго*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣт-

г. 1359. Ноября 13. Смерть и завѣщаніе Вел. Князя.

нему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или *численыхъ* людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владиміръ Андреевичь, а послѣ Маріи одинъ Димитрій[351]. Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную сергу, стаканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто *руги*, нѣкоторую долю Княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю Казначеямъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею Исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую.

Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Несторъ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Лутичи и Тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ Волоховъ, остатки древнихъ Гетовъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ[352]. Паденіе Галицкаго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около по-

ловины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ[353], живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ*; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты Молдавскихъ Господарей[354]. Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, во XII или XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, Волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ[355].

ГЛАВА XII.

Великій Князь Димитрій Константиновичъ.

Г. 1359 — 1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій.

Въ одно время съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ [356]. Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый Царь далъ Великое Княже-

Г. 1359.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры.

Г. 1360 — 61. ніе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захотѣлъ сей чести[357]. Современники удивились такой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ: мнѣніе, основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Наслѣдственное право.

22 Іюня. Избранный Ханомъ Великій Князь въѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и Митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба.— Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича;

а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя ему тамъ условія[358]. — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожъ старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и безпокоилъ Тверскую область[359]. Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе Моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою Литовскаго завоевателя.

Пріобрѣтенія Ольгердовы.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, ко-

Мятежи въ Ордѣ. чевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги, обольстилъ Вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу, и сдѣлался Великимъ Ханомъ[360]. Еще Князья наши рабски повиновались симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ Ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичь, внукъ Давида Галицкаго, на *Галичъ*, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій Князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій долженствовали предъ Ханскимъ Посломъ судиться въ Костромѣ съ Болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: Князья, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ Орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмый открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ Орду, умертвилъ Темирхожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ Ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе Вельможи

Судъ Князей съ Болгарами.

г. 1361.

заключились въ Сараѣ съ Ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; Князь Булактемирь овладѣлъ землею Болгарскою, а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голода. — Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ ѳеатра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ Ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичь Московскій также находился въ Ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и вѣрные Бояре пеклися о благѣ отечества и Государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и звалъ его на Ханскій судъ, чтобы рѣшить дѣ- Г. 1362.
ло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе

вмѣстѣ съ Суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами? Однакожь, представляя лице древнихъ Хановъ, Мурутъ судилъ Пословъ, и призналъ малолѣтнаго Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, что соединяя знаменитую Московскую Державу съ областями Великаго Княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола.

Москва удерживаетъ право Великаго Княженія.

Но какъ сей Ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля-Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней, и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ Князей, Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича[361]. Бывшій Великій Князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль;

а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника, оставивъ его спокойно княжить въ Удѣлѣ наслѣдственномъ.

Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока взяла кормило Государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоанновичъ и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе

Отрокъ Димитрій.

не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

Конецъ IV тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ IV ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) »Гониша по нихъ (Князьяхъ) Татарове и не обрѣ»тоша, яко же и Саулъ гоняше Давида, но Богъ избави: тако и сихъ Вел. Князя Ярослава съ благород»ными сыны; бѣ же ихъ шесть« (кромѣ убитаго въ Твери): »Олександръ, Андрей, Костянтинъ, Аѳанасій, »Данило, Михайло; а Святославъ съ сыномъ Дмитрі»емъ, Иванъ Всеволодовичь, Васильковичи два, Борисъ »и Глѣбъ, Всеволодичь Василій« (внукъ Константиновъ, сынъ Всеволода Ярославскаго).

(2) См. *Пушкин. Лѣт.*

(3) См. *Пушкин.* и *Воскрес. Лѣт.* — См. ниже, примѣч. 100. Сей Смоленскій Князь Всеволодъ Мстиславичь названъ въ Родословн. Книгахъ Андреемъ. — Далѣе см. *Волынск. Лѣт.*

(4) См. Прая Annal. Reg. Hung. Кн. IV, стр. 251, и Dissert. стр. 113; также Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 103. Котянъ называется въ Венгерскихъ лѣтописяхъ Cothan и Cuthen. Онъ принялъ тогда Вѣру Христіанскую вмѣстѣ со многими изъ своихъ единоземцевъ.

Карпинъ (Voyage его стр. 47) пишетъ, что Моголы приступали тогда къ городу Орнѣ, построенному на берегахъ Дона близъ устья сей рѣки, славному торговлею и весьма богатому; что въ въ немъ жили Христіане: Козары, Алане или Яссы, Россіяне и нѣкоторые Сарацины; что Батый, не имѣя надежды взять его силою, велѣлъ запрудить Донъ и потопилъ городъ. Сія *Орна* (по нашимъ лѣтописямъ *Орначъ*) не есть ли *Тана* или нынѣшній Азовъ? или не *Ахасъ* ли? см. сей *Исторіи* Т. VII, въ концѣ, или Герберштт. R. M. Comment. 74.

(5) См. *Никон.* и *Пушкин. Лѣт.*

Въ *Воскресен. Лѣт.* несправедливо именованъ Мстиславъ внукомъ Святослава *Ольговича*: дѣдъ его, отецъ Глѣбовъ и Всеволода Чермнаго, былъ Святославъ *Всеволодовичъ,* сынъ Всеволода II.

(6) Нассиреддинъ называетъ Кіевъ *Куява*, а Олуг-

бегъ *Куя*: см. Баер. Geogr. Russ. ex Const. Porph. въ *Коммент. Акад.* IX, 411. — Въ нашихъ лѣтописяхъ Мангу именуется Менгуханомъ. Объ немъ сказано: »тта на оной странѣ Днѣпра у града Песочнаго« (см. *Больш. Чертежъ*).

(7) См. *Волын. Лѣт.* — Въ Родослов. Книгахъ сказано, что Даніилъ, поѣхавъ къ Королю Белѣ, взялъ съ собою Ростислава Мстиславича, который и скончался въ Венгріи. — О Белѣ см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 249.

(8) См. *Воскресен.* и *Волынск.* — Татарскій Воевода Урьдю или Орду, по сказанію Карпина (стр. 9), считался первымъ Воеводою Моголовъ.

(9) Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 154. Но Длугошъ ошибся, думая, что сіи знаки разрушенія напоминали месть Болеслава Храбраго: не Болеславъ, а Батый столь ужаснымъ образомъ разорилъ Кіевъ. Въ семъ городѣ находился тогда Монахъ Западной церкви, именемъ Іакинѳъ, который весьма живо описалъ Папѣ звѣрство Татаръ и разореніе Кіева (см. Бержерон. Traité des Tartares, стр. 27).

(10) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 424.

(11) См. *Синопсисъ*: тоже описано и въ другихъ историческихъ рукописяхъ XVII вѣка.

(12) Сей городокъ или мѣстечко, нынѣ именуемое Ладыжинъ, находится въ Подольской Губерніи, на Бугѣ. — Въ *Русск. Временникѣ* (I, 113) написано, что Батый тогда же подступалъ и къ Смоленску, гдѣ находился Св. Меркурій, благородный Римлянинъ Греческой Вѣры, слуга Князя Смоленскаго; что Моголы отрубили ему голову и проч. Ни въ Прологѣ, ни въ Минеяхъ нѣтъ Меркуріева житія. Въ Слѣдованной Псалтири сказано, что онъ убитъ въ 1247 году: слѣдственно гораздо послѣ того, какъ Батый взялъ Кіевъ.

О вѣроломствѣ Моголовъ см. Карпина Voyage въ Бержерон. стр. 55; объ Изяславѣ сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 283.

(13) Сіе изображеніе Россіи взято изъ *Степен. Кн.* I, 333, 334, и *Русск. Врем.* I, 121.

(14) См. Робертсон. View of the Stade of Europe, стр. 13, Вѣнск. изд.

(15) См. *Исторію* Кн. Щербатова: говоря о томъ, онъ забылъ, кажется, все читанное имъ въ нашихъ лѣтописяхъ о состояніи древней Россіи.

(16) По сказанію Лѣтописцевъ Венгерскихъ, Батый вступилъ въ ихъ землю съ 500,000 воиновъ. Сочинитель Житія Св. Михаила Черниговскаго пишетъ, что при осадѣ Кіева находилось 600,000 Татаръ (см. *Минею*, Сентября 20). Народы, побѣжденные Моголами, должны были обыкновенно давать имъ людей годныхъ для военной службы.

(17) См. Карпин. Voyage въ Берж. стр. 49 — 55, и Дегин. Histoire des Huns, Кн. XV, стр. 3 — 9.

(18) Пишутъ, что Моголы ѣли даже человѣческое мясо, крысъ и вшей (см. Дегин. Hist. des Huns, Кн. XV, стр. 4).

(19) Они сими крюками стаскивали непріятелей съ лошадей. — Далѣе см. *Пушкин.* и *Вольгнск. Лѣт.*: Удивительно, какъ могъ Великій Князь въ такое бурное время итти изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую Губернію! Мы упоминали въ 1229 году о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даніила въ Удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій Лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о Великомъ Князѣ Ярославѣ.

(20) Въ *Вольгнск. Лѣт.*: »Холмъ бо городъ сице бысть созданъ. Даниловн княжащу въ Володимери, създа градъ Угровескъ, и постави въ немъ Епископа. Ѣздящю же ему по полю и ловы дѣюще, и »видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящю округъ »его полю, и праша *тузелецъ*« (тамошнихъ жителей) »како именуется мѣсто се. Они же рекоша: *холмъ* . . . »И сътвори ту градецъ малъ И създа« (тутъ же послѣ) »градъ иный, его же Татарове не возмогоша »пріяти. Тогда же церковь Св. Троицы зажжена бысть, »и пакы создана . . . И Кн. Данило нача призывати

»прихожая Нѣмци и Русь и иноя язычникы и Ляхы...
»Бѣжаху изъ Татаръ сѣделници, и лучници, и тулни-
»ци, и кузнеци желѣзу и мѣди, и сребру, и бѣ жизнь,
»и наполниша дворы окресть града поле. Създа жь
»церьковь Св. Ивана... комары 4, съ каждо угла пе-
»реводъ и стояніе ихъ на четырехъ головахъ человѣ-
»ческыхъ, изъваяно отъ нѣкоего хитреца; окна три
»украшена стъклы Римскыми. Входяще въ олтарь
»стояста два столпа отъ цѣла камене, и на нею ко-
»мара; выспрь же връхъ украшенъ звѣздами золоты-
»ми на лазури: вънутрьній же ей помостъ бѣ сълитъ
»отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещашеся яко
»зерцало; двери же ея двоя украшены каменіемъ Га-
»лицкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ тесанымъ,
»изрыты нѣкымъ хитрецемъ Авдеемъ; *прилѣпы* (кор-
»низы) отъ всѣхъ шаровъ (красокъ) и злата; напреди
»ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ Іоаннъ
»Св.... Украси же иконы, еже принесе изъ Кыева,
»каменіемъ драгымъ и бисеромъ и златомъ, и образъ
»Спасовъ и Св. Богородицы, иже вда ему *сестра Ѳео-
»дора;* икону же принесе изо Вручего (Овруча) Встрѣ-
»теніе... и колоколы принесе изъ Кыева; другія
»ту солья... Вежа же среди города высока, яко би-
»ти съ нея окрестъ града, подздана каменіемъ, въ вы-
»соту 15 локоть, създана же древомъ тесанымъ и
»убѣлена яко сырь, свѣтящися на всѣ стороны; сту-
»денець, рекомый кладязь, близъ ея, сажней имущь 35...
»Посади же садъ красенъ, и създа церковь Свв. Без-
»мездникома въ честь, имать 4 столпы отъ цѣла
»камене тесанаго, дръжаща връхъ; съ тѣхъ же другіи
»въ олтарь Св. Димитрія; стоитъ же тисъ предъ
»богочиными дверми красенъ и пренесенъ издалече;
»стоитъ же столпъ поприще отъ города каменъ, а
»на немъ орелъ каменъ изваянъ; высота жь камени 10
»локоть, съ головами жь и съ подножкы 12 локоть«....
О войнѣ Даніила съ Поляками см. въ семъ же *Лѣт.* —
Въ *Пушк.* и въ другихъ: »Татарове (въ 1241 г.) уби-
»ша Мстислава Рыльскаго.« Чей онъ былъ сынъ, не-
извѣстно. Въ 1185 году княжилъ въ Рыльскѣ Свято-

славъ Ольговичь, внукъ Святослава же Ольговича Сѣверскаго.

(21) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 206. Полоцкій Князь Брячиславъ могъ быть сыномъ или внукомъ Василька Кривскаго.

(22) См. Дузбурга Chronicon Prussiae, стр. 13 — 27, и Келха Liefländ. Gesch. 78 — 84.

(23) См. Арндт. Liefländ. Chr. II, 42, 45, и наши лѣтописи (*Воскр.* II, 207, *Пушкин.* и друг.).

(24) Въ особенномъ описаніи Александровыхъподвиговъ сказано, что Король части Римскія, слыша о мужествѣ нашего Князя, желалъ побѣдить его или *взять руками*. *Новогород. Лѣт.* называетъ сего непріятеля Княземъ Шведскимъ, а сочинитель *Родослов. Книги* (описывая происхожденіе Морозовыхъ) Нѣмецкимъ Королемъ *Варгушемъ*. Въ Швеціи царствовалъ тогда Эрикъ Эриксонъ, прозваніемъ *Леспе* (*шепетливый*): онъ былъ хромъ, и поручалъ всѣ дѣла воинскія славному Биргеру, особенно защиту Финляндіи (см. Далина Gesch. des. R. Schw. II, 165). Въ мнимомъ завѣщаніи Шведскаго Короля Магнуса (которое вмѣщено въ наши современныя лѣтописи) именно сказано, что Александръ Невскій побѣдилъ Биргера. — Папа всячески возбуждалъ Шведовъ распространять Христіанство оружіемъ въ Финляндіи и въ окрестностяхъ ея (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 157).

Въ лѣтописи: »Пріидоша Свѣи въ силѣ велицѣ, и »Мурмане (Норманы или Норвежцы) и *Сумь* и *Емь*.« См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 72. Въ семъ походѣ не участвовали Ливонскіе Рыцари.

(25) О семъ чудѣ не упоминается въ *Новогород. Лѣт.*; но сочинитель описанія Александровыхъ подвиговъ разсказываетъ оное.

Современники ли наименовали Александра Невскимъ? Въ описаніи дѣлъ его и въ *Лѣт. Новогород.* нѣтъ сего прозванія, которое находится въ *Степенной Книгѣ*.

(26) Въ *Степен. Книгѣ* (I, 362): »Сій Ярославъ, сынъ »Владиміръ, *внукъ Рюриковъ Кіевскаго*:« нѣтъ, онъ былъ

сынъ Владиміра Псковскаго (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 161).

(27) Жители Феллина именованы Вельядцами, ибо сей городъ назывался Vellnio, Vilinde; по-Эстонски Wiliandi-lin. — Арндтъ въ Liefländ. Chr. (II, 45) и Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 35) пишутъ, что Великій Магистръ Бальке вмѣстѣ съ Дерптскимъ Епископомъ Германомъ ходилъ на Псковъ, и положивъ на мѣстѣ 600 Россіянъ, оставилъ тамъ гарнизонъ, ибо Князь Псковскій, *Ярополкъ*, сдалъ ему городъ, а самъ удалился. Кто былъ сей Ярополкъ, неизвѣстно. Въ Псковской лѣтописи поставлено то же число убитыхъ Россіянъ.

(28) Причина ссоры неизвѣстна. — Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что Александръ, пріѣхавъ къ отцу, княжилъ въ Переславлѣ. — Далѣе см. *Новогород. Лѣт.*

(29) Въ *Никонов.* сказано, что сей Князь и въ Новѣгородѣ повѣсилъ бунтовщиковъ.

(30) См. Арндт. Liefl. Chr. II, 46.

Далѣе см. лѣтописи и описаніе подвиговъ Александра.

(31) См. Арндт. Liefländ Chr. II, 46. Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ и въ Псковской лѣтописи. . . . »И нача имя слыти Вел. Кн. Александра по всѣмъ стра»намъ отъ моря Варяжьскаго и до моря Понтьскаго »и до моря *Хонужскаго* и до страны Тиверейскія (Тавриса) »и до горъ Араратскыхъ, и обону страну »моря Варяжскаго и до Великаго Риму.«

(32) См. *Новогород. Лѣт.*

(33) О семъ Ярославѣ см. выше, примѣч. 26. Далѣе см. *Новогород. Лѣт.* и описаніе подвиговъ Невскаго.

(34) См. Voyage Рубруквиса въ Бержер. стр. 3.

(35) Абульгази Histoire des Tatars, стр. 370. Ярославъ поѣхалъ къ Батыю, а сынъ его къ Великому Хану въ 1243 году. — О Князѣ Василіи Всеволодовичѣ см. выше, примѣч. 1. *Никонов. Лѣт.* называетъ Владиміра Углицкимъ. Константинъ Ярославичь возвратился съ честію отъ Хана въ 1245 году: тогда же Великій Князь съ братьями и съ племянниками поѣхалъ опять къ Батыю.

(36) См. *Воскресен.* II, 225, Карпина Voyage, Гл. VII и XIII. Въ *Степен. Кн.* въ исчисленіи побѣжденныхъ Татарами народовъ именуются *Буртасы*, о коихъ упоминаетъ и Карпинъ (стр. 58), называя ихъ Brutaches, и сказывая, что они были Іудейской Вѣры. Тѣло Ярослава Всеволодовича погребено въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ. — Лѣтописцы говорятъ только, что Ярославъ *положилъ душу* свою за Россію, и былъ ко всѣмъ милостивъ (см. *Воскр.* II, 225); но не хвалятъ его такъ плодовито, какъ Георгія II или Константина. Однакожь по рукописнымъ Святцамъ онъ включенъ въ ликъ Угодниковъ Божіихъ. — Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1240 году родилась у Ярослава дочь Марія, а въ 1241 сынъ Василій. Въ семъ году, по какому-то преданію, княжилъ въ Костромѣ К. Василій Георгіевичь, сынъ Георгія Ярославича, прозванный Квашнею, и въ двухъ верстахъ оттуда, близъ небольшаго озера, разбилъ Татаръ, шедшихъ отъ Ярославля съ добычею и плѣнниками: въ память чего это озеро именуется *Святымъ*, а побѣда приписывается Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, явившейся при семъ К. Василіи Георгіевичѣ, котораго не знаемъ: см. *Словарь Географ. Рос. Государства*, въ статьѣ *Кострома*.

(37) Дочь ли Мстислава Мстиславича Галицкаго, или Ярославъ женился послѣ на другой, не знаемъ. Она скончалась 4 Маія и была названа въ Инокиняхъ Евфросиніею. *Никон. Лѣт.* прибавляетъ: »понеже тогда даваху имена не съ перваго слова, но въ который »день постризашеся кто во Иноци.« Въ описаніи Княжескихъ гробовъ, сообщенномъ мнѣ отъ Г. Губернатора Владимірскаго, показано, что сія Великая Княгиня и сынъ Ярославовъ, Ѳеодоръ, лежатъ въ Владимірѣ, въ храмѣ Великомученика Георгія.

(38) Михаилъ убитъ въ томъ же 1246, Сент. 20.

(39) См. *Волынск.*, *Воскрес.* (II, 219), и *Ростов.* — К. Борисъ Васильковичь былъ сынъ Маріи, дочери Михаиловой.

(40) Такъ и Карпинъ называетъ сего Министра и Стольника Батыева (стр. 6), сказывая, что Моголы заставляли Михаила поклониться образу Чингисханову, и что Батый *чрезъ сына Ярославова* объявилъ ему смерть въ случаѣ неповиновенія.

(41) См. *Воскресен.* (II, 223), *Волынск.* и *Никон. Лѣт.*

(42) О сыновьяхъ Михаиловыхъ см. въ *Родословн. Книгахъ.* Объ Андреѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ упоминается въ *Волынск. Лѣт.* подъ годомъ 1261 по Ипатьевск. списку. Въ *Родословн. Книг.* названъ Всеволодомъ сынъ Юрья Михайловича; но вѣроятнѣе, что сей Андрей былъ внукомъ, а не правнукомъ Михаила Черниговскаго. См. о Ростиславѣ Гебгарди Gesch. des R. Hungarn, II, 118,—Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 310. — Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 774, и Наруш. Hist. Narodu Polsk. V, 96. Длугошъ называетъ дочь Ростиславову *Грифиною*, т. е. Агриппиною. Супруга его въ 1264 году была уже вдовою (см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 569). Въ *Родосл. Книг.* несправедливо сказано, что Ростиславъ умеръ бездѣтенъ.

(43) См. *Волынск. Лѣт.*

(44) Одни должны были ѣхать черезъ Россію, другіе черезъ Персію. См. Дегин. Кн. XV, стр. 103, и Бержерон. Voyages, T. I; также Шпренгеля Gesch. der Entdeck., который, ссылаясь на Историка современнаго, пишетъ о тогдашнемъ ужасѣ Европы, и сказываетъ, что сей ужасъ въ 1238 году мѣшалъ даже и ловлѣ сельдей на берегахъ Англіи (стр. 270).

(45) Карпинъ упоминаетъ о городкѣ Даниловѣ на пути изъ Волыніи въ Кіевъ. — Мы предлагаемъ здѣсь Читателямъ не всѣ, а только важнѣйшія для насъ подробности Карпинова сочиненія, которое находится въ Бержерон. собраніи путешествій.

(46) Карпинъ сказываетъ, что на берегахъ Днѣпра начальствовали Корренза и *Монтій*, который саномъ былъ еще выше перваго; на Дону *Тирбонъ*, женатый на сестрѣ Батыевой; на Волгѣ самъ Батый, а на Яикѣ другіе Воеводы.

(47) Сію черту взялъ я изъ Рубруквисова путешествія.

(48) Карпину сказывали, что Самоѣды имѣютъ собачьи головы!

(49) Объ нихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ (*Архангел.* стр. 81). Карпинъ называетъ Государя Бесерменовъ Altisoldan: такъ дѣйствительно назывался Харазскій или Хивинскій Султанъ Магометъ, побѣжденный Чингисханомъ (см. Т. III, стр. 263). Сей путешественникъ также ясно означаетъ предѣлы Харазской Имперіи, сказывая, что она граничила на Югѣ съ Іерусалимомъ и Багдадомъ. Имя *Бесерменовъ*, которые были Магометанской Вѣры, означало, какъ вѣроятно, *Мусульмановъ*. Послѣ стали въ Россіи называть всѣхъ невѣрныхъ *Бусурманами*.

(50) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 242.

(51) Карпинъ цѣнитъ конскій приборъ каждаго въ 20 марокъ или 10 фунтовъ серебра. См. въ Дюканж. Gloss. med. et infim. Latin. о значеніи имени purpura alba.

(52) Мы не знаемъ содержанія Гаюкова письма; но въ то же время Воевода его, Байотной, покоривъ часть Персіи, отвѣтствовалъ Папѣ чрезъ Монаха Асцелина (см. въ Бержерон. собраніи Voyage d'Ascelin, стр. 79) слѣдующимъ образомъ: »Согласно съ бо»жественнымъ повелѣніемъ Великаго Хана пишетъ »Байотной. Знай, Папа, что послы твои у насъ были »и вручили намъ письмо. Они говорили странныя рѣчи: »по твоему ли приказанію или отъ себя? Въ письмѣ »сказано, что мы истребляемъ людей; но такъ вѣ»щаетъ Богъ: *покорися всесильному, да обитаешь мир»но на своей землѣ и водѣ наслѣдственной, или да умретъ »ослушникъ!* Мы говоримъ тебѣ сіи же слова: ежели »хочешь обитать на своей землѣ и водѣ наслѣдствен»ной, то самолично явися къ намъ, или будетъ съ то»бою, Папою, что извѣстно Богу единому.«

(53) См. Райнальд. Ann. Eccles. Т. XIII, стр. 617 — 630. Тамъ напечатаны письма Иннокентіевы къ Даніилу, къ Россіянамъ вообще, и къ Архіепископу Прус-

скому, писанныя въ 1246 и 1247 году. — Василько, братъ Даніиловъ, именуется здѣсь *Королемъ Владимірскимъ* (Wasilco, Rex Laudemeriae). Яблоновскій въ своихъ родословныхъ (Tabulae Iablonovianae) называетъ Василькову супругу Княжною Заславскою. Иннокентій писалъ къ ней особенное письмо, и назначилъ какого-то Монаха Алексія съ товарищемъ его быть при Дворѣ Галицкаго Князя (Райн. Annal. Eccl. XIII, 617); а Генрику, Архіепископу Прусскому, далъ власть принимать въ духовный санъ людей, рожденныхъ отъ незаконнаго брака.

(54) Длугошъ полагаетъ коронованіе Даніила въ 1246 году. Иннокентій въ грамотѣ 1247 года уже дѣйствительно называетъ его Королемъ; но въ лѣтописи Волынской именно означено, что Даніилъ принялъ вѣнецъ послѣ войны Богемской, слѣдственно въ 1253 или въ 1254 году (см. Длугош. Hist. Pol. кн. VII, 734, и Прая Ann. R. Hung. IV, 294).

Даніилъ нѣсколько разъ дружился и ссорился съ Папою. Въ 1249 году онъ выгналъ Епископа Альберта, коего Иннокентій прислалъ быть главою нашего Духовенства въ южной Россіи (см. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1249, No 15). Въ 1252 году Король Венгерскій опять примирилъ Даніила съ Римомъ, такъ, что сей Князь отправилъ посольство къ Папѣ (см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 570).

(55) См. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 696. Сія грамота писана въ 1253 году.

(56) См. Райнальд. Annal. Eccl. XIV, годъ 1257, No 26, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 779.

(57) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 705.

(58) Но Рубруквисъ сказываетъ, что жены ихъ были весьма толсты.

(59) Такъ пишетъ Рубруквисъ, въ Бержерон. изд. стр. 14. Головной женскій уборъ назывался *Ботта*, состоялъ большею частію изъ коры древесной, покрываемой тафтою или иною богатою тканію, и походилъ на высокую пирамиду, украшенную вверху серебряными или золотыми прутиками и павлиными

перьями. »Смотря издали на толпу Могольскихъ всад»ницъ« — говоритъ Рубруквисъ — »иностранецъ во»образитъ, что на головахъ у нихъ шлемы, а въ ру»кахъ поднятыя вверхъ копья.«

(60) Карпинъ пишетъ: André, Duc de Sarvogle en Russie. Имя города кажется испорченнымъ; но сей Андрей долженъ быть сыномъ Мстислава Кіевскаго, умерщвленнаго Татарами на Калкѣ: ибо въ одной Синодальной лѣтописи (No 52, л. 48) сказано: »въ лѣто »6753 (1245) Царь Батый уби Князя Андрея Мьсти»славича.«

(61) См. Рубрукв. Voyage, стр. 122.

(62) Карпинъ пишетъ (стр. 56), что сей звѣрокъ, называемый въ Россіи и Польшѣ Dochon (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 230), а въ Германіи Ilis, имѣетъ черноватую кожу и живетъ въ землѣ (см. *Учен. Москов. Вѣдомости*, г. 1806. No 1).

(63) Не знаемъ, которой изъ сыновей Ярославовыхъ жилъ въ Ордѣ.

(64) Сіи-то Россіяне, живущіе въ степяхъ Половецкихъ какъ дикари, назывались, думаю, *Бродниками*, о коихъ со XII вѣка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 269).

(65) Абульгази сказываетъ только, что Октай умеръ внезапно; но повѣствованіе современнаго Карпина достойно уваженія. Одна изъ придворныхъ женщинъ была казнена, по доносу, что она дала ядъ сему Хану (Карп. Voyage, стр. 21).

Здѣсь Монахъ Карпинъ учитъ Государей Европейскихъ, какъ надобно воевать съ Татарами, и наконецъ къ истинѣ своего повѣствованія ссылается на свидѣтельство Князей Россійскихъ, Даніила Галицкаго, Романа (вѣроятно, сына Михаилова, Князя Черниговскаго и Брянскаго по нашимъ Родословнымъ Книгамъ), встрѣтившагося ему на пути въ Орду — какого-то *Іонелла* и *Аловы*, также Кіевскаго градоначальника *Монгрота*, слугъ Ярославовыхъ, и на безъименнаго Суздальца, который переводилъ Хану слова Карпиновы и проч.

(66) О сихъ Гоѳахъ, обитавшихъ въ Тавридѣ съ III вѣка, см. въ нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 86. Слѣды ихъ сохранились тамъ до XVI вѣка. Извѣстный Бусбекъ, разговаривая съ послами Хана Крымскаго, замѣтилъ между ими одного, имѣвшаго лице совсѣмъ особенное, не Татарское. Сей человѣкъ сказывалъ, что онъ инаго народу, живущаго въ горахъ Тавриды, и хотя, вышедши оттуда весьма давно, забылъ языкъ свой, но помнитъ еще нѣкоторыя слова. Бусбекъ написалъ сіи слова: всѣ они древняго Готѳскаго языка, извѣстнаго намъ по Улфилину Готѳскому переводу Нов. Завѣта (см. Mémoire sur les Cimmériens par Frèret, г. 1746 — 1748 въ Mém. de l'Acad. des Inscr. гдѣ Авторъ ссылается на Бусбеково письмо отъ 16 Дек. 1562).

(67) Мокшане, какъ извѣстно, составляютъ особенное племя Мордвы: Рубруквисъ называетъ первыхъ Moxel, а вторыхъ Merdas, сказывая, что послѣдніе были закона Магометанскаго.

(68) См. Рубрукв. Voyage, стр. 40. Сей путешественникъ нашелъ на берегу Волги новый, построенный Татарами домъ, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Россіянами, перевозя черезъ рѣку пословъ, ѣдущихъ въ станъ Батыевъ.

(69) Рубруквисъ пишетъ, что Мангу-Ханъ, человѣкъ средняго росту и лѣтъ сорока-пяти, сидѣлъ на тронѣ въ богатой шубѣ, которая имѣла лоскъ тюленьей кожи; что у него былъ носъ приплюснутый, и проч.

(70) Рубр. Voyage, стр. 74, 99, 105, 119.

(71) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 112.

(72) Рубруквисъ ѣхалъ изъ Татаріи до Волги около трехъ мѣсяцевъ, не видавъ ничего — ни города, ни селенія — кромѣ одной бѣдной деревни и кладбищъ.

Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитренной городокъ: см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, полов. II, стр. 143. См. *Никон. Лѣт.* VII, 210, и *Больш. Чертежъ*, стр. 233. Тамъ видны еще развалины двухъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ оныхъ нашлось нѣсколь-

ко обитыхъ серебромъ гробовъ. Рвы выкладены кирпичемъ; стѣны состоятъ изъ большихъ, прекрасныхъ плитъ съ муравлеными украшеніями; примѣтны также остатки готической штукатуры.

(73) Рубруквисъ пишетъ, что Сумеркентъ былъ на среднемъ протокѣ Волги, близъ Сарая. — Онъ называетъ Сарацинами вообще всѣхъ людей Магометанской Вѣры.

(74) Рубр. V, стр. 29 и 91. См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 472.

(75) Рубруквисъ пишетъ Samaron, вмѣсто Ширванъ. — Отъ имени Баку, Могольскаго Воеводы, производятъ названіе города Баку.

(76) У Вел. Князя Ярослава Всеволодича въ 1239 году было 6 сыновей (см. выше, примѣч. 1). Седьмой сынъ Василій родился въ 1241 (см. выше, примѣч. 36). Въ *Родословныхъ* сказано, что отецъ далъ Андрею Суздаль, Нижній Новгородъ и Городецъ. Константинъ княжилъ въ Галичѣ Костромскомъ, а Ярославъ въ Твери.

(77) См. современное описаніе подвиговъ Невскаго.

(78) См. Voyage de Rubruquis въ Бержерон. изданіи стр. 134. О караванахъ древнихъ см. нашей *Исторіи* Т. I, стр. 6.

(79) Сія рѣка истекаетъ въ Смоленской Губерніи. По *Лѣт. Псков.* около сего же времени (въ 1247 году, Іюля 3) Литовцы разбили Псковитянъ на Кудепи.

(80) Онъ погребенъ въ Юрьевскомъ готическомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ, лежатъ подъ спудомъ и мощи сына его, Димитрія. Сіи два Князя названы Святыми въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Святцахъ.

(81) Абульгази пишетъ, что у Батыя отнялись тогда ноги, и что онъ умеръ въ Волжской столицѣ своей *Кокордѣ* (Hist. des Tat. стр. 451) или въ Сараѣ, по лѣтосчисленію Дегинову въ 1255 году. Монахъ Рубруквисъ видѣлъ Батыя въ 1253 или 1254 году. Симъ опровергается сказка, внесенная въ нѣкоторыя

изъ нашихъ лѣтописей, о мнимомъ убіеніи сего Хана въ Венгріи около 1247 года.

(82) См. Райнальд. Annal. Eccles. T. XIII, стр. 651. Иннокентій писалъ къ Александру (Nobili viro Alexandro, Duci Susdaliensi), отъ 10 Февр. 1248 году изъ Ліона. — Въ житіи Александра: »Князь же, здумавъ »съ мудреци своими, въписа къ нему и рече: отъ Ада»ма до потопа, отъ потопа до раздѣленія языкъ, на»чала Авраамля и прошпія Израиля сквозѣ море, до »умертвія Давида Царя — отъ начала царства Соло»моня до Августа и до Христова Рождества, стра»сти, воскресенія, на небеса восшествія и царства »Константинова, — отъ начала онаго до перваго Збо»ра (Собора) и седмаго — си вся добрѣ вѣдаемь, а »отъ васъ ученія не пріемлемь.«

(83) См. современныя лѣтописи и *Степен. Кн.* (I, 356).

(84) См. Торфеев. Hist. Norveg. IV, 265. Норвежскіе и Русскіе Лапландцы тогда взаимно грабили другъ друга. Въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано: legati Regis Holmgardi, seu Russiae, Alexandri.

Далинъ пишетъ, что Гаконъ учтивымъ образомъ отказалъ Александру, не желая выдать дочери за данника Моголовъ; но въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано, что набѣги Моголовъ на Россію помѣшали тогда заключенію брачнаго договора. См. Торфея.

(85) См. *Степен. Кн.* I, 367, *Пушкин.* и *Воскрес. Лѣт.* и описаніе Александровыхъ подвиговъ.

(86) О супругахъ Ярослава Ярославича см. ниже, примѣч. 111. Далѣе: »Оставивъ (Андрей) ту Княгиню, »а самъ ступи *за море во Свейскую* землю. *Местеръ* же »Свейскій срѣте его и прія съ честію.« Кого Лѣтописецъ именуетъ Мейстеромъ, не льзя угадать.

(87) »Въ лѣто 6766 (1258). См T. III, примѣч. 292.

(88) См. *Новогород.* и *Пушкин. Лѣт.*

(89) »Пріидоша Свеи и Емь и Сумь и *Дидманъ* съ »своею волостью.« *Дидманомъ* называли Латыши Великаго Магистра Ливонскаго. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Александръ ходилъ въ Шведскую землю и на Чудь, чрезъ такія мѣста, гдѣ вѣчная тьма цар-

ствуетъ. Въ *Воскресен. Лѣт.*: »проидоша горы непро»ходимыя и воева поморіе все.« — См. Далин. Gesch. des Schw. R. II, 167. Биргеръ Ярль построилъ тогда въ Финляндіи крѣпость Тавастгузъ.

(90) См. выше, примѣч. 81, также Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 341.

(91) См. Voyage de Rubruquis, въ Бержерон. изд. стр. 80.

(92) По *Новогор. Лѣт.*, Татарскіе Численники пріѣхали въ Новгородъ еще въ 1257 году.

(93) См. *Пушкин. Лѣт.*

(94) См. *Волынск. Лѣт.* Жена Романова была *дочь* Герцогова (см. Прая, Annal. Reg. Hung. кн. IV, стр. 285 и 288) или, по другимъ извѣстіямъ, племянница, Bruderstochter (см. Гебгарди Gesch. des R. Hung).

(95) См. *Волынск. Лѣт.*

(96) Дѣйствительныя историческія преданія народа Литовскаго начинаются около сего времени, и неясность ихъ еще болѣе затмилась отъ пустыхъ догадокъ Историка Стриковскаго. Онъ разсказываетъ, что во время нашествія Батыева господствовалъ въ Литвѣ Зивибунтъ, зять и наслѣдникъ Керна, внука Палемонова (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 34), а въ Жмуди Монтвилъ, родный племянникъ Керновъ; что сынъ Монтвиловъ, Эрдивилъ, построилъ Гродно и завоевалъ Новогродокъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренные Татарами, и побѣдилъ Могольскаго Воеводу Кайдана; что сынъ Эрдивиловъ, Мингайло, взялъ Полоцкъ, управляемый тогда тридцатью народными чиновниками; что сынъ Мингайловъ, Гинвилъ, крестился, былъ названъ *Юріемъ*, и женился на Маріи, дочери Князя Тверскаго, Бориса; что братъ Гинвиловъ, именемъ Скирмунтъ, господствовалъ въ Новогродкѣ и разбилъ Хана Балаклая; что сынъ Гинвиловъ, Борисъ, строилъ церкви, монастыри въ Полоцкѣ, возвратилъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкою Березиною основалъ городъ Борисовъ; что Стриковскій видѣлъ близъ Полоцка, на Рижской дорогѣ, камень съ изображеніемъ креста и съ Русскою

надписью: *помилуй, Господи, раба Твоего Бориса;* что сей *Борисъ* оставилъ сына Рехволда или Василія, который былъ отцемъ Князя Глѣба и Княжны Евраксіи, умершей Инокинею; что Глѣбъ скончался бездѣтенъ, и что Полочане снова сдѣлались вольными; что Скирмунтъ, братъ Гинвиловъ, Князь Новогродскій, завоевавъ Туровъ, Мозырь, Стародубъ, Черниговъ, Карачевъ, роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ, Любарту, Писсумунту и Тройнату, отцу Алгимунта и дѣду Ринголька, отъ коего родился славный Король Литовскій Миндовгъ или Мендовгъ. Сіе родословіе содержитъ въ себѣ явную нелѣпость. Какъ? Монтвилъ жилъ въ нашествіе Батыево и праправнукъ его правнука, Миндовгъ, жилъ также при Батыѣ? Не говорю уже о томъ, что въ сіе время не бывало Тверскаго Князя, Бориса, и Дрогичинъ съ Брестомъ принадлежали не Литвѣ, а Даніилу Галицкому. Стриковскій смѣшалъ преданія и времена.

Россійскіе же Лѣтописцы говорятъ, что Литовцы, бывъ долгое время данниками Князей, отчасти Кіевскихъ и Черниговскихъ, отчасти Смоленскихъ и Кривскихъ, находились подъ управленіемъ собственныхъ Гетмановъ; что *Вильняне*, боясь Мстислава Великаго, завоевателя земли Кривской около 1128 году, поддалися Королю Венгерскому и призвали къ себѣ на княженіе изъ Царяграда двухъ сыновей бывшаго Полоцкаго Князя, Ростислава Рогволодовича, сосланнаго въ Грецію симъ Мстиславомъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, стр. 201); что одинъ сынъ Ростиславовъ назывался Давилъ, а другой Мовкольдъ; что Давилъ сдѣлался первымъ Княземъ Виленскимъ, и былъ отцемъ Вита, прозваннаго *Волкомъ*, и Эрдена, а Миндовгъ родился отъ Мовкольда (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 48). Сказаніе также сомнительное! Мстиславъ Великій сослалъ въ Константинополь Владѣтелей Полоцкихъ еще въ 1129 году: вѣроятно ли, чтобы Миндовгъ былъ *внукъ* одного изъ сихъ Князей? вѣроятно ли, чтобы сыновья Князя Россійскаго назывались именами Литовскими и приняли Вѣру языческую? ибо Миндовгъ

родился въ идолопоклонствѣ. Городъ же *Вильна* основанъ, по сказанію Литовскаго Историка, Княземъ Гедиминомъ въ XIV вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 253).

(97) См. Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 759, и Кельх. стр. 90. Письмо Папы Александра къ Королю Литовскому напечатано въ Райнальд. Annal. Eccl. T. XIV, год. 1255, No 58. Папа, сердитый тогда на мнимаго отступника, Даніила Галицкаго, пишетъ къ Миндовгу, что Церковь даетъ ему полную власть надъ всѣми землями, которыя сей новый Король отниметъ у Россіянъ.

Кѣмъ построенъ Новогродокъ, не знаемъ; вѣроятно Россіянами.

(98) См. о Бесерменахъ выше, примѣч. 49. Новѣйшіе Лѣтописцы и наши Историки думали, что Бесерменами названы здѣсь Татары же, и что Россіяне взбунтовались противъ своихъ господъ, Моголовъ.

(99) См. *Лѣт. Арханг.* стр. 59, и рукописн. *Лѣт.* о *великомъ градѣ Устюгѣ.*

(100) См. описаніе Александровыхъ подвиговъ. — О Константинѣ, зятѣ Александровомъ, упоминается въ *Родослов. Книгахъ;* отъ него пошелъ родъ Даниловыхъ. Отецъ Константиновъ, Ростиславъ Мстиславичь, тамъ названъ Борисомъ.

Стриковскій пишетъ (кн. VIII, гл. I), что Миндовгъ послалъ своихъ племянниковъ, Эрдвила, Викунта и Товтивила, воевать Россію; что Товтивилъ или Ѳеофилъ взялъ Полоцкъ, Эрдвилъ Смоленскъ и Друцкъ, а Викунтъ Витебскъ; что они, принявъ Вѣру Греческую, остались тамъ Князьями, и не хотѣли уже зависѣть отъ дяди; что разгнѣванный Миндовгъ послалъ на нихъ сильное войско, но что Товтивилъ отразилъ его съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Нѣмцевъ (см. *Волынск. Лѣт.*). Изъ повѣствованія нашихъ Лѣтописцевъ можно заключить, что Товтивилъ господствовалъ въ Полоцкѣ съ согласія тамошнихъ гражданъ: ибо они уже по кончинѣ его говорятъ: »тогда Литва посадиша *свой* Князь въ Полотьскѣ.»

Смоленскъ дѣйствительно могъ быть взятъ Литовцами въ 1239 году (см. выше, примѣч. 2); но Вел. Князь Ярославъ освободилъ его, и съ того времени онъ всегда принадлежалъ Россіи до самаго XV вѣка.— Подъ Юрьевымъ было съ Товтивиломъ 500 Полочанъ и Литвы. См. *Новогород. Лѣт.* стр. 148, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 766.

(101) »Въ лѣто 6769 постави Митрополитъ Епи»скопа Митрофана въ Сараѣ.« — Въ 1269 году Ѳеогностъ былъ поставленъ въ Епископы *Переяславлю* и Сараю (см. ниже).

(102) Въ монашествѣ дали ему имя Алексія, какъ сказано въ *Степен. Кн.*—Александръ женился въ 1239 году: ему не было конечно и пятидесяти лѣтъ. —О плачѣ народномъ см. описаніе Александр. подвиговъ и *Степен. Кн.* I, 372; о чудесахъ тамъ же, стр. 374, 375. Пишутъ, что въ княженіе Димитрія Донскаго однажды ночью загорѣлись свѣчи въ церкви, гдѣ лежало тѣло Александра, и два старца, вышедшіе изъ олтаря, приближились къ его гробу, говоря: »Александре! »востани и спаси правнука твоего, Димитрія, одолѣ»ваемаго иноплеменными!« Александръ всталъ изъ гроба и скрылся вмѣстѣ съ двумя старцами. Пономарь, видѣвъ сіе чудо, сказалъ о томъ церковнымъ начальникамъ; они же, выкопавъ нетлѣнныя мощи Невскаго, поставили ихъ въ ракѣ. Больные, прикасаясь къ онымъ съ вѣрою, получали исцѣленіе, и благочестивый Архимандритъ Евфросинъ видѣлъ, какъ свѣча у гроба Александрова сама собою загорѣлась отъ небеснаго огня, и проч. и проч.

(103) Тамъ стоятъ три гроба: первый (какъ означено въ надписяхъ) *Великія Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго;* второй *дщери его, Княжны Евдокеи;* а третій (на лѣвой сторонѣ) *благовѣрныя Княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго.*

(104) Изъ Германіи выѣхали Ратша и Гавріилъ, а изъ Пруссіи Михаилъ. Отъ перваго ведутъ родъ свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы,

Бутурлины, Каменскіе и проч.; отъ втораго Кутузовы, Голенищевы, Клеопины, Щукины и проч.; отъ третьяго (коего сынъ Терентій отличился въ Невскомъ сраженіи) Морозовы, Шеины, Чеглоковы, Шестовы, Салтыковы, Тучковы, и проч.

(105) См. Исторію Пахимера, кн. III, гл. 5.

(106) См. Торф. Hist. Norv. Ч. IV, гл. L, стр. 303.

Случаи Александрова княженія: въ 1248 году Ростовскій Князь Борисъ Васильковичь женился на дочери Ярослава Муромскаго. Въ 1249, на память Св. Первомученика Стефана, скончался въ Владимірѣ Князь Владиміръ Константиновичь. »Тое же зимы Василій »Князь Всеволодовичь (внукъ Вел. Кн. Георгія II) »преставися въ Володимери.« — Въ 1253, Сент. 11 родился у Бориса Васильковича сынъ Димитрій. Въ 1254 г., Іюля 30, у Кн. Бориса Васильковича родился сынъ Константинъ. — »Въ лѣто 6763 (1255) по Велицѣ »дни Порожьнеѣ (Праздныя) недѣли преставися Ко»стянтинъ, сынъ Вел. Кн. Ярослава, и бысть плачь »великъ. — Въ лѣто 6764 (1256) преставися Князь »Данило Ярославичь« (см. Лѣтопис. Синодальн. Библіот. No 52, л. 49). — »Въ лѣто 6769 (1261) родись »Олександру сынъ и нарекоша имя ему Данилъ. Того »же лѣта преставися Князь Андрей сынъ Володимерь (внукъ Константиновъ) на Угличѣ Полѣ. — Въ лѣто »6770 (1262) преставися блаженный учительный Епи»скопъ Кирилъ Ростовскый Маія 21. Се бысть истин»ный Пастырь, пася люди земли Ростовскыя съ кро»тостью, и положиша тѣло его въ церкви Св. Бого»родицы въ Ростовѣ, и въ его мѣсто поставленъ »бысть Игнатій Сент. въ 19. — Въ лѣто 6771 (1263) »родися Глѣбу (Васильковичу) сынъ Демьянъ« (а по *Троицк.* Василій).

(107) Въ *Троицк.*: »Въ лѣто 6772 (1264) престави»ся Князь Андрей Суждальскый, сынъ Ярославль, внукъ »Всеволожь.«

Древнѣйшая изъ Новогородскихъ подлинныхъ грамотъ находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи подъ No 2. Вотъ списокъ ея отъ слова до слова:

»Благословеніе отъ Владыкы, покланяніе отъ По»садника Михайла и отъ Тысяцьскаго Кондрата и »отъ всего Новагорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ и »отъ всѣхъ меньшихъ къ Князю Ярославу. На семъ, »Княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду, на цѣмъ »то цѣловали дѣди и отци и отець твой Ярославъ: »Новъгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ; »что волостій всѣхъ Новгородъскыхъ, того ти, Кня»же, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Но»вгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ воло»стій, а безъ Посадника тебѣ волостій не роздовати; »а кому роздаялъ волости братъ твой Александръ »или Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостій »безъ вины не лишати; а что ти, Княже, пошло на »Торожку и на Волоцѣ Тивунь свой дьржати, на своей »части дьржати, а Новъгородьць на своей части »дьржати; а въ Бѣжицахъ, Княже, тобѣ, ни твоей »Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ »селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ пріимати, и »по всей волости Новгородьской; а се, Княже, воло»сти Новгородьскые: Волокъ съ всѣми волостьми, »Тържькъ, Бѣжице, Городьцъ, Палиць (а то есьма »дали Иванкови), Потокъ, Мелечя, Шипино, Егна, Во»логда, Заволоцье, Коло, *Тръ*« — (а въ другихъ грамотахъ: *Терь*, часть Русской Лапландіи) — »Перемь, »Печера, Югра; а въ Русу ти, Княже, ѣздити осень, »а лѣтѣ не ѣздити: ѣздити на Озвадо звѣри гонити; »а въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медо»вара по грамотѣ отця своего, Ярослава. А судъ, »Княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣжичяномъ »и Обонижаномъ на 3 лѣтѣ, судье не слати; а изъ »Бѣжицъ, Княже, людій не выводити въ свою землю, »ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамотъ имъ »даяти, ни закладниковь пріимати, ни Княгыни твоей, »ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смер»да, ни купцыни; а безъ вины ти мужа волости не »лишити; а грамотъ ти, Княже, не посуживати; а »пожнѣ, Княже, что пошло тобѣ и твоимъ мужемъ, »то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ

»пожнѣ, а то ти, Княже, не падобѣ; а что, Княже, »братъ твой Александръ дѣялъ насильнѣ на Новѣго»родѣ, а того ся, Княже, отступи. Дворяномъ тво»имъ и Тивунимь погонь имати, како то пошло. А на »томъ ти, Княже, на всемъ хрестъ цѣловати безъ »перевода при нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, Госпо»дине Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по »твоей земли и по иной волости, и по всей Суждаль»ской земли, а то, Княже, имати по двѣ векши отъ »лодье и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна коро»ба; а Дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ пово»зовь не имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, Княже »Господине, пошло отъ дѣдь и отъ отецъ, и отъ тво»ихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.«

(108) Въ сихъ двухъ мѣстахъ власть судебная принадлежала и Князю и Новугороду.

(109) Употребленное въ подлинникѣ слово *погонъ* имѣетъ смыслъ *прогоновъ:* ибо въ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новугороду въ 1270 году, сказано: »а Дворяномъ твоимъ погонъ имати по пяти кунъ« (слѣдственно деньгами).

Сихъ грамотъ двѣ: на первой подписано: »Князя »Ярослава;« а вторая безъ подписи, и должна быть черною. Она такого же содержанія, съ прибавленіемъ, что Ярославъ можетъ бить (дикихъ) свиней только за 60 верстъ отъ Новагорода, ловить звѣрей лѣтомъ на *Озводѣ*, въ Русу ѣздить чрезъ двѣ зимы въ третью, а въ Ладогу черезъ два лѣта въ третье; что судьямъ должно объѣзжать волости послѣ Петрова дня, и что въ Заволочьѣ будутъ правители Новогородскіе, а не Княжескіе.

(110) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 46; также *Историч. и топографич. извѣстія о городѣ Вологдѣ,* стр. 28 и 74. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Герасима, хранящемся тамъ въ церкви уничтоженнаго Троицкаго монастыря, имъ основаннаго, сказано, что онъ пришелъ въ Вологду изъ Кіева въ 1147 году, на мѣсто, гдѣ въ *великомъ лѣсу были средній посадъ Воскресенія Христова, Лѣнивая площадь и малый тор-*

жекъ. Нынѣ на сей *Лѣнивой площади* (въ предмѣстіи города) стоитъ каменная церковь Воскресенія, а прежде стояла деревянная Соборная, въ коей погребали Вологодскихъ Епископовъ XVI вѣка. Св. Герасимъ имѣлъ ссору съ мѣщаниномъ Пятышевымъ, не хотѣвшимъ дать ему земли подъ строеніе монастырское: и теперь Вологодскіе купцы Пятышевы живутъ въ приходѣ бывшаго монастыря Троицкаго, что на Касаровѣ ручьѣ (см. *Словарь Географ. Рос. Госуд.* I, 978). Герасимъ скончался въ 1178 году, Марта 4, и гробъ его находится въ упомянутой древней церкви. — Говорятъ, что еще прежде Вологды былъ городъ Кубенской, на берегу озера Кубенскаго (см. *Лексик.* Татищ.).

(111) О семъ бракѣ упомянуто въ *Троицк.*, *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ, кромѣ *Новогород.*—Михаилъ Черниговскій имѣлъ сына Юрія, какъ сказано въ *Родословныхъ Книгахъ*; однакожь тесть Ярославовъ не названъ здѣсь Княземъ. Въ грамотѣ, выше приведенной (примѣч. 107), говорится о супругѣ Ярославовой по одному предположенію, что онъ будетъ имѣть ее: ибо его бракосочетаніе совершилось уже послѣ въ Новѣгородѣ. Первая супруга Ярославова убита Моголами (см. выше, стран. 77).

(112) По *Новогород. Лѣт.* См. также *Волын. Лѣт.* Миндовгъ убитъ въ 1263 году, а сынъ его опустошилъ Литву въ 1265. Длугошъ приписываетъ сіе злодѣйство племяннику Миндовгову Тройнату (кн. VII, стр. 772); а въ *Воскресен. Лѣт.* (I, 49) сказано, что Миндовга умертвилъ Князь Герденъ, Давиловъ сынъ.

(113) Такъ въ современномъ лѣтописцѣ Новогородскомъ.

(114) См. современнаго *Новогород. Лѣт.* и особенную повѣсть о *благовѣрномъ Князѣ Довмонтѣ* (см. въ Синодальн. библіот. рукопись подъ No 349, листъ 162) включенную въ лѣтопись Псковскую и другія.

(115) Ярославъ ѣздилъ изъ Новагорода въ Великое Княженіе. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что онъ, уѣхавъ опять изъ Новагорода, оставилъ тамъ

Князя Димитрія Александровича: по извѣстію же *Лѣт. Новогород.* тамъ начальствовалъ, въ отсутствіе Великаго Князя, Юрій Андреевичь.

(116) См. *Новогор. Лѣт.*

(117) См. *Новогор. Лѣт.* Эстонцы и теперь называютъ Везенбергъ Раковоромъ (Rackwerrn).

(118) Святославъ, коего Великій Князь прислалъ вмѣсто себя, былъ Михаиловъ братъ (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 152), а Михаилъ сынъ Ярославовъ.

(119) Въ Эстоніи извѣстна не малая рѣка Кегль; но она гораздо далѣе Везенберга: здѣсь разумѣется та, на коей стоитъ сей городъ, или другая, не далеко отъ нее текущая; имена ихъ не означены на картахъ. — О битвѣ см. Руссов. Chr. л. 26, Кельх. Liefl. Gesch. стр. 96, и Арнт. Chron. 62. Они полагаютъ ее въ 1272 году; но лѣтосчисленіе ихъ явно несправедливо. Сіи Историки относятъ смерть Миндовга къ 1271 году: вмѣсто чего онъ убитъ въ 1263 году, какъ говорятъ согласно наши лѣтописцы, Польскіе и Стриковскій. Если Магистръ Конрадъ Фонъ-Меденъ, при коемъ случилось убіеніе Миндовга, начальствовалъ 3 года, то Отто Фонъ-Роденштеинъ заступилъ его мѣсто и сражался съ Россіянами гораздо ранѣе 1272 года. — См. *Новогород.* и *Псков. Лѣт.*

(120) Арнт. Liefländ. Chron., Кельх. Liefl. Gesch. и *сказаніе* о *Довмонтѣ.*

(121) Ярославъ посылалъ, за Низовскими полками, сына своего, Святослава. — Ниже въ лѣтописяхъ говорится только о Нѣмцахъ; но Датчане безъ сомнѣнія участвовали въ семъ мирномъ посольствѣ: ибо Новогородцы хотѣли воевать съ ними.

(122) Внукъ Мстислава Романовича Кіевскаго, убитаго на Калкѣ. — Василій именуетъ Новгородъ своею отчиною по тому, что отецъ его, Ярославъ Всеволодовичь, княжилъ въ ономъ.

(123) Договорная грамота Ярославова находится въ Архивѣ Иностран. Кол. подъ No 1.

(124) Слѣдственно купцы раздѣлялись на Сотни: всякое Сто имѣло свою управу.

(125) И такъ грамота Хана или Царская была у нась закономъ и въ торговлѣ.

(126) Не сына ли Товтивилова, ушедшаго по смерти отца въ Новгородъ? см. выше. Впрочемъ сіе имя не Русское; у насъ есть только женское Августа.

(127) См. Абульгази Hist. des Tatars, 453, *Троицк. Лѣт.*, *Никоновск.*, *Степен. Книгу* (I, 383) и *Временникъ*.

(128) См. *Троицк.* — Въ то же время (см. лѣтописи Синодал. No 349 и 365, и Засѣцкаго) скончался и сынъ Ярославовъ Михаилъ; а супруга Великаго Князя, именемъ Ксенія, жила въ Твери до 1312 года, и скончалась Монахинею.

(129) См. лѣтописи, въ описаніи случаевъ Александрова княженія; см. также *Степен. Книгу*, I, 392., *Никонов. Лѣт.* III, 62, и *Родословн. Книги*. Прежде Θеодора не упоминалось о Князьяхъ Можайска, Удѣла Смоленскаго. — О *Казани* будемъ говорить послѣ.

(130) О Ногаѣ см. выше, стр. 103.

(131) Отцы ихъ, какъ уже извѣстно Читателю, были сыновьями Великаго Князя, Всеволода III. Его погребли въ Юрьевскомъ монастырѣ Св. Михаила (см. выше, примѣч. 80). Оставилъ ли Димитрій сыновей, не знаемъ (см. ниже, примѣч. 285).

(132) См. *Вольн. Лѣт.* По списку Ипатьев. онъ скончался въ 1264 году, а по Длугошу въ 1266.—Длугошъ пишетъ, что въ 1287 году, когда Ногай и Телебуга громили Польшу, въ монастырѣ Сандецскомъ жила супруга Даніилова, Констанція, вмѣстѣ съ сестрою своею, Кингою, женою Болеслава Краковскаго (Hist. Polon. кн. VII, 847). Сія Констанція дочь Белы Венгерскаго (какъ сказываетъ намъ *Вольн. Лѣт.*) была за Львомъ Даніловичемъ, а не за отцемъ его. Ходыкевичь, согласно съ Зиморовичемъ (см. ниже, примѣч. 189) говоритъ, что она, выпросивъ у Льва мѣсто сгорѣвшаго Лембергскаго дворца, основала тамъ монастырь Доминиканскій.

(133) См. *Волынск. Лѣт.* (по Ипат. въ 1268 г.) — Романъ Даніиловичь погребенъ въ Холмѣ. — Даніилъ заключилъ союзъ съ Болеславомъ за годъ до смерти Миндовга.

(134) См. *Хронику* Стриковскаго и *Волын. Лѣт.*

(135) См. Ранча *Исторію Сербовъ*, кн. VII, гл. IX, стр. 424. Онъ приводитъ слѣдующія слова древнѣйшаго Сербскаго Историка, Архіепископа Даніила, сочинившаго *Родословъ* въ началѣ XIV вѣка. Ранчь, худо зная нашу Исторію, думалъ, что сей Князь *Василій* былъ сынъ Ярослава Всеволодовича. — См. *Волынск. Лѣт.* Супруга Василькова, Елена, скончалась въ 1265 году и погребена въ Владимірской церкви Богоматери. Въ томъ же году, по сказанію *Волынск. Лѣт.*, былъ страшный мятежъ въ улусахъ Татарскихъ.

О монашествѣ Василія пишетъ Зиморовичь въ его Triplici Leopoli, и Ходыкевичь (см. Dissertationes de Archiepiscopatu Kijoviensi et Haliciensi). Левъ, исполняя желаніе дяди, построилъ въ Лембергскомъ предмѣстіи монастырь Св. Георгія изъ *буковаго* дерева.

(136) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 334, и нашей *Исторіи* Т. III, стр. 233.

(137) Memor. Popul. III, 1118 и слѣд. — Уберт. Фоліет. Hist. Gen. въ Thesauro Italico стр. 405. — Райнальд. Annal. Eccl. г. 1333, No 37 — Іеронимъ де Маринисъ Genua, стр. 1435. Т. I. Thesauri Ital., въ Samml. Russ. Gesch. Т. II, стр. 14, 83, 85. Маринисъ писалъ въ 1665 году: Genuenses Tanam (Азовъ) urbem tenuerint, in qua ad nostram aetatem durant adhuc nobiles Genuensium familiae. Нашъ Вице-Адмиралъ Корнел. Круйсъ увѣрялъ, что и въ его время еще находились тамъ потомки Фамиліи Спинола (Samml. Russ. Gesch. II, 85). — Одинъ посолъ Короля Польскаго, видѣвъ развалины Херсона въ исходѣ XVI вѣка, слышалъ, что сей городъ опустѣлъ уже за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ (Броневск. Tataria, стр. 271, въ *Исторіи Тавриды* Г. Сестренцевича I, 350). — Въ запискахъ Князя Армянскаго, Іосифа Долгорукаго Аргутинскаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи,

сказано, что Татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отчасти въ Кафѣ, отчасти въ Старомъ Крымѣ и близъ Судака. Сей Іосифъ Долгорукій сообщилъ свои записки Князю Потемкину (см. *Исторію Тавриды* Сестрен. II, 177). — Имя *Кафы* было извѣстно еще Императору Константину Багрянородному: такъ называлось одно мѣсто близъ Херсона (см. Бандури Т. I, стр. 148).

(138) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 343. Бибарсъ, Государь Египта, съ дозволенія Хана Капчакскаго построилъ въ Крымѣ сію великолѣпную мечеть, желая прославить тѣмъ свою отчизну: ибо онъ былъ родомъ изъ Тавриды.

Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1268 родился у Князя Бориса Васильковича сынъ Василій. »Лѣта »6777 (1269) Митрофанъ Епископъ Сарьскый отпи»сась (отказался) Епископіи Сарьской и пострижеся »въ Скыму; въ него мѣсто постави Митрополитъ »Епископа Ѳеогноста Русьскому Переяславлю и Са»раю.« — Въ 1271 скончался сынъ Невскаго, Василій Александровичь. »Тое же зимы преставися благовѣрная »Княгыня Василькова Дек. въ 9 день.«

(139) См. выше, стр. 118. Здѣсь въ харатейномъ *Новогород. Лѣт.* пропускъ отъ 6780 до 6807 года. По лѣтописи Попа Іоанна, Димитрій пріѣхалъ въ Новгородъ уже въ 1273 году; но мы болѣе вѣримъ *Троицкой* и харатейной *Новогородской*.

(140) См. *Волынск. Лѣт.*

(141) См. *Троицк. Лѣт.*

(142) См. *Волынск Лѣт.*

(143) Въ *Троицк.*: »Въ лѣто 6782 приде Митропо»литъ Кирилъ изъ Кыева, приведе съ собою Архи»мандрита Печерьскаго Серапіона, и постави его Епи»скупомъ *Ростову*, Володимерю и Новугороду« (Нижнему). Но въ Ростовѣ былъ тогда особенный Епископъ Игнатій.

(144) Въ *Софійскихъ Правилахъ* или Харатейной *Кормчей Книгѣ* подъ No 82 (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65), писанной въ Новѣгородѣ при Князѣ Димитріи Александровичѣ и Архіепископѣ Климентѣ, преемникѣ Далмата, бывшаго на семъ достопамятномъ Соборѣ, о коемъ не зналъ ни Сочинитель нашей *Церковной Исторіи*, ни Авторъ *Іерархіи*. Вотъ надпись: *Правили Кюрила Митрополита Русьскаго, съшьдъшихся Епискупъ Далмата Ноугородьскаго, Игнатья Ростовьского, Ѳеогноста Переяславьского, Семеона Полотьскаго, на поставленіе Епискупа Сарапіона Володимирскаго.*

Случаи Василіева княженія, о коихъ мы не упоминали въ нашей Исторіи, суть слѣдующіе: въ 1272 году, по смерти Ярослава Ярославича, родился его сынъ, Михаилъ. Въ 1273 году, Дек. 20, умерла супруга Князя Глѣба Васильковича, названная въ крещеніи Ѳеодорою. — Въ 1274 »преставися Архіепископъ Далматъ »Новгородьскый. — Въ лѣто 6783 (1275) преста»вись Епискупъ Володимерьскый Серапіонъ. — Въ лѣ»то 6784 (1276) поставленъ бысть Ѳеодоръ, Игуменъ »Св. Костянтина и Олены Епископомъ Володимерю »и Суждалю.« Пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ Архіепископъ Климентъ. Князь Борисъ Васильковичь женилъ Димитрія, старшаго своего сына.

(145) См. выше, примѣч. 125.

(146) Такъ обыкновенно *Лѣт. Новгород.* называетъ области Великаго Княженія Владимірскаго.

(147) См. *Воскрес. Лѣт.* II, 291. Ясы, извѣстные еще со временъ Святослава I, жили напротивъ того между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ; объ нихъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Штриттеръ пишетъ, что Ясы обитали и въ Молдавіи, ибо тамъ есть городъ Ясы: положимъ; но Князья ходили тогда въ Дагестанъ, а не въ Молдавію и не за *Днѣстръ*, какъ прибавилъ Татищевъ. (Впрочемъ имя Молдавской столицы происходитъ не отъ народа Ясовъ, по сказанію Кантемира: см. его *Описаніе Молдавіи*. До временъ

Государя Молдавскаго, Стефана V, тамъ существовала одна мельница, и хозяинъ ея назывался *Яссій*: Стефанъ же, построивъ на семъ мѣстѣ городъ, далъ ему имя добраго мельника).—Россіяне взяли Дедяковъ или Тетяковъ (нынѣ Дивенъ или Дедухъ, какъ вѣроятно) 8 Февраля. Византійскіе Лѣтописцы сказываютъ, что многіе Алане или Ясы ушли отъ ига Татарскаго въ Греческія владѣнія, хотѣли послѣ возвратиться въ свою землю, и были истреблены на пути. (Memor. popul. III, 1098; см. также Карпина, въ Бержерон. Voyages 58, 64, и Рубрукв. 138).

(148) »Въ лѣто 6786 (1278) К. Глѣб. Василык. ожени сына своего, Михаила, Ѳедоровною Ростиславича »Ярославьскаго.« О Лаханѣ см. въ Memor. popul. III, 1067 и слѣд.

(149) См. *Новогор. Лѣт.*

(150) См. *Троицк.* — Въ лѣтописи такъ называемаго *Каменнаго* монастыря, нѣкогда славнаго, бывшаго на островѣ Кубенскаго озера, близъ Вологды, сочинитель, старецъ Паисей-Ярославъ, разсказываетъ, что Князь Глѣбъ Васильковичь, ѣхавъ однажды съ Бѣлаозера въ Устюгъ водою, едва не утонулъ на Кубенскомъ озерѣ во время сильной бури, и присталъ (Авг. 6) къ Каменному острову, гдѣ жили 23 пустынника, которые молились Богу въ часовнѣ, укрываясь отъ злобы язычниковъ, обитавшихъ тогда вокругъ сего озера; что Глѣбъ, основавъ тамъ монастырь и деревянную церковь Св. Преображенія, поручилъ оную старцу, Ѳеодору, и пр. Первымъ Игуменомъ монастыря Каменнаго былъ Діонисій, пришедшій въ Москву къ Димитрію Донскому изъ Царяграда и жившій долго въ монастырѣ Богоявленскомъ. Сей Діонисій скончался Епископомъ въ Ростовѣ. — Въ обители Каменной постригся и кончилъ дни свои Св. Князь Іоасафъ Димитріевичь Заозерскій, внукъ Василія Ярославскаго. Она давно уже переведена въ самый городъ Вологду.

(151) Въ житіи Довмонта сказано: »испроси за себе »К. Довмонтъ у В. К. Димитрія Александр. дщерь »Княгиню Марью.«

(152) См. *Воскр. Лѣт.* О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году, стр. 103.

(153) Братъ Мангу-Тимура: см. Дегина Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 346.

(154) Миръ заключенъ былъ въ Димитріевомъ станѣ на Боричкѣ. О Волокѣ см. въ *Новгородск. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 565.

(155) То есть, потомки Святослава-Ольговича Сѣверскаго, внука Святославова и правнука Ярослава Великаго. Въ описаніи Калкской битвы упоминалось о Курскомъ Князѣ Олегѣ, а въ 1241 году Татары убили Рыльскаго Князя, Мстислава: см. выше, прим. 20. Въ рукописной книгѣ о *градѣ Курскѣ* сказано, что онъ былъ разоренъ Батыемъ. — *Воргол*ъ есть нынѣ село Орловской Губерніи, въ Елецкой Округѣ. — Вѣроятно, что древній Липецкъ былъ тамъ же, гдѣ и нынѣшній, основанный на какихъ-то старыхъ *развалинахъ*. Тамошняя гора (на коей во времена Петра Великаго стояла отмѣнно высокая липа) и теперь называется *городищемъ*. Имя *Липецкаго лѣса* и рѣчки *Липецки* есть древнее. Въ лѣтописи сказано, что Князь Липецкій ушелъ въ лѣса *Воронежскіе*: а городъ Липецкъ, какъ извѣстно, находится на берегу *Воронежа*.

Ханъ Туданъ-Мангу добровольно уступилъ престолъ Телебугѣ или Тула-Бугѣ (см. Дегин. кн. XVIII, 347). — Слободы Ахматовы были разорены въ 1283 году.

(156) См. *Троицк.* и *Воскр. Лѣт.* (Ч. II, стр. 266).

(157) См. *Воскр.* и *Новогор.*; также Дегин. Hist. des Huns, кн XVIII, стр. 348.

(158) См. *Воскрес.* О зятѣ Ногаевомъ см. выше, стр. 125. Прежде княжилъ въ Твери старшій Михаиловъ братъ, Святославъ (см. *Воскрес.*), сынъ первой супруги Ярослава. Въ 1294 году еще упоминается о *Святославѣ* (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна), но онъ не названъ *Княземъ*.

(159) См. *Троицк. Лѣт.*

(160) Глѣбъ Смоленскій умеръ въ 1277 году, братъ его Михаилъ въ 1279, а Ѳеодоръ Ростиславичь *Черный* сдѣлался Княземъ Смоленскимъ въ 1280; въ 1281

году онъ уже возвратился въ Ярославль. Въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ сказано, что *Романъ*, сынъ Св. Михаила Всеволодовича, убитъ въ Ордѣ, и что отъ него пошли Князья Осовецкіе.

(161) См. *Новогор. Лѣт.*

(162) Сіи *Нѣмцы* могли быть и Шведы: ибо послѣдніе также называются иногда общимъ именемъ Нѣмцевъ. Грамота Короля Биргера напечатана въ Дреeров. книгѣ Specimen Iuris Publici Lubecensis, стр. CLXXIV.

(163) См. *Новогор.* и *Троицк. Лѣт.*

(164) См. *Вольин. Лѣт.*

(165) См. Длугоша Hist. Pol. кн. VII, 849.

(166) Въ *Волынск. Лѣт.*: »Князь же Володимеръ »многы городы сруби по отци своемъ: сруби Берестій, »и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, »нарицаемѣмъ Льстнѣ, и нарече имя ему Каменецъ, »зане бысть каменна земля. Създа же въ немъ столпъ »каменъ, высотою 17 саженей . . . и церковь постави »Благовѣщенія . . . и украси ю иконы златыми, и съсу»ды скова служебныя сребрены, и Евангеліе опракосъ »оковано сребромъ, Апостолъ опракосъ и паромья, и »съборникъ отца своего тутожь положи, и крестъ »въздвизальный. Тако же и въ Бѣльску поустрои цер»ковь иконами и книгами; въ Володимери же списа Св. »Дмитрея всего, и съсуды сребряные скова . . . и завѣ»сы золотомъ шиты, а другые оксамитные съ дроб»ницею . . . и Апостолъ *самъ списавъ*, и съборникъ от»ца своего туто же положи . . . Въ Епископью Пере»мышльскую да Евангеліе опракосъ, оковано сребромъ »съ женчюгомъ: *самъ же списалъ* бяше; а до Черпѣ»гова пославъ Евангеліе опракосъ *золотомъ писано*, а »окованно сребромъ съ женчюгомъ, и среди его Спаса »съ финиптомъ; въ Луцкую Епископью да крестъ ве»ликъ сребрянъ позлотистъ съ Честнымъ древомъ; »създа же и церкви многы: въ Любомли постави ка»менну Св. Георгія, украси ю иконами коваными и съсу»ды сребряны и платци оксамитны шиты золотомъ »вся, съ женчюгомъ . . . Евангеліе опракосъ волоченое

»оловиромъ, и цяту възложи на не съ фипиптомъ... »Прологи списа 12 мѣсяца... и Мѣнеи 12 списа, и »Тріодь, и Охтай, и Ермолой; списа же и служебникъ »Св. Георгію... молитвенникъ же купилъ въ Протопопиное, и да на немъ 50 гривенъ кунъ... и двери »солія мѣдяные; почалъ же бяше писати ю, но не скончана: зайде бо его болѣсть; полія же и колоколы »дивны слышаніемъ, такыхъ же не бысть въ всей земли; въ Берестіи же създа стлъпъ каменъ высотою »яко и Каменецкый.....

»Мьстиславъ же, прибывъ мало дній въ Берестіи, и »ѣха до Каменца и до Бѣлска, и ради быша ему вси »людіе; утверди люди и засаду посадивъ, и пріѣха въ »Берестій, и рече Бояромъ: есть ли ловци здѣ? они »же рекоша: нѣтуть, господине, извѣка. Мьстиславъ »же рече: я пакь уставляю на нѣ ловци за ихъ коромолу, »абы ми не зрѣти на ихъ кровь.., и повелѣ писцю своему »писати грамоту: *Се азъ Князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчіе на Берестіаны въ »вѣкы за ихъ коромолу, съ ста по двѣ лукнѣ меду, по »двѣ овци, по пятнадесять десятковъ лну, а по сту »хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, »и по 20 куровъ; а по тольку съ всякаго ста; а на горожанѣхъ 4 гривны кунъ; а кто мое слово порушить, »а станеть съ мною предъ Богомъ.* А вписалъ есмь въ »лѣтописецъ коромолу ихъ.... И утвердивъ же засаду въ Берестіи и поѣха до Вълодимеря... и съѣхашась къ нему Бояре его старіи и молодіи. Князь »же Мьстиславъ сѣде на столѣ Володимера на самый »великъ день въ лѣто 6797, Апр. 10 день, и нача княжити, правдолюбіемъ свѣтясь... Тогда же Литовскый Князь *Будикидъ* и братъ его *Буйвидъ* даша »Мьстиславу городъ свой Волковыескъ, абы съ ними »миръ дръжалъ.« Вотъ самое достовѣрнѣйшее извѣстіе о наслѣдникахъ Тройдена. Выше сказано объ немъ: »Княживъ лѣтъ 12, преставися беззаконникъ. Бяше же »у него братія борза: Сирьпутій, Лѣсій, Свилкели; »бяхуть бо живуще въ Св. крещеніи, въ любви, въ »смиреніи, превзлиха любяще нищая: си же вси пре-

»ставишась при животѣ Тройденевѣ.« Въ Родословной Князей Литовскихъ сказано (*Воскр. Лѣт.* I, 49): »По Вел. Князѣ Минъдовгѣ сѣде на Княженіи Давы»ловъ сынъ *Видъ*, его же люди волъкомъ звали, и тотъ »прибавилъ Деревьскіе« (Древлянской или Волынской) »земли много; и по немъ сѣде на Вел. Княженіи Ви»довъ сынъ, Тройденъ, и тотъ прибавилъ Ятвягъ; и »потомъ сѣде на Вел. Княж. Тройденевъ сынъ *Витенъ*, »и тотъ прибавилъ земли Литовьскіе много и до Бу»гу.« *Витенъ* и *Буйвидъ* не одинъ ли человѣкъ? Стриковскій—Историкъ-Поэтъ, ибо онъ писалъ отчасти стихами — разсказываетъ, что послѣ Воишелга, отъ 1264 до 1283 году, княжили въ Литвѣ старецъ Свинторогъ Утенуссовичь, сынъ его Гермонтъ, внукъ Гилигинъ, съ братомъ Трабусомъ, сынъ Гилигиновъ Ромунтъ, сынъ Ромунтовъ Наримунтъ, братъ Наримунтовъ Тройденъ, а послѣ Воевода его Витенъ, ибо сынъ Тройденовъ и Княжны Мазовской, Лавръ, въ санѣ Инока спасая душу свою въ одномъ Россійскомъ монастырѣ, отказался отъ власти. Въ Литвѣ было множество Князьковъ, жившихъ въ одно время: Стриковскій, собравъ ихъ имена изъ народныхъ преданій, объявилъ кого отцемъ, кого дѣдомъ и прадѣдомъ такого-то Князя, жившаго, можетъ быть, гораздо ранѣе своихъ мнимыхъ предковъ. Достовѣрнымъ источникомъ Литовской Исторіи XIII вѣка служатъ единственно наши лѣтописи, Волынская и Новогородская, также Дузбургъ (Chronicon Prussiae) и Длугошъ.

Городъ Степанъ (нынѣ мѣстечко на берегу Горыни) принадлежалъ, думаю, къ Пинскому Княженію.

(167) См. *Троицк. Лѣт.* Тверскій Архимандритъ Макарій въ *Житіи Св. Князя Михаила Ярославича* и Сочинитель *Россійской Іерархіи* называютъ сего перваго Епископа бывшимъ Княземъ Полоцкимъ: Лѣтописцы говорятъ только: »Преставись бла»женный Епискупъ Симеонъ Тферскій. Бяше учи»теленъ и силенъ книгами, Князя не стыдяшеся, пря»ся, ни Вельможъ ... нищая же и сироты жаловаше. »И положиша тѣло его въ церкви Св. Спаса на пра-

»вой странѣ Февр. въ 3 день« (1289). — Кодинъ въ числѣ Россійскихъ Епископовъ именуетъ и Тверскаго (Τυφερνη): см. его Notit. Graec. Episc. стр. 399. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ выпискахъ сказано (см. *Воскр. Лѣт.* I, 30), что Ярославъ Всеволодовичь, по нашествіи Батыя, основалъ Тверь; но сей городъ уже существовалъ прежде (см. нашей *Исторіи* Т. III, стран. 171.)

(168) См. выше Кирилловы *Правила Церковныя.* Сей Митрополитъ мирилъ Ярослава Ярославича съ Новогородцами.

(169) См. Исторію Пахимера и Никиф. Григоры; см. также *Камень Соблазна* Иліи Минsocial.

(170) Одинъ *Никон. Лѣт.* говоритъ о томъ, сказывая, что Максимъ ѣздилъ къ Хану въ 1283 году, а призвалъ Епископовъ въ Кіевъ въ 1284; что Ѳеогностъ былъ три раза въ Греціи, ѣздивъ туда съ грамотами и съ *поминками* отъ Митрополита и Мангу-Тимура. Въ *Троицк.* и другихъ: »тое же зимы »пріѣха Ѳеогностъ, Епискупъ *Сарайскій*, изъ Грекъ, »посыланъ Митрополитомъ къ Патріарху, и Царемъ »Менгутемеремь ко Царю Палеологу.«

(171) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348; также *Троицк.* и *Пушк. Лѣт.*

Разные случаи Димитріева Княженія: Въ 1278 скончались Князь Андрей Угличьскій и жена его Іустина. Сей Андрей былъ сынъ Владиміра Константиновича Угличьскаго, брата Василькова (см. Родослов. Книги). — Въ 1278 преставилась въ Угличѣ Княгиня Евдокія (мать Андреева, вдовствующая супруга Владимірова), а въ 1279 или 1280, Марта 1, Ярославская Княгиня Марина, супруга давно умершаго Всеволода Константиновича Ярославскаго. Въ томъ же мѣсяцѣ умеръ Князь Юрій Андреевичь Суздальскій, внукъ Ярослава Всеволодовича. — Въ Апрѣлѣ 1280 года, скончался Кн. Давидъ Константиновичь Галичьскій и Дмитровскій, также внукъ Ярослава Всеволодовича. — Въ 1285 скончался Кн. Романъ Владиміровичь Угличьскій, внукъ Константиновъ, братъ Андреевъ: ни тотъ, ни другой не оста-

вилъ дѣтей, и сіе Княженіе присоединилось къ Ростовскому (см. *Устюж. Лѣт.*). Въ 1286 у Князя Ростов. Димитрія Борисовича родился сынъ Александръ, а у брата его, Константина, Михаилъ. Преставился Ѳеодоръ Епископъ Владимірскій. Въ 1288 поставленъ Владимір. Епископъ Іаковъ и Ростов. Тарасій, Игуменъ Іоан. Обители, на мѣсто умершаго тогда Игнатія.—Въ 1293 скончался Рязанскій Князь Ѳеодоръ Романовичь.

(172) Въ *Воскресен.*: »преставись (въ 1294 году) »Князь *Дмитрій* Ростовскій . . . того жь лѣта же»нись Князь Андрей Александровичь (вторымъ бракомъ), »поня Княгиню Василису, дщерь Дмитрееву Борисови»ча Ростовьскаго . . . Того же лѣта женися Князь Ми»хайло Ярославичь Тферскій, поня дщерь Князь Дми»треeву Борисовича.«

(173) См. *Воскр. Лѣт.* Объ Исмаилѣ сказано въ *другомъ* мѣстѣ, что онъ былъ Епископомъ Сарайскимъ или Сарскимъ.

(174) Въ 1301 году. — Ѳеодоръ Черный, Князь Ярославскій, умеръ въ 1299 году, Септ. 19, Монахомъ и Схимникомъ. (*Никон. Лѣт.* и *Степен. Кн.* I, 397). Мощи Ѳеодора и двухъ сыновей его, Давида и Константина, были переложены въ каменную раку, въ церкви Св. Спаса, при Князѣ Александрѣ Ѳеодоровичѣ Ярославскомъ въ 1463 году.

(175) См. *Собраніе Государств. Грамотъ* I, 5. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, и состоитъ изъ двухъ грамотъ: одна писана отъ Михаила къ Архіепископу Новогородскому а другая отъ Новагорода къ Михаилу. Нѣтъ ни года, ни числа; видимъ только, что сей договоръ заключенъ еще при жизни Іоанна Димитріевича Переславскаго. Печать серебряная вызолоченная, съ изображеніемъ Арханг. Михаила и Св. Николая, виситъ на шелковомъ зеленомъ снуркѣ; надпись ея стерлась. Обѣ грамоты писаны не на *бумагѣ*, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а на тонкомъ пергаментѣ.

(176) См. *Троицк. Лѣт.* Переславль считался весьма крѣпкимъ городомъ. Земляной валъ его вышиною отъ

5 до 8, а въ окружности 1037 саженъ; съ одной стороны течетъ рѣка Трубежъ, а съ другой находится глубокой ровъ, называемый *Гроблею*, который былъ наполненъ водою, а нынѣ заросъ травой и сдѣлался болотомъ. На немъ стояла деревянная крѣпость, всегда починиваемая на иждивеніе Князей Переславскихъ и Московскихъ; она срыта за ветхостію въ 1759 году, по Указу Сената. Въ трехъ башняхъ двойной стѣны были ворота: Спасскія, Никольскія и Рожественскія; былъ еще изъ города къ рѣкѣ Трубежу ходъ называемый *Тайникъ*, коего donынѣ видны нѣкоторые признаки.

(177) См. *Троицк.* и *Никонов.*; а Сочинитель *Степ. Книги* пишетъ, что Даніилъ, основавъ монастырь *Даниловъ*, велѣлъ тамъ и погребсти себя. — Въ семъ монастырѣ находится слѣдующая надпись: »Въ лѣто »6811, мѣсяца Марта въ 4 день, преставися благо»вѣрный Великій Князь Московскій Схимонахъ Даніилъ »Александровичь; мощи же его обрѣтены по откро»венію въ лѣто 7160 мѣс. Авг. въ 30 день, и повелѣ»ніемъ Великаго Государя Царя и Вел. Князя Алексія »Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи Самодерж»ца, пренесены въ церковь, что во имя Седми Вселен»скихъ Соборовъ.«

Деревянная церковь Св. Михаила, гдѣ, по сказанію Лѣтописца современнаго, былъ погребенъ Князь Московскій Даніилъ, стояла на томъ же мѣстѣ, на коемъ послѣ воздвигнутъ былъ нынѣшній каменный Соборъ Архангельскій.

Извѣстіемъ о кончинѣ Даніиловой заключается *Пушкинская* харатейная лѣтопись.

(178) Весною въ 1303 году. Съ того времени Можайскъ былъ уже Московскимъ городомъ (см. ниже въ завѣщаніи Вел. Князя Іоанна Калиты).

(179) См. *Троицк.* Сего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.

(180) См. выше, стран. 161. — Доселѣ еще не упоминалось о Князьяхъ Вяземскихъ, происходящихъ отъ Рюрика Ростиславича Кіевскаго. Сынъ Владиміра Рюриковича, Андрей *Долгая Рука*, женатый на дочери

Мстислава Романовича, убитаго на Калкѣ въ 1224 году, былъ первымъ Княземъ въ Вязьмѣ, области Смоленской. Такъ показано въ *Родословныхъ Книгахъ*. — Число убитыхъ подъ Дорогобужемъ Смолянъ простиралось до 200.

(181) См. житіе Довмонта и лѣтопись Псковскую. — На мечѣ Довмонтовомъ надписано: honorem meum nemini dabo.

(182) См. выше, примѣч. 121. Стриковск. *Хроник.* кн. IX, и *Псков. Лѣт.*

(183) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 246. Онъ именуетъ его Sigge Lake, а нашъ Лѣтописецъ Воеводою Сигомъ. — Копорье возобновлено въ 1297 году.

(184) См. Далина.

(185) См. Далина и наши лѣтописи.

(186) Владиміръ, сынъ Ярослава Великаго, въ 1044 году заложилъ крѣпость въ Новѣгородѣ; но она была конечно деревянная: ибо Лѣтописецъ прибавилъ бы: »городъ *каменъ*.«

(187) См. Cométographie, I, 420, и наши лѣтописи.

(188) Апрѣля 12. »А Семену, Епископу Володимерь»скому, дасть Епископью Ростовскую . . . А самъ сѣде »въ Володимірѣ.« Бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій поссорился съ Княземъ своимъ, Константиномъ Борисовичемъ, и въ 1295 году уѣхалъ въ Устюгъ; Константинъ же поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ стражу со всѣми людьми Епископскими, (*Ростовск.* и *Воскрес. Лѣт.*) — О Князѣ Поруссномъ см. выше, примѣч. 175.

(189) Такъ пишетъ Львовскій или Лембергскій Бургомистръ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli, сочиненномъ въ 1672 году. Я имѣлъ вѣрный списокъ сей любопытной рукописи отъ Г. Профессора Лоди; а подлинникъ хранится во Львовѣ.

(190) Клименту Ходыкевичу, Монаху Доминиканскому, написавшему Dissertationes historico-criticae de Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi et Haliciensi, показывалъ первую грамоту Григорій Сушальскій, Деканъ Николаевской церкви во Львовѣ, а вторую Анто-

ній Левинскій, Протопопъ тамошней Успенской Соборной церкви. — *Крылосъ* есть мѣстечко верстахъ въ пяти отъ Галича, гдѣ какъ *сказываютъ*, была въ старину каѳедра Галицкой Митрополіи, и находился загородный дворецъ Княжескій (см. Ходык. Dissertationes).

(191) Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находятся подлинныя грамоты Галицкихъ Князей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена. Отъ Юрія Львовича самого нѣтъ писемъ; но печать его находимъ приложенную къ грамотѣ Андрея и Льва, правнуковъ Даніила, писанной въ 1316 году (см. *ниже*). На одной сторонѣ изображенъ Юрій или Георгій на тронѣ, въ вѣнцѣ и съ скиптромъ въ правой рукѣ; кругомъ подпись: Domini Georgi Regis Russiae — на другой сторонѣ всадникъ въ латахъ; въ рукахъ щитъ и знамя; кругомъ: Domini Georgi Principis Ladimeriae.

(192) См. Арнт. Liefländ. Chron. стр. 75.

(193) Драгоцѣнное собраніе древнихъ грамотъ Новогородскихъ и Двинскихъ получено мною отъ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Вотъ Андреева грамота: »Отъ Великаго Князя отъ Ондрѣя къ Посадникомъ, »и къ скотникомъ, и къ старостамъ: како есмь до»кончалъ съ Новымъгородомъ ходити тремъ ватагамъ »моимъ на морѣ; а въ Атаманъ Ондрѣй Критцкый, »ать дають (да даютъ ему) съ погостовъ кормъ, и »подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма какъ пой»деть съ моря съ потками (птицами) съ данными по »данничу пути, дадять ему корму и подводы по пош»линѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и »при моемъ братѣ не ходити на Терскую сторону Новгородцемъ, и нынѣ не ходять.« — *Терская* сторона, или *Теръ* или *Тре*, заключала въ себѣ, какъ видно, сѣверную приморскую часть Архангельской Губерніи. Тамъ одни слуги Великаго Князя, называемые въ другихъ грамотахъ *сокольниками* (см. ниже), ловили птицъ.

Разныя происшествія Андреева княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующія.

Въ 1294 году преставился Рязан. Епископъ Василій.

— Въ 1295 поставленъ Симеонъ Епископъ Владимірскій. — Въ 1298 родился у К. Михаила Тверскаго сынъ Димитрій, а въ 1299 дочь Θеодора, и скончался Новогород. Архіеп. Климентъ. — Въ 1300 поставленъ въ Архіепископы Θеоктистъ, и родился у К. Михаила Тверскаго сынъ Александръ. — Въ 1303, скончался въ Костромѣ сынъ Вел. Князя, Борисъ Андреевичь. Въ рукописн. Устюжскомъ лѣтописцѣ: »Въ »лѣто отъ Р. Х. 1303, Іюля 8, преставися Св. Про»копій, Христа ради юродивый Устюжскій Чудотво»рецъ, другъ преподобнаго отца Кипріана« (см. о семъ послѣднемъ *Устюж. Лѣтоп.*), »по концѣ моста предъ »святыми вороты того Архангельск. монастыря. Тѣ»ло же его честное, по его завѣщанію, погребено на »берегу рѣки Сухоны, близъ Соборныя церкви Успенія, »и камень, на которомъ Св. Прокопій обыклъ часто »сидѣти, взирати на рѣку Сухону и молити Бога о »плавающихъ, положенъ верхъ гроба по его завѣщанію; »а потомъ и церковь надъ гробомъ его во имя его со»здана.« См. о чудесахъ Прокопія въ Прологѣ, Іюля 8.

(194) Договорныхъ грамотъ Михаиловыхъ съ Новымгородомъ находится въ Архивѣ Иностр. Колл. четыре, подъ No 6, 7, 9 и 10. *Первая* на пергаментѣ съ свинцовою печатью, на коей съ одной стороны вырѣзанъ образъ Богоматери, а на другой слова: »Θек»тистъ Архіепископъ Новгородьскый.« На печати *вторыя* грамоты изображены Іисусъ и Михаилъ Архангелъ. Первая грамота отъ Архіепископа и чиновниковъ Новогородскихъ дана Михаилу, вторая отъ Михаила Новугороду.

(195) См. *Воскр. Лѣт.* II, 281.

(196) См. рукоп. Синодальную подъ No 349, л. 53. Сей Михаилъ былъ сынъ Андрея *Ярославича*, а не *Александровича*, который не оставилъ дѣтей; потому его Бояре, не имѣя Государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому.

(197) Михаилъ возвратился въ 1305: см. *Воскр. Лѣт.* II, 281.

(198) См. выше, пр. 179, и *Троицк. Лѣт.* — Съ сего времени Коломна была уже Московскимъ горо-

домъ. Іоаннъ Даніиловичъ въ завѣщаніи своемъ (см. ниже, въ описаніи 1340 году) отказалъ ее старшему своему сыну. — Братья Георгіевы уѣхали въ Тверь зимою 1307 года.

(199) Хотя Михаилъ не былъ въ Новѣгородѣ до 1308 году, но господствовалъ тамъ чрезъ Намѣстниковъ съ самаго своего пріѣзда изъ Орды. См. *Лѣт. Новогород.*

(200) См. Архивск. Новогородскую грамоту № 11. Она съ печатію Архіепископа Ѳеоктиста, слѣдственно писана еще въ 1307 или 1308 году. По Ливонскимъ Лѣтописямъ намъ извѣстно, что Рыцари въ 1307 году осаждали Псковъ и возвратились съ выгоднымъ для нихъ миромъ (см. Арнт. Chron. стр. 77, и Кельх. Liefländ. Gesch. стр. 107).

(201) Лербергъ изъясняетъ, что городъ *Ванай* былъ тамъ, гдѣ нынѣ приходъ *Ваная*, близъ Тавастегуза; что древніе Новогородцы называли *Купецкою* рѣку *Кумо*, а *Черною* Нокію. Напротивъ того Гиппингъ (Bemerk. üb. einen in den Rus. Chron. erwähnten Kriegszug) представляетъ вѣроятность, что *Купецкая* р. есть заливъ Поіоскій, а *Черная* Карисъ.

Князь *Димитрій Романовичъ*, съ коимъ Новогородцы ходили въ Финляндію, могъ быть сыномъ или Романа Глѣбовича Смоленскаго или Романа Владиміровича Угличскаго; однакожь сей послѣдній, внукъ Константина Великаго Князя, названъ бездѣтнымъ въ Родословныхъ Книгахъ.

(202) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 457. Дегина, кн. XVIII, стр. 350., *Воскр.* (II, 281) и *Троицк. Лѣт.* Моголы начали принимать Вѣру Магометанскую еще со временъ Хана Берки (см. выше, стр. 111); но Узбекъ, совершенно искоренивъ идолопоклонство, вездѣ утвердилъ оную.

(203) См. *Воскрес. Лѣт.* Михаилъ поѣхалъ къ Хану въ 1313 году, а возвратился осенью въ 1315.

(204) Родъ Князя Ѳеодора Ржевскаго неизвѣстенъ.

(205) См. *Собраніе Государ. Грамотъ* I, 15.

(206) См. *Новогород.*, *Троиц.* и *Воскр. Лѣт.*

(207) См. *Новогор. Лѣт.* Юрій былъ давно женатъ; но видно, что первая жена его тогда скончалась.

(208) См. житіе Михаила въ *Воскр. Лѣт.* II, 282, 283. — *Выходомъ* называлась дань, которую Великіе Князья платили Ханамъ за свое достоинство. — Все слѣдующее взято изъ житія Михаилова, внесеннаго въ *Воскр. Лѣт.* и *Степен. Кн.*

(209) Борисъ Даніиловичь, какъ видно, снова держалъ сторону брата, возвратясь къ нему изъ Твери. — Далѣе см. *Новогород.*, *Воскрес.*, *Ростов.* и *Троицк. Лѣт.*

(210) Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Россіяне сожгли тогда Або, гдѣ обыкновенно жилъ Епископъ Финляндскій (см. Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314 и 418).

(211) См. *Новогор.* и *Воскр.* II, 284. — Договорная грамота, тогда написанная, хранится въ Архивѣ подъ No 14. Она столь ветха, что не можно разобрать и половины словъ.

О смерти Георгіевой жены см. *Новогор.* и *Троиц. Лѣт.* Князь Щербатовъ благоразумно замѣчаетъ, что Михаилъ не могъ ожидать никакой пользы отъ такого злодѣйства, и что оно совсѣмъ невѣроятно. — Ректоръ Тверской Семинаріи, Архимандритъ Макарій, сочинилъ въ 1765 году *Житіе Св. Михаила Ярославича*, украсивъ оное многими изобрѣтеніями.

(212) »Аще Христіяне сколько почіютъ.« Сей Духовникъ былъ Игуменъ Іоаннъ.

(213) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 41.

(214) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 337, 338.

(215) »Въ той бо часъ окаанный Кавгадый вхо»жаше ко Царю и исхожаше со отвѣты на убіеніе »блаженнаго.«—Псаломъ, читанный Михаиломъ, есть 54.

(216) См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 148, и примѣч. 294. Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка, видѣлъ еще тамъ Венгровъ. Бездежъ есть нынѣ, думаю, селеніе Вездедево, ниже Енотаевска, на рукавѣ Волги. Ясы или Алане исповѣдывали отчасти Вѣру Христіанскую; многіе изъ нихъ говорили по-Гречески (Voyage de Rubruquis, стр. 24).

(217) Лѣтописецъ называетъ Михаила такимъ же

отечестволюбцемъ, каковъ былъ Св. Димитрій Солунскій.

(218) »Въ лѣто 6820 (1312) преставися Княгиня »Ярославляя Ярославича, именемъ Оксинья, въ Черни»цахъ и въ Скимѣ, и положена бысть на Тфери.«

(219) »Въ лѣто 6815 (1307) преставись Князь Ко»стянтинъ Борисовичь Ростовскій въ Ордѣ«. . . .

(220) Въ *Вольгн. Лѣт.* упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегѣ и Михаилѣ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ.

(221) »Тое жь зимы (1305) преставись Митропо»литъ Максимъ всея Русіи, Дек. 6.« — Св. Петръ Митрополитъ, посвященный въ Царѣградѣ, пріѣхалъ въ Кіевъ въ 1308 году, а въ Владиміръ въ 1309.

Житіе Св. Митрополита Петра, напечатанное въ *Степен. Кн.* (I, 410), сочинено Митрополитомъ Кипріаномъ, въ княженіе Димитрія Донскаго или Василія Димитріевича. Кипріанъ сказываетъ, что Петръ, сынъ Θеодоровъ, родился въ Волыніи, и постриженный на тринадцатомъ году въ одномъ пустынномъ монастырѣ, выучился тамъ иконной живописи.

(222) См. *Степ. Кн.* I, 418.

(223) Въ Ростовской Архивской Лѣтописи: »да »никтоже обидитъ (на Руси) соборную церковь Петра »Митрополита, и его людей и церковныхъ его; да ни»кто же възимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни лю»демъ; а знаетъ Митрополитъ Петръ въ правду и »право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду; и »въ чемъ ни буди — въ разбои, и въ поличномъ, и въ »татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ — вѣдаетъ Петръ Ми»трополитъ единъ, или кому прикажетъ; да вся по»корятся и повинуются Митрополиту, вся его цер»ковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, »и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей »великихъ грамотамъ и дефтеремъ; да не вступаются »въ церковное Митрополичіе никтоже, занеже то Бо»жіе есть все; а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и »наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ,

»и гнѣвъ на себя отъ Него пріиметъ, а отъ насъ ему »казнь будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ »путемъ пребываетъ, и тѣшится, да правымъ сердцемъ, и правою мыслію своя вся церковная устро»яетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ та»ковая вѣдати и управляти. А намъ въ то не всту»патися ни вочто же, и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ »Княземъ нашимъ нашего Царства, и всѣхъ нашихъ »странъ, и всѣхъ нашихъ Улусовъ; да не вступаются »никто ничѣмъ въ церковная и въ Митрополича, ни »въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во »всякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, »ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни »въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни »въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада »ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе стада ихъ, »ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди и »вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя ста»рыя отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ Митрополитъ, »или кому да прикажетъ; да не будетъ ничтоже пе»речинено, или порушено, или кѣмъ изобижено. Да пре»бываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ жи»тіи, безъ всякіе голки, да правымъ сердцемъ и пра»вою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, »и за наше племя..... А поѣдутъ наши Баскаки, тамож»ники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ на»шимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило..... отъ »Соборные церкви Петра Митрополита никтоже не »взимаетъ и отъ всихъ людей, и отъ всего его при»чта; тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, »и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и пре»же насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою »и волею живутъ всѣ, и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ..... »А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и мона»стыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни ху»лятъ ихъ, а кто учнетъ Вѣру осуждати ихъ и ху»лити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъже, и умретъ »злою смертію..... Такъ наше слово учинило, и дали есмы »Петру Митрополиту грамоту сію для крѣпости ему,

»да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и вси »церкви, и монастыри, и вси причты церковные, да »не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему »будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ »изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ пра»вымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ скорби вся»кія, Бога моля о насъ и о нашемъ Царствіи.«

Кругъ лѣтосчисленія у Моголовъ — такъ же, какъ у Восточныхъ Турковъ — состоялъ изъ 12 лѣтъ: первый годъ назывался *мышью*, вторый *быкомъ*, третій *рысью* и *барсомъ*, четвертый *зайцемъ*, пятый *крокодиломъ*, шестый *зміемъ*, седьмый *конемъ*, осьмый *бараномъ*, девятый *обезьяною*, десятый *курицею*, одиннадцатый *псомъ*, двѣнадцатый *свиньею* (см. Эрбелоп. Bibl. Orient. подъ словомъ Giagh). Мѣсяцъ раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣтельствуютъ сіи ярлыки Царскіе. Здѣсь сказано: »четвертаго *ветха*;« а въ другомъ: »десятаго *нова*.«

(224) См. *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1321.

(225) См. *Новогород.* и *Псков. Лѣт.*—*Зобница* не осьмина ли?

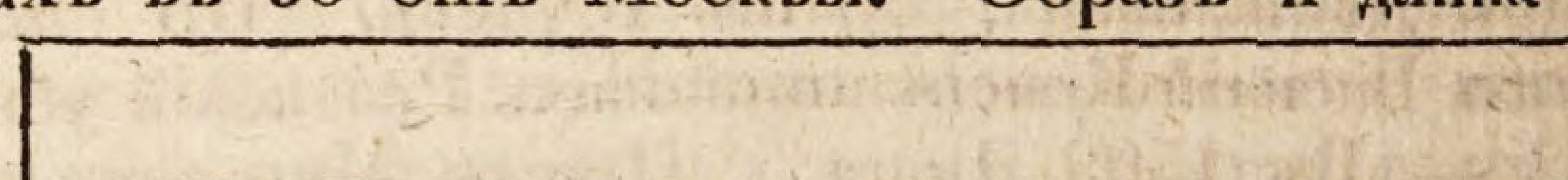
Разныя произшествія Михаилова княженія: Въ 1304 году преставился бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій. — Въ 1306 родился у Вел. Кн. Михаила сынъ Константинъ. — Въ 1308 осенью скончался Князь Александръ Даніловичъ, братъ Юріевъ. (По *Никон. Лѣт.* Князь Василій Константиновичь Рязанскій убитъ въ Ордѣ.) — Въ 1309, Іюня 5, Петръ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Архіепископомъ Давида. (По *Ник. Лѣт.* скончался Князь Суздальскій Василій Михайловичь). — Въ 1310, преставился, Дек. 23, Архіеп. Ѳеоктистъ и положенъ въ церкви Благовѣщенія. (По *Никон. Лѣт.* Князь Василій Брянскій съ Татарами убилъ Карачевскаго Князя, Святослава Мстиславича). — Въ 1311 Симеонъ Ростов. оставилъ Епископію и на его мѣсто поставленъ Ярославскій Игуменъ Св. Спаса Прохоръ. — Въ 1312 Митрополитъ, на мѣсто Сарскаго Епископа Исмаила, поставилъ Вар-

сонофія. — Въ 1313, по *Никон. Лѣт.* преставился Смоленскій Князь Александръ Глѣбовичь, оставивъ двухъ сыновей, Василія и Іоанна. — Въ 1314 преставился Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, и Симеонъ, бывшій Епископъ Владимірскій и Ростовскій, въ Суздалѣ. — (По *Никон. Лѣт.* скончался Василій Александровичь Брянскій). — Въ 1315 скончался Князь Иванъ Михайловичь (а по нѣкоторымъ спискамъ Михаилъ Ивановичь) Стародубскій, внукъ Іоанновъ. Андрей, Епископъ Тверскій, оставилъ свой санъ, и на его мѣсто поставленъ Варсонофій. — Въ 1317 у Князя Іоанна Даніиловича, брата Юріева, Сент. 7 родился сынъ Симеонъ.

(226) См. выше, стр. 198. Тѣло Юріевой супруги отвезли въ Ростовъ. — Княгиня Анна постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ; жила послѣ у сына своего, Василія, въ Кашинѣ; преставилась черезъ 19 лѣтъ по кончинѣ супруга и погребена тамъ въ Успенскомъ Соборѣ. Святыя мощи ея были обрѣтены въ царствованіе Алексія Михайловича.

(227) См. *Новогор. Лѣт.* 174.

(228) Сіи древніе рубли описаны Герберштейномъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42), и Гваньини (Moschov. Descript, стр. 158). Десять, или болѣе подобныхъ кусковъ серебра были найдены въ землѣ крестьянами Князя Павла Михайловича Волконскаго, верстахъ въ 30 отъ Москвы. Образъ и длина ихъ такая

; вѣсомъ же каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Въ Кабинетѣ у Графа А. И. Мусина-Пушкина есть подобный же рубль съ изображеніемъ словъ: *Волод..* то есть, имени Владиміра, можетъ быть Калитина внука или Владиміра Рязанскаго, жившихъ въ XIV вѣкѣ. Въ лѣтописяхъ XVI вѣка, г. 1535, сказано, что пять старыхъ рублей съ двумя гривнами вѣсили фунтъ. Такъ означено и въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Ариѳметикахъ. Но въ въ исходѣ XIV вѣка рубли Московскіе состояли уже изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ (см. сей

Исторіи Т. V, примѣч. 118) и вѣсъ ихъ, какъ видно, нѣсколько уменшился въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши еще довольствовались, вмѣсто денегъ, лоскутками кожаными или кунами (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 472). При Великомъ Князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ, т. е. въ концѣ XV вѣка, фунтъ золота стоилъ около 55 серебряныхъ рублей. Въ *Отпускѣ Великой Княжны Елены*, дочери его, сказано: »Послано къ зятю, къ В. К. Олександру, на свадьбу къ »вѣнчанью крестъ золотъ... а вѣсу въ ономъ *полгри»венки* безъ двy золотниковъ (т. е. 22 золотника), *пол»тринадцать рублевъ*« (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 2).

(229) См. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 326 и *Новогород. Лѣт.*

(230) Іоаннъ, братъ Георгіевъ, поѣхалъ въ Орду въ 1320 году.

(231) См. выше, г. 1242. — Князь Александръ отнялъ Георгіеву казну на *Урдомѣ*.

(232) См. *Лѣт. Псков.*—Лѣтописецъ Прусскаго Ордена, П. Дузбургъ, говоритъ о семъ нашествіи (Chron. Prussiae стр. 394) Давида Литовскаго, называя его Castellanus de Gartha, и сказывая, что онъ убилъ и плѣнилъ болѣе 5000 Христіанъ: Ecclesias, vestes sacras et vasa altaris inhumaniter polluit et concremavit. Однакожъ Дузбургъ не зналъ, что большая часть Давидова войска состояла изъ Россіянъ. Татищевъ назвалъ Давида сыномъ Довмонта. — Родъ Псковскаго Князя Евстафія неизвѣстенъ.—Эстонія все еще зависѣла тогда отъ Короля Датскаго; но въ 1346 году Вальдемаръ III продалъ оную Нѣмецкому Ордену за 18,000 марокъ.

(233) См. также *Ядро Рос. Исторіи*. Новогородцы уступили Шведамъ часть западной Кореліи, нынѣшняго Выборгскаго и Яскисскаго Округа, такъ, что граница шла отъ устья Сестры черезъ югозападную часть Кексгольмской области къ Каннебургской. Тогдашній договоръ уцѣлѣлъ въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ и напечатанъ Портаномъ въ его Syllog.

Monumentorum (см. Лерберг. Untersuchungen, стр. 232). — Шведы назвали крѣпость Орѣховъ, Орѣховецъ или Орѣшекъ, *Нетеборгомъ*, то есть, перевели сіе имя на свой языкъ.

(234) См. выше, примѣч. 188, и Т. III, примѣч. 147. Кн. Щербатовъ думалъ, что Устюгъ принадлежалъ Новугороду.

(235) См. *Троицк.* и *Новогород. Лѣт.*

(236) См. *Троицк.* и *Воскр. Лѣт.*

(237) Городъ Новосиль, какъ мы уже сказали, былъ Удѣломъ Черниговскихъ Владѣтелей, въ землѣ Вятичей; а Родоначальникомъ Князей Новосильскихъ и Бѣлевскихъ сынъ Михаила Черниговскаго, Семенъ Глуховскій.

(238) О семъ прозваніи Димитріевомъ сказано единственно въ Родословныхъ Книгахъ. — Димитрій женился на Гедиминовой дочери въ 1320 году.

(239) См. *Новогород. Лѣт.* и договорную грамоту Александрову въ Архивѣ Иностр. Кол. No 15.

(240) Такъ имя его написано въ харатейныхъ *Новогород.* и *Троицк.*; а не *Щелканъ*.

(241) Андрей Ярославичь Суздальскій, братъ Александра Невскаго, имѣлъ трехъ сыновей: Юрья (бездѣтнаго), Михаила (княжившаго въ Новѣгородѣ Нижнемъ) и Василія.

(242) Въ *Троицк.* и *Новогор.* сказано, что Моголы тогда же убили сего Князя; а въ *Воскресен.* и другихъ прибавлено: »въ Ордѣ.« *Никон. Лѣт.* говоритъ еще объ убіеніи Князя *Василія* Рязанскаго.

(243) Длугошъ, Hist. Pol. кн. X, стр. 117: Inter septemtrionales populos obscurissimi (Литовцы), Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videatur ad tantam eos felicitatem, sive per finitimorum ignaviam et desidiam provectos, ut imperent nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille veluti servile vulgus fuere.

(244) См. выше, примѣч. 165. Вопреки Стриковскому, называющему Витена Вельможею Тройдена, современный Историкъ Нѣмецкаго Прусскаго Ордена,

Петръ Дузбургъ, сказываетъ, что Витенъ былъ сынъ и наслѣдникъ Литовскаго Князя Лутевера, владѣвшаго еще въ 1291 году: (см. его Chron. стр. 323). Стриковскій называетъ Гедимина сыномъ Витеновымъ: такъ сказано и въ нѣкоторыхъ Русскихъ лѣтописяхъ (см. *Воскрес. Лѣт.* I, 49). Но Длугошъ, современникъ правнука Гедиминова, пишетъ, что сей Великій Князь Литовскій, бывъ Конюшимъ у своего Государя, умертвилъ его и похитилъ власть (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Могъ ли Длугошъ, человѣкъ извѣстный, выдумать басню, столь оскорбительную для чести Королевскаго рода? Другіе наши Лѣтописцы говорятъ согласно съ Польскимъ Историкомъ, что Гедиминъ былъ Конюшимъ Витеновымъ, прибавляя слѣдующее: »Во плѣненіе безбожнаго Царя Батыя избѣжалъ отъ плѣна его »нѣкій Князецъ, именемъ Витянецъ (Витенъ), рода »*Полоцкихъ* Князей, и вселися въ Жомотѣ (Самогитіи »или Жмуди) у нѣкоего бортника (пчельника), и поятъ »у него дщерь въ жену себѣ и пребысть съ нею 30 »лѣтъ *бездѣтенъ, и убіенъ бысть громомъ;* и послѣ Князя Витянца поятъ жену его рабъ его Конюшецъ, »именемъ Гедименикъ, и роди отъ нея 7 сыновъ« (см. *Родословную Велико-Россійскаго Государства*, писанную въ Ярославлѣ въ 1668 году, въ Синодал. Библ. подъ No 461, и *Ростовск.* Архивск. *Лѣт.* въ концѣ о *Князьяхъ Литовскихъ*).

(245) Длугошъ Hist. Pol. кн. X, стр. 60, и *Хрон.* Стриков. кн. XI, гл.3, и кн. XII, гл. 3 и 7. Въ нашихъ Родословныхъ сказано, что Явнутъ или Евнутій Гедиминовичь женился на Княжнѣ Витебской, Ольгердъ же на Полоцкой.

(246) Харатейный подлинникъ сей грамоты, писанной къ В. Магистру Карлу Беффарту, находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ подъ No 462. Вотъ она (безъ всякихъ поправокъ въ буквахъ):

Magnifico Domino — и проч. — Magistro. Generali. ceterisque. fratribus. eiusdem. professionis. in Prussia. Andreas. et Leo. Dei gracia Duces. totius terre. Russie. Galicie et Lademirie. salutem. et post. huius. vite. militiam. in celestibus. triumphare. cum inter

honorabiles. viros. vestros. predecessores. Magistrum. acque. fratres. Pruscie. ex una parte. nostrosque. serenissimos. progenitores. ex altera. dileccionis. insignia. ac mutue promocionis beneficia. viguerunt. delectat. et nos. vobiscum. eodem caritatis vinclo. uniri. ac sincera amicicia federari. maxime. cum honorabilis. Religiosus. vir. frater Sygehardus. de Swarzburch. consanguineus noster. dilectus. antiquam antiquorum. amiciciam. nobiscum duxerit innovandam. prout. in instrumentis et paccionibus. super hoc. confectis. plenius est expressum. nos volentes. utique exemplo. progenitorum. nostrorum. vobis adesse. sincera amicicia. et favore. et de amiciciis. federacionibus. et pace. inter nos. conceptis. a diebus diutinis. nichil. omnino. diminuere. sed pocius. volente Domino. habundancius ad augere. ceterum. terras vestras. fideliter premunire, curabimus. pre Tataris. dummodo nobis constiterit. et ab hostili. quolibet. invasore. insuper. vobis. ac omni vestro populo. ad omnem deleccionem et ad cuncta. beneplacida. promocionis et favoris. existimus debitores. In cuius. rei testimonium presentes. scribi iussimus. nostrorum sigillorum munimine solidatas. Actum et datum in Lademiria. anno Verbi Incarnati M. CCC. XVI. in vigilia S. Laurencii (1316 года, Авг. 10). Привѣшены двѣ большія вощаныя печати: одна Георгіева или Юріева (см. выше, примѣч. 191), а другая съ изображеніемъ воина, держащаго копіе; вокругъ звѣзды, луна и крестъ; на оборотѣ левъ. — Содержаніе сего письма есть то, что Андрей и Левъ *Божіею милостію Князья всей земли Русской, Галиціи и Лодомиріи* (земли Владимірской), слѣдуя системѣ предковъ, заключаютъ миръ съ Орденомъ, по содѣйствію Зиггарда Шварцбургскаго, *ихъ родственника*, и даютъ слово предохранять владѣнія Прусскія отъ Татаръ. Зиггардъ былъ Коммандоромъ въ Бирглау; а по чему названъ родственникомъ Андрея и Льва, не знаемъ.

(247) Романъ Михайловичь Брянскій намъ извѣстенъ; но здѣсь или говорится о другомъ или явный анахронисмъ: ибо сей Романъ умеръ еще въ XIII вѣкѣ. По-

слѣ него княжили въ Брянскѣ Святославъ и Василій, умершій въ 1314.

(248) Стриковскій упоминаетъ здѣсь о Митрополитѣ Кіевскомъ. — Вѣроятно, что Литовцы взяли Черниговъ въ одно время съ Кіевомъ, или не за-долго до того. Стриковскій прибавляетъ, что Миндовъ Голшанскій властвовалъ въ Кіевѣ до Ольгердова сына, Владиміра.

(249) Въ нашихъ Родословныхъ находятся только слѣдующія обстоятельства: »Въ лѣто 6825 (1317) »Князь Великій Юрій (или Георгій) Даниловичь Московскій пріиде изъ Орды и сѣде на Великое Княженіе, и видѣ многіе грады запустѣвшая и людей въ »нихъ мало и печалію обдержимъ бѣ: по убіеніи бо »Князя Михаила Всеволодича Кіевскаго и Черниговскаго разсыпашася Измаильтяне (Татары) по всей »Руской земли, яко птицы полеташа, и Христіянскій родъ овѣхъ мечи закалающе, другихъ же въ плѣнъ »отвожаху, а оставшая люди гладъ и смерть погубляша. Великій же Князь Юрьи Даниловичь разсылаше »по градомъ и мѣстомъ, веляше собрати оставшая »люди; посла убо и сего Гедименика на Волынскую землю и на Кіевскую и объ сю страну Менска наполнити плѣненныя грады и веси, а у оставшихъ имати »дани; и съ нимъ посла нѣкоего мужа славна, именемъ »*Борейка*, и иныхъ множайшихъ. Сей же Гедименикъ »бѣ мужъ *храбръ зѣло* и велика *разума;* начатъ дани »брати на людехъ и сокровища изыскивати, и обогатися зѣло, и собра къ себѣ множество людей, и дая »имъ неоскудная потребная, и начатъ владѣти многими землями, и назвася отъ нихъ Великій Князь Гедиминъ Литовскій первый, несогласіемъ Великихъ Князей, Рускихъ Государей, и межусобными браньми.« См. *Ярославскую Родословную* въ Синод. библ. No 461 и въ концѣ *Ростовск.* Архив. *Лѣт.* о *Князьяхъ Литовскихъ.* Сіи извѣстія, писанныя въ новѣйшія времена, не имѣютъ исторической достовѣрности. Обстоятельство, что Гедиминъ былъ отправленъ послѣ 1317 года Княземъ Георгіемъ Даніиловичемъ для учрежде-

нія порядка и для собранія дани въ Кіевской и Волынской области, есть басня. По современной лѣтописи мы знаемъ, что Гедиминъ въ семъ году уже правительствовалъ въ Литвѣ и воевалъ съ Нѣмцами (см. Дузбур. Chronicon, стр. 387); знаемъ также, что Волынія и Кіевъ не зависѣли отъ Юрія или Георгія Даниловича Московскаго.

(250) См. ниже, и въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 593. При Донскомъ Гедиминовъ внукъ, сынъ Ольгердовъ, уже властвовалъ надъ областію Кіевскою.

(251) Райнальд. Annal. Eccles. въ добавленіи XV Т., подъ годомъ 1324.

(252) Въ Архивѣ Кенигсбергскомъ сохранились четыре грамоты Георгіевы, подъ No 684, 228, 645 и 131. Первая, 1325 года, писана къ Великому Магистру Вернеру Арсельнскому. Содержаніе то, что Георгій, согласно съ системою предковъ, возобновляетъ съ орденомъ дружескую связь. — Вторая грамота писана къ Великому же Магистру Вернеру въ 1327 году изъ столицы Владимірской, in Ladimiria nostra civitate capitali: она есть повтореніе грамоты Андрея и Льва, выше нами сообщенной. Третья писана къ *Вел.* Магистру Лудеру, Герцогу Брауншвейгскому, изъ города Львова, въ 1334 году: достойно примѣчанія, что Князь обязывается хранить миръ отъ имени своего и Вельможъ Галицкихъ, также и Епископа Өеодора. Къ грамотѣ привѣшены 8 восковыхъ печатей, Княжеская, нами описанная, и семь именованныхъ въ грамотѣ чиновниковъ. Образъ Богоматери изображенъ на Епископовой; на другой птица, и вокругъ Русская надпись: *печать Борисова;* прочія истерлись. — Грамоту четвертую предлагаемъ въ переводѣ:

»Во имя Божіе . . . Аминь. Зная, что непостижимое »Провидѣніе Творца всяческихъ поставило Государей »не только для властвованія надъ людьми, но и для »того, чтобы они были орудіями мира и правды, мы »*Георгій* Божіею милостію природный Князь всей *Ма»лой Россіи*, желая посредствомъ истины и согласія »отвратить раздоры, искоренить плевелы зла, утвер-

»дить тишину мира и дружества, совокупно съ нашими любезными и вѣрными Боярами, а именно съ Димитріемъ, нашимъ дядькою, Михаиломъ Елеазаровичемъ, Воеводою *Бельзскимъ*, Василькомъ Кудриновичемъ, Тіуномъ Двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ, Воеводою *Перемышльскимъ* — Борисомъ Кракулою, Воеводою *Львовскимъ* — Ходоромъ (Ѳеодоромъ) Отекомъ, Воеводою *Луцкимъ*, и Хотькомъ Еромировичемъ, возобновляемъ, одобряемъ, утверждаемъ силою сей грамоты всѣ ненарушимые договоры, заключенные нашими предшественниками, блаженныя памяти Государями и Князьями *Романомъ*, *Даніиломъ*, *Львомъ*, *Георгіемъ* (Юріемъ), *Андреемъ*, съ почтенными, свѣтлѣйшими Господами, Великими Магистрами Ордена Нѣмецкаго Святыя Маріи въ землѣ Прусской (какого бы имени они ни были) до времени почтеннаго Господина Дитриха Алтенбургскаго, нынѣшняго Великаго Магистра, обѣщаясь, вмѣстѣ съ упомянутыми Боярами и людьми земли нашея, хранить вѣчно и ненарушимо, безъ всякаго обмана, коварства и хитрости, союзъ дружбы съ Г. Дитрихомъ Алтенбургскимъ, Великимъ Магистромъ, съ его собратіями и Коммандорами: въ удостовѣреніе чего велѣли мы написать сію грамоту, и приложили къ оной нашу и выше-упомянутыхъ Бояръ печати. Дано въ *Владимірѣ*, въ 1335 году отъ воплощенія Христова, 13 Календъ Ноября (по нашему Окт. 20) на память 11,000 Святыхъ Дѣвъ.« Къ хартіи привѣшена Княжеская и шесть другихъ восковыхъ истертыхъ печатей.

(253) См. письмо Папы Іоанна XXII къ Французскому Королю, въ 1323 году, (Райнальд. Ann. Eccl. T. XV). Въ нашихъ лѣтописяхъ Гедиминъ называется *первымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ*. Тамъ же сказано, что Вильна была уже во XII вѣкѣ (см. выше, примѣч. 96). Длугошъ называетъ ее древнимъ городомъ, основаннымъ еще предками Литовскаго народа, которые будто бы вышли изъ Италіи, и названнымъ такъ по имени ихъ вождя (Hist. Pol. кн. X, 116).

Стриковскій повѣствуетъ слѣдующее: »Гедиминъ, за»воевавъ Россійскія Княжества, жилъ въ Керновѣ; но »построивъ городъ *Троки*, названный такъ отъ мно»жества звѣрей убитыхъ и *второчѣнныхъ* на семъ мѣ»стѣ Гедиминовыми охотниками, перенесъ туда свой »престолъ. Въ другой разъ, забавляяся ловлею на бе»регахъ Виліи, покрытыхъ тогда густыми лѣсами, »онъ со всѣмъ Дворомъ пріѣхалъ къ устью Вилни, гдѣ »предки его издревле сожигали тѣла мертвыхъ, и гдѣ »курились жертвы идоламъ за души усопшихъ. Тамъ »Гедиминъ собственною рукою убилъ тура, на горѣ, »которая и донынѣ зовется *Туровою.* Рога сего звѣря, »обложенные золотомъ, долго хранились въ Княжеской »сокровищницѣ. Витольдъ обыкновенно пилъ изъ нихъ »на пирахъ и подарилъ одинъ въ 1429 году Королю »Венгерскому, Сигизмунду, во время славнаго съѣзда »Государей и Князей въ Луцкѣ. Уснувъ на Туровой »горѣ, Гедиминъ видѣлъ во снѣ огромнаго волка въ же»лѣзныхъ латахъ, ревущаго такъ сильно, что голосъ »его повсюду раздавался, какъ сто волчьихъ голосовъ »или болѣе. Главнымъ жрецомъ Литовскимъ былъ то»гда Лиздейко, найденышъ Витеновъ, оставленный ро»дителями въ гнѣздѣ орлиномъ, или, какъ другіе ска»зываютъ, въ богатой колыбели среди густаго лѣса: »онъ растолковалъ Князю, что сонъ его предзнаме»нуетъ славу города, коему надлежало быть на семъ »мѣстѣ. Гедиминъ послушался жреца и немедленно по»строилъ на горѣ крѣпость, а внизу, на *кривой доли»нѣ*, городъ деревянный съ башнями; назвалъ его Виль»ною отъ рѣки Вильни, переѣхалъ туда жить въ 1322 »году со всѣми Боярами и скоро украсилъ великолѣпно.« Обстоятельства баснословны; но главное, что Вильна основана Гедиминомъ, можетъ быть справедливо. По достовѣрнымъ историческимъ памятникамъ намъ извѣстно, что сей городъ въ 1323 году былъ уже его столицею: грамота Гедиминова, данная Нѣмцамъ для свободной торговли въ Литвѣ (см. ниже, примѣч. 255), писана въ Вильнѣ: Datum Vilna, anno Domini 1323.

(254) См. Райнальд. Annal. Eccles. XV, 1324. и Кранца Wandal. кн. VIII, гл. 9.

(255) См. Дреер. Specim. juris publici Lubec. стр. 183, и Коцеб. Gesch. Preuss. II, 354. Подлинникъ упомянутой грамоты, писанной въ 1323 году, находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Сего-то Князя называли въ Европѣ quovis ethnico peius, monstrum biceps, ludibrium naturae abominabile, violatorem iuris gentium et legum naturalium, antichristi praecursorem! См. Руссет. Supplement au Corps diplomatique T. I, Ч. II, стр. 100, и въ Дреер. Specim. J. P. Lubec. стр. 309. — На печати Гедиминовой, кромѣ Ангеловъ, изображенъ человѣкъ сидящій на престолѣ и держащій въ правой рукѣ корону, а въ лѣвой скиптръ, съ подписью: Sigillum Ged. Dei grac. Lethwinor. et Ruthenor. Reg.

(256) См. *Новогор. Лѣт.* О Россійскихъ частныхъ Князьяхъ въ тогдашней Волыніи см. Длугош. кн. IX, стр. 1088.

Случаи сего времени, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи: Въ 1319 году, Дек. 11, родился у Князя Ивана Даніиловича сынъ Данило. — Въ 1320, Маія 30, скончались Князья Борисъ Даніиловичь и Ростовскій Юрій Александровичь. — Въ 1321, зимою преставился Ярославскій Князь Давидъ, сынъ Ѳеодора Чернаго. Александру Михайловичу Тверскому (по *Никон. Лѣт.*) родился сынъ Левъ. — Въ 1323, преставился (по *Никон. Лѣт.*) бывшій Тверскій Епископъ Андрей. — Въ 1325, Февр. 5, преставился Новогород. Архіеп. Давидъ. На его мѣсто избрали Новогородцы бывшаго Юрьевскаго Архимандрита Моисея. — Въ 1326, Марта 30, Князю Іоанну Даніиловичу родился сынъ Іоаннъ. — Въ 1327, Іюля 4, родился у Князя Іоанна Даніиловича сынъ Андрей.

(257) См. *Троицк.* и *Никон. Лѣт.* — О состояніи Орды см. Абульгази Hist. des Tatars.

(258) См. ниже, примѣч. 272. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ханъ далъ Іоанну, кромѣ Великаго, еще *многія* иныя Княженія: какія же?

(259) См. *Степен. Кн.* I, 419, и *Никон. Лѣт.* Св. Петръ началъ жить въ Москвѣ или съ 1326 года или еще ранѣе. Онъ скончался Декабря 20. Его погребалъ Ѳеодосій Епископъ Луцкій. — Ѳеогностъ пріѣхалъ изъ Царяграда въ 1328 году.

(260) См. Синод. Лѣтоп. подъ No 349, л. 60, и *Никон. Лѣт.*

(261) См. *Псков. Лѣт.* и Синод. библ. No 349, л. 60.

(262) См. *Псков. Лѣт.* Нынѣшній городъ *Опочка* совсѣмъ не на пути отъ Новагорода ко Пскову: здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ.

(263) См. *Псков.* и *Новогор. Лѣт.*

(264) Іоаннъ ѣздилъ къ Хану въ годахъ 1328, 1331 (вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ), 1333, 1336 и 1339. — Въ *Новогор. Лѣт.*: »Вел. Князь »Иванъ пріиде изъ Орды (въ 1332 г.) и възверже гнѣвъ »на Новгородъ, прося у нихъ *серебра за-Камскаго.*« О серебрѣ Сибирскомъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76.

(265) Въ *Польскомъ Титулярникѣ* названа Симеонова супруга дочерью Гедимина (см. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи Миллерово собраніе рукописей, бумажникъ подъ заглавіемъ Polonica).

(266) См. *Воскрес. Лѣт.* Въ *Новогор.* нѣтъ о томъ ни слова.

(267) »Въ семъ же лѣтѣ (1333) вложи Богъ въ сердце К. Наримонту, въ крещеніи Глѣбу, и приела въ »Новгородъ.«

(268) См. *Новогор. Лѣт.*

(269) См. тамъ же. — Ниже упоминается о судебной десятинѣ: мы знаемъ, что во XII вѣкѣ Новогородскіе Епископы получали за нее 100 гривенъ изъ казны Княжеской (см. Т. II, примѣч. 236).

(270) См. *Троицк.*, *Новогор.* и *Воскресен. Лѣт.*

(271) См. *Никон. Лѣт.* IV, 167.

(272) Онъ былъ внукъ Андрея, большаго брата Александру Невскому. См. въ Синодальн. библіот. лѣтопись XV вѣка въ листѣ подъ No 349, л. 226, гдѣ сказано: »Царь Озбякъ подѣлилъ имъ Княженіе: Князю

»Ивану Даниловичю Новгородъ и Кострому, а Суздаль»скому Князю Александру Васильевичю Володимерь и »Поволожье; и княжилъ полтретья года. Сій Князь »Александръ изъ Володимеря Вѣчьный колоколъ Св. Бо»городици возилъ въ Суждаль, и колоколъ не почалъ »звонити, якоже былъ въ Володимерѣ; и видѣ Але»ксандръ, яко съгрубилъ Св. Богородици, и повелѣ его »пакы везьти въ Володимерь; и поставиша его въ свое »мѣсто, и пакы бысть гласъ, яко же и преже бого»угоденъ.«

(273) См. *Повѣсть о Св. Сергіи* въ *Никон. Лѣт.* IV, 204. — Василій Давидовичь, внукъ Ѳеодора Чернаго, названъ зятемъ Іоанновымъ въ *Новогор. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 603. Въ Родословныхъ Книгахъ: »У В. »К. Василіа (Ростовскаго) дѣти Князь Ѳеодоръ, да »Князь Константинъ, а женился К. Константинъ у »В. К. Ивана Даниловича Московскаго (въ 1328 году); »оттолѣ Ростовскихъ Князей родъ пошелъ надвое: »Князю Ѳеодору досталася Стрѣтенская сторона, а »Константину Борисоглѣбская сторона.« Ѳеодоръ Васильевичь скончался въ 1331 году, Марта 28.

(274) См. духовную Іоанна Даніиловича и договорную грамоту его внука, Димитрія Ивановича, съ братомъ (см. ниже, или въ *Древн. Рос. Вивліов.* I, 56 и 77). О Долѣ см. Родословныя Книги, въ описаніи рода Левашовыхъ.

(275) См. *Новогор. Лѣт.*

(276) Въ *Новогор. Лѣт.*: »Мати же его и Бояре, и »гости, и *Житейскіе мужи* унимаша его много.« Имя *Житейскіе* означало то же, что *люди Житьи* или прежде *Огнищане* въ Новѣгородѣ (см. Т. V, примѣч. 33).

(277) »Князь *Романчукъ* Бѣлозерскій.« *Романчукъ* есть уменьшительное *Романа*, такъ же, какъ *Василько Василія*, и проч. Въ Родословныхъ сказано, что Романъ умеръ бездѣтенъ, а Ѳеодоръ и Василій были сыновья брата его, Ѳеодора Михайловича. Отецъ Романовъ въ 1277 году женился на тетке

Василія Давидовича Ярославскаго, дочери Ѳеодора Чернаго.

(278) См. *Троиц. Лѣт.* Сыновья Іоанновы Симеонъ, Иванъ, Андрей, пріѣхали къ Хану въ началѣ осени, а Князь Тверскій былъ казненъ въ исходѣ Октября.—Въ *Никон. Лѣт.* К. Стародубскій Ѳеодоръ названъ Іоанновичемъ, а въ Родослови. Книгахъ Михайловичемъ: »у »Князя Ивана Всеволодича« (дяди Александра Невскаго) »сынъ Иванъ Калистратъ, а Княжь Иванов сынъ »Князь Михайло, а у Князя Михайла сынъ Князь Ѳе»доръ, прозвище ему *Благовѣрной*, убитъ въ Ордѣ отъ »Царя.«

(279) См. *Никон. Лѣт.*

(280) Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314, 326, и Райнальд. Annal. Eccl. г. 1326, No 10.

(281) Сей трактатъ выписанъ Бишингомъ изъ Датскаго Архива и напечатанъ въ Histor. Magaz. III, 177.

(282) Рясна есть нынѣ село между Могилевымъ и Мстиславлемъ. Осѣчену надлежало быть тамъ же. Въ описаніи древней Россіи имена сихъ двухъ городовъ стоятъ рядомъ (см. *Воскрес. Лѣт.* I, 22).

(283) Щербатовъ признаетъ сего Димитрія братомъ Іоанна, т. е. Александровичемъ, ссылаясь на Родословныя Книги; но это сомнительно. Лѣтописи упоминаютъ только о двухъ сыновьяхъ Александра Глѣбовича, Василіи и Іоаннѣ (см. *Ник. Лѣт.* III, 108). Въ печатной Родословной Книгѣ (II, 43) сказано: »*Пришелъ* изъ Смоленска Князь Александръ Всеволодъ Глѣ»бовичь; у него 3 сына: *Дмитрей*, Володимеръ, *Иванъ*. »Дмитрей да Володимеръ *были Воеводы* у Великаго »Князя *Дмитрея на Дону*.« Сіи Александровичи, вышедшіе въ Москву съ *отцемъ* около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго Смоленскаго Князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году (см. *Никон. Лѣт.*)

(284) Увидимъ, что любимый сынъ Гедиминовъ, по смерти отца изгнанный братьями, искалъ убѣжища въ Смоленскѣ.

(285) О Князьяхъ Ѳоминскихъ сказано въ Родослов-

ныхъ Книгахъ, что они происходятъ отъ Констан-тина Юрьевича, коего отецъ, Князь Юрій Свято-славичь Смоленскій, въ 1404 году былъ изгнанъ изъ своего владѣнія Гедиминовымъ внукомъ, Витовтомъ; но о сихъ Князьяхъ упоминается еще въ 1340 году. — Князья Друцкіе должны быть потомками древнихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. — Иванъ Яро-славичь *Юрьевскій* безъ сомнѣнія происходилъ отъ Всеволода III, хотя и не знаемъ, отъ чьего колѣна. Святославъ Всеволодовичь и сынъ его Димитрій кня-жили въ Юрьевѣ около половины XIII вѣка; наслѣдни-ки Димитріевы неизвѣстны.

(286) См. *Лѣт. Новогор.* и *Троиц.* — Лѣта сего В. Князя знаемъ единственно потому, что отецъ его родился въ 1261, а старшій сынъ, Симеонъ, былъ въ 1333 году семнадцати лѣтъ.

(287) См. *Степен. Кн.* I, 406, и слово о житіи Ди-митрія Донскаго, въ его время сочиненное.

(288) По Родословн. Книгамъ у Михаила Чернигов-скаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, а у Мсти-слава Андрей, или Андреянъ; первымъ же Козельскимъ Княземъ названъ Іоаннъ Титовичь, внукъ Мстислава Карачевскаго.

Глѣбъ Свьтославичь долженъ быть сыномъ Свято-слава Глѣбовича и двоюроднымъ братомъ Іоанна Але-ксандровича Смоленскаго. Въ Брянскѣ княжилъ Дими-трій (см. выше, примѣч. 283): увидимъ его и послѣ тамошнимъ Княземъ.

(289) См. *Ядро Рос. Исторіи* и въ Синодальной би-бліотекѣ подъ No 551, въ четв. листа, харатейный Требникъ. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ рукопи-сяхъ сказано, что калита, носимая Іоанномъ, была ему подарена Ханомъ.

(290) См. *Троицк.*—Названіе Кремля не есть Татар-ское, а происходитъ отъ *кремня*; *Дѣтинцемъ* же на-зывали внутреннюю крѣпость, или замокъ отъ име-ни *Дѣтскихъ* (см. Т. I, примѣч. 458) или Отроковъ, коимъ поручалась ея защита.

(291) Такъ говоритъ Діаконъ Тимоѳей Каменевичь-

Рвовскій въ сочиненіи о древностяхъ Россійскихъ, писанномъ его собственною рукою и хранящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ No 529, кн. I, Т. 2, л. 517. — Каменевичь писалъ въ 1699 году, слѣдуя древнему преданію. Онъ былъ родомъ Москвитянинъ, а жилъ въ Угличѣ. Герберштейнъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42 и 57) еще упоминаетъ о славной ярмонкѣ Холопьяго городка (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 458).

(292) См. родословную Годуновыхъ и Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 310 и 312. Челобитная Квашниныхъ находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, въ Миллеровомъ собраніи рукописей, въ бумажникѣ подъ заглавіемъ: *древнѣйшія дипломатическія извѣстія* No 13.

(293) Сія грамота (напечатанная въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, I, 31) писана въ 1328 или 1331 году (см. выше, примѣч. 264, и *Воскр. Лѣт.* II, 302 и 306), то есть, прежде Елениной кончины, но уже во время Іоаннова Великокняженія: ибо на приложенной къ ней серебряной, вызолоченной печати (съ изображеніемъ Іоанна Предтечи и Спасителя) вырѣзаны слова: »печать *Великаго* Князя Ивана.« Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дьяка* въ смыслѣ Секретаря. У Грековъ названіе Diakonos, у Скандинавовъ Diaekne, означало слугу, школьника.

(294) Свинцовая маленькая печать привѣшена къ Княжеской: на ней изображены два треугольника съ звѣздочками, а на другой сторонѣ, кажется, буквы Татарскія. Она могла быть чиновника Ханскаго или Баскакова. — И Переславль-Залѣсскій считался городомъ Великокняжескимъ, а не Московскимъ: по тому взялъ его Димитрій Константиновичь Суздальскій, сдѣлавшись въ 1360 году Великимъ Княземъ.

(295) Донскій въ завѣщаніи своемъ говоритъ: »а сына своего Юрьи благословляю *куплею* своего *дѣда*, »Галичемъ — а сына Андрея куплею же дѣда своего, »Бѣлымъ Озеромъ — а сына Петра куплею же своего дѣда, Углечемъ Полемъ« (см. *Рос. Вивл.* I, 103). — Константинъ Галицкій былъ родный братъ Александра Невскаго. — Въ 1339 году вмѣстѣ съ Александромъ

Тверскимъ ѣздилъ въ Орду еще независимый Князь Романъ Михайловичь Бѣлозерскій.

(296) Сія грамота не была нигдѣ напечатана: для того включаю оную здѣсь.

»Се азъ Князь Василей Давыдовичь Ярославскій до»кончалъ есмь съ Архимандритомъ съ Пиминомъ про »домъ Св. Спаса по дѣда своего грамотѣ, пожаловалъ »есмь что людей Св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ, »уреклъ есмь имъ на годъ два рубля давати, а не на»добѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни »тамга, ни восминичее, ни бобровое, ни стану не чи»нятъ въ селѣхъ Спаскихъ, ни дворскаго не емлютъ, »ни иного ничего не емлютъ, ни становщикъ не въѣзъ»дитъ ни о чемъ же, ни *Бегеули* мои« (приставы: слово Татарское) »не имаютъ людей Спаскихъ въ сто»рожу, ни въ корму; а судьи мои вси, Намѣстницы и »Тіуни не шлютъ Дворянъ своихъ по люди Св. Спаса, »но шлютъ ко Игумену, а Игуменъ шлетъ по нихъ »своихъ людей. А что будетъ судъ Спаскимъ людемъ »съ моими людми, пріѣхавъ моему судьи въ монастырь, »судити ему со Игуменомъ въ правдѣ по цѣлованію; »а вина, посулъ и пересудъ на полы, до моего ли дой»детъ, до Спаскаго ли; а что учинится между Спас»кими людми бой, или татьба, или душегубство, или »самосудъ, то все судитъ Игуменъ, и вину емлетъ въ »домъ Св. Спаса; а нашимъ судьямъ не надобѣ, ни Дво»ряномъ; а кого перезоветъ Игуменъ изъ иные воло»сти, то люди Св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не всту»пати; а кто будетъ людей моихъ Св. Спаса въ по»ловницы (въ работникахъ) ать потягнутъ ко мнѣ »данью и виною, до кого что дойдетъ, а Игумену ся »не вступати; а что торгованіе на домъ Св. Спаса, »крылошаномъ и Чернцомъ, тамга, ни восминичее не »надобѣ; а перевозъ и рѣки бобровые, а то по давной »пошлинѣ; а дому Св. Спаса блюсти ми, самому не »обидѣти и въ обиду не давати. А далъ есмь домъ Св. »Спаса на руцѣ отцу своему, примыслитъ ли, умы»слитъ ли; а черезъ сю грамоту кто посягнетъ на »домъ Св. Спаса, и милости Св. Спаса не буди на немъ.«

Подлинная грамота скрѣплена черною восковою печатью.

Въ рукописномъ собраніи Двинскихъ грамотъ (см. выше, примѣч. 193) есть двѣ Калитины: въ одной сказано: »Се язъ К. В. пожаловалъ есмь сокольниковъ »Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други: »не надобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ »не тянути; и что у нихъ третники и наймиты, »кто стражетъ на готовыхъ конехъ, а въ кунахъ« — кто работаетъ на готовыхъ коняхъ, но за деньги — »и тѣмъ не надобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ »имъ не тянути, ни биричь ихъ не поторгывать« — не вызывать ихъ чрезъ бирючей — »не надобѣ ни »кормъ, ни подвода.«

Разные случаи Іоаннова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе: Въ 1328 году, Сент. 7, преставился Ростовскій Епископъ Прохоръ; на его мѣсто поставленъ Антоній. (По *Никон. Лѣт.* умеръ Тверскій Епископъ Варсонофій). Въ 1330 году Митрополитъ въ Владимірѣ Волынскомъ поставилъ Тверскаго Епископа Ѳеодора. — Въ 1336 скончался Ростов. Епископъ Антоній, а на его мѣсто поставленъ Гавріилъ. — Въ 1337, Апрѣля 12, у сына Калитина, Симеона Іоанновича, родился сынъ Василій.

(297) См. въ Эккарт. Corp. Hist. medii aevi T. I, Хронику Іоанна Витодурана, стр. 1862, или въ Наруш. Hist. Narod. Polsk. V. 411.

Стриковскій называетъ мать Болеславову дочерью Льва Даніиловича, а Зиморовичь сестрою; второе совсѣмъ невѣроятно: ибо отецъ Болеславовъ, Тройденъ, родился послѣ 1279 года, а Даніилъ умеръ въ 1266 (см. Наруш. Hist. N. P. V, стр. XLII). Несравненно достовѣрнѣйшій *Архидіаконъ Гнѣзненскій* (см. его лѣтопись въ Зоммерсберг. Scriptoribus T. II, стр. 97), Писатель современный, говоритъ: Post (coronationem Casimiri an. 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio totius regni Russiae Duce Troidem Dux Masoviae (надобно читать: Boleslaus, Troydeni filius) qui avunculo suo

in ducato Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat. Слѣдственно Болеславъ родился *отъ сестры Георгія*, и, какъ вѣроятно, дочери Андреевой; Георгій же, сверхъ Христіанскаго имени, могъ называться Славянскимъ *Казиміра*.

Объ условіяхъ, на коихъ граждане Львовскіе поддались Болеславу, пишетъ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli (см. выше, примѣч. 189).

О насиліяхъ Болеславовыхъ въ Галиціи см. Длугош. Hist. Polon. кн. IX, стр. 1058. Папа Іоаннъ, свѣдавъ о намѣреніи его Князя принять Латинскую Вѣру, писалъ еще въ 1327 году къ его родственнику, Королю Польскому, чтобы онъ своими отеческими наставленіями утвердилъ Болеслава въ такомъ душеспасительномъ желаніи: »да отрасль твоего племени (говоритъ Іоаннъ) не будетъ отдѣленною отъ корня!« См. Райнальд. Annal. Eccles. Т. XV, г. 1327, No 49. Папа называетъ Болеслава Княземъ *Россійскимъ*: видно, что онъ при дядѣ своемъ, Георгіи, имѣлъ какой нибудь Удѣлъ въ Галиціи или въ Волыніи.

О завоеваніи Галиціи Казиміромъ, зятемъ Гедиминовымъ, въ 1339 году, пишетъ Длугошъ (кн. IX, стр. 1058).

О договорѣ Короля Польскаго съ Литовскими Князьями см. Кромера кн. XII, стр. 204. Они съ обѣихъ сторонъ условились тогда въ случаѣ распри прибѣгать къ посредничеству Короля Венгерскаго. Кромеръ видѣлъ сей договоръ въ Архивѣ Королевскомъ.

(298) Въ *Ростов. Лѣт.*: »и вси Князи Русскіе подъ »руцѣ его даны.« Татищевъ пишетъ, что Ханъ училъ сыновей Калитиныхъ жить мирно, обѣщалъ имъ не принимать никакихъ доносовъ, и далъ ярлыкъ на Великое Княженіе, съ клятвою, что оно будетъ всегда достояніемъ ихъ рода.

(299) Договорная грамота сыновей Калитиныхъ хранится въ Архивѣ подъ No 3, но такъ истлѣла, что не льзя разобрать многихъ словъ, особенно въ срединѣ (*Собраніе Госуд. Грамотъ* I, 35).

Сія грамота есть древнѣйшая изъ писанныхъ на

бумагъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о чинѣ *Окольничихъ* (см. нашей *Исторіи* Т. V, примѣч. 42).

(300) См. *Новогор.* и *Троицк. Лѣт.*

(301) См. тамъ же. — Можайскъ былъ прежде городъ Смоленскій, какъ извѣстно. Длугошъ пишетъ, что Гедиминъ отдалъ Монтовиду или Монтвилу Керновъ и Слонимъ, Наримантy Пинскъ, Ольгерду Кревъ (сверхъ Витебска, наслѣдія жены его), Евнутію Вильну или столицу съ достоинствомъ Великаго Князя, Кестутію Троки, Корьяду Новогродокъ, а Любартъ остался Государемъ Волыніи, наслѣдственнаго достоянія его супруги (Hist. Pol. кн. X, стр. 60).

(302) Райнальд. Annales Eccl. годъ 1338, No 74, 75, и г. 1340, No 75.

(303) См. *Троицк.* Ярославъ Александровичь умеръ въ 1344 году, а братъ его Василій въ 1350.

(304) См. *Псков. Лѣт.* О вышеупомянутомъ Князѣ Александрѣ сказано въ сей лѣтописи, что онъ названъ въ крещеніи *Юріемъ* и былъ сынъ *Лазаревъ*. — О Нейгаузенѣ, нынѣ простомъ селеніи, см. Гадебуша Liefländ. Iahrbüch. Ч. I, стр. 520. — О Нарвѣ см. Кельх. Liefl. Gesch. стр. 66. Вездѣ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ Нарва именуется Ругодивъ.

(305) Первый сильный пожаръ въ Новѣгородѣ былъ въ 1340 году, Іюня 7.—Здѣсь въ первый разъ упоминается объ *Устюжнѣ;* она принадлежала Князьямъ Бѣлозерскимъ, тогда зависѣвшимъ отъ Великаго Князя. — Далѣе: »Титъ Мановичь постави Опій городокъ »на сей сторонѣ Наровы« и пр.

(306) О семъ Князѣ Евстафіи см. выше, въ описаніи 1323 года. — О войнѣ см. Руссова, Кельх. и Арнта около 1345 года; также Архив. *Псков.*, *Новогор.* и *Ростов. Лѣт.*

(307) Кельх. Liefl. Gesch. стр. 115.

Продажа Эстоніи совершилась въ 1347 году.

(308) См. *Новогор. Лѣт.* Попа Іоанна г. 1345. Тамъ сказано: »Евнутій переверхеся чрезъ стѣну« (въ Вильнѣ); а Стриковскій пишетъ, что сей Князь ушелъ ночью босой, и въ бѣгствѣ ознобилъ ноги; что его догнали, привели въ Вильну и содержали нѣсколько вре-

мени подъ стражею; что братья дали ему послѣ Заславъ въ Минской области, и такъ далѣе. Стриковскій прибавляетъ, что есть и другой Заславъ въ Волыніи, и что тамошніе Князья, т. е. Заславскіе, ведутъ родъ свой отъ Князя Давида Юрьевича и потомковъ Св. Владиміра. — Вмѣстѣ съ Евнутіемъ крестилась въ Москвѣ и Литовская его дружина (см. *Троицк. Лѣт.*) Сент. 23.

(309) См. *Ростов. Лѣт.*, Длугоша и Мѣхов. Chron. подъ г. 1346. Арнтъ относитъ побѣду Рыцарей къ 1347 году, согласно съ нашими Лѣтописцами, которые говорятъ, что Ольгердъ на рѣкѣ Стравѣ, 2 Февраля, потерялъ 40,000 человѣкъ; а Длугошъ уменьшаетъ сіе число до 22,000. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ сраженіи убитъ Наримантъ Гедиминовичъ. — Длугошъ пишетъ, что Князь Смоленскій, предводительствуя Литвою и Россіянами, въ 1348 году былъ побѣжденъ Нѣмецкими Рыцарями, и съ большею частію своихъ воиновъ утонулъ въ рѣкѣ.

(310) См. Далина Gesch. des R. Schw. T. II, стр. 376 и слѣд. Отецъ Бригитты сражался съ Александромъ Невскимъ. См. также *Новогор. Лѣт.*

(311) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 379.

(312) См. Лѣтописи.

(313) См. *Ростов.* и *Псков. Лѣт.*

(314) См. лѣтопись въ листъ Синодальн. библ. No 349, л. 69, и *Никон. Лѣт.*

(315) О храмѣ Бориса и Глѣба см. *Ростов.* и *Троицк. Лѣт.* — Далѣе см. *Новогор. Лѣт.*

(316) См. *Новогор. Лѣт.*, Далина Gesch. des. R. Schw. II, 380. — Далѣе см. Райнальд. Annal. Eccl. годъ 1351, No 34.

(317) См. *Троицк. Лѣт.*

(318) См. выше, стран. 287, и Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 218 и Длугош. кн. IX, стр. 1088.

(319) См. *Новогор. Лѣт.* Ненависть Россіянъ къ Полякамъ была столь велика, что Князь Даніилъ Острожскій (одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра) и Староста Перемышля, именемъ Дацко, въ 1341 году звали Хана

освободить ихъ отъ ига Казимирова, желая лучше повиноваться Моголамъ, нежели сему Королю Христіанскому: ибо Моголы не вмѣшивались въ Вѣру. Ханъ посылалъ войско до самыхъ береговъ Вислы; но Поляки разбили его (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 108 — 113). — Далѣе см. *Троицк.* и Стриковскаго. Первою женою Любарта была, какъ извѣстно, дочь Князя Волынскаго.

(320) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1349, No 24, гдѣ напечатано письмо Климента къ Кестутію. — Казимиръ остался Государемъ одной Галицкой области; но въ 1351 году, съ помощію Венгровъ разбивъ Литовцевъ, снова завладѣлъ частію Волыніи и плѣнилъ Кестутія, который однакожъ ушелъ изъ неволи (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 228).

(321) Маѳей Виллани, кн. II, гл. 72. Онъ называетъ Брацлавскую область *Просклавіею*, сказывая, что тамошній *невѣрный* (infidelis) Князь, подчиненный Королю Венгерскому Людовику, требовалъ отъ него вспоможенія; что Людовикъ послалъ ему 40,000 всадниковъ, которые, имѣвъ кровопролитную битву съ непріятелемъ, долженствовали отступить; что Моголы также удалились, испуганные вѣстію о новыхъ вооруженіяхъ Князя Брацлавскаго и Людовика; что въ 1354 году Короли Польскій и Венгерскій съ 200,000 всадниковъ перешли за Бугъ (in Tatariam ultra Bogum); что ихъ встрѣтилъ юный *Царь* Могольскій, и спрашивалъ, куда и зачѣмъ они идутъ; что Короли принудили его окреститься и взяли съ собою. Нарушевичь считалъ сего Князя Брацлавскаго Ѳеодоромъ Коріядовичемъ, внукомъ Гедиминовымъ; но вѣроятнѣе, что онъ былъ Князь Россійскій Владимірова племени. Коріядовичи господствовали тамъ уже послѣ, какъ увидимъ во времена Димитрія Донскаго.

(322) См. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 11. Людовикъ, будучи вмѣстѣ Государемъ Венгріи и Польши, думалъ присоединить Галицію къ первому Королевству; но въ 1390 году Поляки выгнали оттуда Венгровъ, и владѣли оною до 1772 года.

(323) См. *Псков. Лѣт.*

(324) См. *Троицк.*

(325) См. *Троицк.*—Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, Т. III, стр. 266, — Далин. II, 383, — Гадебуш. Liefl. jahrb. I, 441, и *Псков. Лѣт.*

(326) См. *Новогор. Лѣт.* и Архив. *Псков. Лѣт.*

(327) См. *Новогор.* и *Псков. Лѣт.* Письмо Василіево напечатано въ *Степен. Кн.* I, 480. Василій утверждаетъ бытіе рая на землѣ слѣдующими доказательствами: 1) въ священныхъ книгахъ сказано, что Тигръ, Нилъ, Евфратъ текутъ изъ рая; 2) Енохъ, Илія переселены въ рай, отъ коего Св. Макарій жилъ за 20 поприщъ, и въ коемъ Св. Евфросинъ сорвалъ яблоко; оттуда же Ангелъ принесъ вѣтвь Богоматери, видѣнную Апостолами и многими Жидами; 3) Іоаннъ Златоустъ именно говоритъ, что рай на Востокѣ, Адъ же на Западѣ. »Много тому видоковъ (пишетъ Василій) дѣтей моихъ Новоградцевъ: на *Дышущемъ* морѣ червь неусыпающій и »скрежетъ зубный и рѣка смоляная Могръ... А мѣсто Св. рая находилъ Моиславъ Новоградецъ и сынъ »его Іаковъ, и всѣхъ было ихъ три *юмы* (лодки), и »едина, много блудивъ, погибла; а двѣ принесло къ *вы»сокимъ горамъ*, и видѣша на горѣ той Деисусъ писанъ лазуремъ чуднымъ и проч.—*Высокія горы*, гдѣ Моиславъ нашелъ рай, именуются нынѣ Шемеханскими. Герберштейнъ пишетъ, что въ его время Норвежцы полагали тамъ, вмѣсто рая, Чистилище (см. Rer. Moscow. Com. стр. 60).

(328) Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ своей Исторіи Іоанна Палеолога, кн. III, гл. 36, статья 3, пишетъ, что Патріархъ Іоаннъ XIV, короновавъ сего Императора, въ знакъ отличія сталъ подписывать свое имя зелеными чернилами и надѣлъ клобукъ, сдѣланный изъ золотой парчи, вмѣсто *бѣлаго*, обыкновенно носимаго Патріархами не-Монашескаго сана. Патріархъ могъ дать сей клобукъ Василію для того, что онъ былъ избранъ въ Архіепископы изъ Приходскихъ Бѣлыхъ Священниковъ. Греки, отмѣнивъ обы-

чай ставить въ Святители не-Монаховъ, оставили и бѣлый клобукъ. Симъ замѣчанiемъ обязанъ я Сочинителю *Историческихъ разговоровъ о древностяхъ Новагорода* (стр. 39 — 40). Въ прибавленiе къ тому скажемъ, что Св. Леонтiй, *первый* Епископъ Ростовскiй, и Св. Епископъ Исаiя обыкновенно пишутся на иконахъ въ *бѣлыхъ* клобукахъ. Знаемъ еще, что Антонiй, Святитель Туровскiй въ 1405 году, носилъ бѣлый клобукъ (см. харат. *Троицк. Лѣт.* подъ симъ годомъ). Въ IX Томѣ сей *Исторiи* мы сообщимъ (неизвѣстное доселѣ) постановленiе Московскаго Собора въ 1563 году о бѣломъ клобукѣ. — О *крещатыхъ ризахъ* см. ниже въ примѣч. 348.

(329) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 384. Монфоконъ пишетъ (Monum. de la Monar. Franc. T. II, стр. 282), что двойни и тройни родились тогда весьма часто, но не имѣли болѣе двадцати или двадцати двухъ зубовъ. — О Глуховѣ и Бѣлозерскѣ см. *Никонов. Лѣт.*

(330) Ѳеогностъ скончался Марта 11 въ 1353 году; сыновья Великаго Князя, Iоаннъ и Симеонъ, преставились на той же недѣлѣ; Великiй Князь 26 Апрѣля, а братъ его, Андрей Iоанновичь, Iюня 6. Правда, что Ѳеогностъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, давно уже былъ слабъ здоровьемъ. Его погребли Владимiрскiй Епископъ Алексiй, Волынскiй Аѳанасiй и *Коломенскiй* того же имени въ церкви Богоматери, не далеко отъ могилы Петра Митрополита. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Коломенской Епископiи. Симеонъ и Андрей лежатъ въ Архангельскомъ Соборѣ.

(331) Герберштейнъ, повѣствуя о концѣ Георгiя Даниловича и Димитрiя Тверскаго, пишетъ (Rer. Mosc. Comment. стр. 6), что Симеонъ, получивъ отъ Чанибека власть и надъ Тверскимъ Княженiемъ, упросилъ его не брать съ онаго ежегодной дани: въ чемъ способствовали сему Князю Вельможи Татарскiе, имъ подкупленные. Герберш. слышалъ о томъ въ Москвѣ. — О печати см. ниже.

(332) См. печатн. *Родослов. Книгу* II, 207. По дру-

гимъ лѣтописямъ (см. *Русск. Временникъ* I, 173) Симеонъ развелся съ нею для того, что она не родила дѣтей; но отъ Князя Ѳоминскаго было у нее 4 сына. Отецъ Евпраксіи, Князь Смоленскій, могъ быть сыномъ Святослава, плѣненнаго въ Можайскѣ Георгіемъ Даніиловичемъ.

(333) »Тое же зимы (въ 1347) Князю Великому родися сынъ Данило Дек. 15 . . . Септ. 7« (въ 1349 г.) »Великому Князю родись сынъ, и крести его Митро»политъ, и нарече имя ему Михаилъ . . . Тое же зимы« (въ 1350 г.) »Князю Великому родись сынъ Иванъ »Февр. 3 родись ему сынъ Семенъ.« Завѣщаніе см. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* I, 37.

(334) Ибо еще по Ярославовымъ законамъ лишался свободы всякой человѣкъ, который женился на рабѣ безъ особеннаго условія съ ея господиномъ.

(335) См. Книги Родословныя и *Кн. Степен.* I, 444. Житіе Св. Алексія было вкратцѣ описано Епископомъ Пермскимъ Питиримомъ, въ 1455 году убитымъ Вогуличами; а въ *Степен. Кн.* оно предложено гораздо обстоятельнѣе. Алексій постригся девятнадцати лѣтъ, и жилъ 20 лѣтъ въ *Богоявленскомъ* монастырѣ, гдѣ игуменствовалъ тогда Стефанъ, братъ Св. Сергія Чудотворца, бывшій Духовникомъ Симеоновымъ и другомъ Инока Геронтія, знаменитаго мудростію. (Замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ не упоминается о началѣ *Богоявленскаго* монастыря). — Далѣе *Новогород. Лѣт.* Алексій поставленъ въ Епископы въ 1352 году, Дек. 6. Въ описаніи 1347 года сказано: »Князь Великій Семенъ »и Митрополитъ послаша во Царьгородъ о благосло»веньи.« Татищевъ же прибавилъ отъ себя слѣдующее: »Ѳеогностъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко исправ»ленію монастырскаго служенія и уставиша начало го»да отъ Септ. 1 числа, и посла Князь Великій со »Архимандритомъ Рождественскимъ въ Царьградъ къ »Патріарху, о благословеніи прося.« Сей вымыселъ былъ многими принятъ за истину, и Кн. Щербатовъ соглашается, что Лѣтописцы Симеонова времени дѣйствительно начинаютъ годъ съ Сентября: нѣтъ, вездѣ

съ Марта, какъ и прежде (кромѣ Никоновскаго). Далѣе увидимъ, когда лѣтосчисленіе перемѣнилось (см. Т. V, примѣч. 224).

(336) Въ *Степен. Кн.* I, 451: »поставленъ въ Митрополиты отъ Терновскаго (въ Болгаріи) Патріарха... Ѳеодоритъ, и проч.« Съ котораго времени Болгары имѣли своего Патріарха, не знаемъ.

(337) См. *Никонов. Лѣт.* Константинъ Тверскій началъ ссориться съ Княгинею Анастасіею и съ ея сыномъ въ 1346 году; въ томъ же году и скончался въ Ордѣ, а Василій Михайловичь былъ ограбленъ племянникомъ. Епископъ Тверскій *Ѳеодоръ* примирилъ ихъ въ 1349 году (сей Епископъ заступилъ мѣсто другаго Ѳеодора, умершаго въ 1345).

(338) См. *Повѣсть о Св. Сергіи* въ *Никонов. Лѣт.* IV, 203. Тамъ сказано, что отецъ Сергіевъ лишился богатства отъ частыхъ путешествій съ Княземъ въ Орду, отъ грабительства Татаръ, отъ неурожаевъ хлѣбныхъ, и проч. — Намѣстникъ Радонежскій назывался Терентіемъ Ртищею. Радонежъ есть нынѣ село *Городокъ*, въ 10 верстахъ отъ Лавры. — Братья Сергіевы, Стефанъ и Петръ, женились: первый сдѣлался инокомъ уже по кончинѣ супруги; а родители ихъ также скончались въ монашествѣ.

(339) См. *Троицк.*, *Никонов.* и *Новогород. Лѣт.*

(340) Сіи двѣ грамоты принадлежатъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ *бумажныхъ* рукописей, донынѣ извѣстныхъ въ Европѣ. Въ Италіи и въ Испаніи не нашлось ничего писаннаго на тряпичной или ветошной бумагѣ ранѣе 1367, въ Англіи 1342, во Франціи 1311, въ Германіи 1308 годовъ (см. Essai sur l'origine de la gravure, T. I, стр. 332, и Wehrs vom Papier, T. I, стр. 173 — 320). Мы не знаемъ подлинно, гдѣ и когда изобрѣтена оная, въ Италіи, въ Германіи, или въ другой землѣ; знаемъ только, что не ранѣе XIII вѣка. Въ Россіи до сего времени и даже до XV столѣтія писали обыкновенно на пергаменѣ. Употреблялась ли у насъ писчая бумага, дѣлаемая изъ хлопчатой? Вѣ-

роятно, когда Славяне Россійскіе, вмѣстѣ съ Иллирическими, и ветошную назвали ея именемъ. Сіи двѣ бумаги не легко различать. Нѣкоторыя Архивскія грамоты и даже Лѣтописцы (на примѣръ, Академическій *Ипатьевскій*) писаны, кажется, на бумагѣ сдѣланной изъ хлопчатой.

Случаи Симеонова княженія, о коихъ мы не упоминали: въ 1341 году у Великаго Князя родился сынъ Константинъ, въ тотъ же день умершій. Зимою женился братъ Симеоновъ, Іоаннъ, на дочери Димитрія Брянскаго. — Въ 1342 скончались Евдоксія Іоанновна, супруга Василія Давидовича Ярославскаго, осенью Ѳеодоръ Тверскій Епископъ, зимою Княгиня Іоанна Іоанновича, Ѳеодосія Димитріевна. — Въ 1345, лѣтомъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ женились его братья, Іоаннъ и Андрей. Скончался Ярославскій Князь Василій Давидовичъ, также Муромскій Василій Ярославичъ Схимникомъ, и положенъ въ Муромской церкви Бориса и Глѣба. — Въ 1346 поставленъ Іоаннъ Епископомъ Ростову, бывъ Спасскимъ Архимандритомъ въ Москвѣ. — Въ 1347 поставленъ Суздальскій Епископъ Наѳанаилъ. Въ 1348 скончалась Марія, супруга убіеннаго въ Ордѣ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго. Въ 1350 преставился Князь Василій Александровичъ Рязанскій. Окт. 12 родился Іоанну Іоанновичу сынъ Димитрій.

(341) См. выше стр. 195, и *Троицк. Лѣт.*

(342) Княживъ 15 лѣтъ, онъ преставился въ 1355 году, Ноября 21, въ Чернцахъ и въ Схимѣ, и положенъ въ Нижегородской Соборной церкви Св. Спаса, имъ созданной, гдѣ и нынѣ показываютъ его гробъ. Тамъ погребена и супруга Константинова, Анна *Грековна* (думаю *Гречанка*).—Димитрій Ѳеодоровичь Стародубскій, праправнукъ Іоанна Всеволодовича, умеръ въ 1355 году и погребенъ въ Стародубѣ; а братъ его сѣлъ на Княженіе зимою въ 1356.

(343) Ольгердъ выдалъ дочь за Бориса Суздальскаго въ 1354 году, а племянника женилъ на Московской Княжнѣ въ 1356. — Старый Ржевъ былъ подлѣ Но-

воржева (см. сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 41). — Далѣе см. *Псков. Лѣт.* Въ Архивскомъ спискѣ прибавлено, что въ 1357 году пріѣхалъ на Княженіе во Псковъ Князь Василій *Будволна*.

(344) Сей Ѳеодоръ Глѣбовичь былъ конечно отъ племени Муромскихъ Князей, хотя онъ и не показанъ въ Родословныхъ. О неволѣ и смерти Юріевой сказано въ *Ник. Лѣт.*

(345) См. *Никонов. Лѣт.*

(346) Моисей былъ Владыкою Новогородскимъ еще прежде Василія. Въ 1360 »поставленъ бысть Алексѣй »Архіепископомъ въ преименитѣй церкви въ Св. Богородицѣ въ Володимерской Митрополитомъ Олексѣемъ »Іуля въ 12 день, и пріиде въ Новгородъ.«

(347) См. *Троицк. Лѣт.*

(348) *Новогород. Лѣт.* — См. изображеніе крещатыхъ ризъ въ Дю-Канж. Constant. Christ. кн. IV, стр. 120.

(349) См. *Степен.* и *Никонов.* Въ *Степен. Книгѣ* описывается чудо, какимъ образомъ Св. Алексій молитвою укротилъ сильное морское волненіе, давъ обѣтъ построить церковь во имя Іисуса Христа: что онъ и сдѣлалъ, основавъ монастырь Андрониковъ на берегу Яузы. Св. Сергій далъ ему ученика своего, Андроника, бывшаго тамъ первымъ Игуменомъ. »Пріиде жь Св. »Сергій въ монастырь той, и похвали мѣсто и бла»гослови... И тако поставлена бысть церковь зѣло »прекрасна во имя Спаса нашего, и честную икону »образа Христова, юже имяше принесену съ собою »отъ Царяграда, чуднѣ златомъ украшену, въ ней (Ми»трополитъ) постави.«

(350) См. *Степен. Книгу*, I, 455, *Троицк.* и *Ростов.* — О Таврисѣ см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 459. Онъ пишетъ, что Чанибекъ, оставивъ Бердибека въ Таврисской области, возвратился въ Орду, занемогъ опасно и послалъ за сыномъ, но скоро умеръ въ Сараѣ, куда Бердибекъ пріѣхалъ уже черезъ два года по кончинѣ отца. Извѣстіе нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ достовѣрнѣе. Митрополитъ Алексій по-

лучилъ тогда отъ Бердибека ярлыкъ, напечатанный въ *Древней Рос. Вивліов.* VI, 23. Въ немъ сказано: »Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали »церковныхъ людей, кои за нихъ молилися,« и проч. Далѣе то же, что и въ ярлыкѣ Ѳеогностовомъ, уже извѣстномъ Читателю. Бердибекъ, подобно его предкамъ, освободилъ наше Духовенство отъ дани. — О словахъ юнаго Димитрія см. *Степен. Книгу*, I, 457.

(351) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ* I, 41. Къ ней привѣшена серебряная вызолоченная печать, у коей на одной сторонѣ изображенъ Св. Іоаннъ съ надписью Греческою, а на другой вырѣзаны слова: *Печать Князя Великого Ивана Ивановича*, безъ прибавленія: *Всея Руси.* Сія грамота писана на пергаментѣ.

(352) См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 64 и 69, и въ началѣ *Воскресен. Лѣтописца* описаніе древнихъ нашихъ городовъ, которое начинается такъ: »Се имена »градомъ всѣмъ *Рускымъ*, далнимъ и ближнимъ. На »Дунаи Видицовъ (Виддинъ) о седми стѣнъ каменныхъ— »Мединъ (въ Валахіи), а объ ону страну Дуная Тер»новъ· ту лежитъ Св. Пятница. А по Дунаю Дрест»винъ (Силистрія), Дичинъ, Килія на устьѣ Дуная, Но»вое Село (Новосель), Аколятря (Акело?) на морѣ, Кур»нака, Варна; а на сей странѣ Дуная, на усть Днѣ»стра, надъ моремъ Бѣлгородъ, Чернавскій Торгъ на »Прутѣ рѣцѣ, Романовъ Торгъ на Молдовѣ, Нѣмечь »въ горахъ, Корочюновъ Камень, Сочава, Серетъ, Баня, »Нечюнъ, Коломья городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ »Хотѣнъ, а то Болгарьской и Волоськой городокъ.« Князья Галицкіе могли владѣть и частію Волошской земли; но сомнѣваюся, чтобы они господствовали до Терновы. Сей Географъ именуетъ, кажется, Болгарскіе города Россійскими единственно для того, что они были завоеваны Великимъ Княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ.

(353) Князь Кантемиръ въ *Описаніи Молдавіи* согласно съ преданіемъ говоритъ, что Волохи, обитавшіе нѣсколько вѣковъ въ горахъ, съ сыномъ Князя своего, Богдана, съ Драгошемъ, ловивъ звѣрей, нечаянно зашли въ нынѣшнюю Молдавію, убили тамъ буйвода

въ рѣкѣ, и назвали ее *Молдавою*, отъ имени Драгошевой любимой собаки *Молды*, которая въ ней утонула; что сей Князь, видя въ окрестностяхъ тучные луга и поля, города и крѣпости, оставленныя жителями, переселился въ оныя со многими изъ единоземцевъ, былъ первымъ Владѣтелемъ Молдавскимъ, основалъ мѣстечко Романъ и велѣлъ изобразить голову буйвола въ гербѣ своего новаго Княжества. А въ нашихъ лѣтописяхъ есть о томъ слѣдующая повѣсть: Два брата, *Романъ* и *Влахита*, избѣгая гоненія, бывшаго »на Христіанъ отъ еретиковъ, ушли изъ Венеціи въ »мѣсто называемое *Старымъ Римомъ* и построили »городъ *Романъ*, въ коемъ и жили спокойно до от»ступленія Папы Формоза отъ православія (въ концѣ »IX вѣка). Тогда Латинскіе еретики основали *Новый* »*Римъ*, и начали воевать съ *Старыми Римлянами*: »что и продолжалось до самыхъ временъ *Владислава*, »Короля Венгерскаго, тайно окрещеннаго Святымъ »Саввою Сербскимъ, его дядею, по обрядамъ Грече»ской Церкви. Въ сіе время Татары, предводимые »Княземъ *Нейместомъ*, вышли изъ кочевищъ своихъ »отъ рѣкъ Молдавы и Прута, желая завоевать стра»ну *Эрдель* или Венгрію, и расположились станомъ на »берегахъ Мароша. Съ Владиславомъ соединились Ста»рые и Новые Римляне, которые, ненавидя первыхъ, »написали къ нему такую грамоту:« Великому Королю Владиславу *Златый Затокъ* или Венгерскому. Старые Римляне не хотятъ быть съ нами въ единой Вѣрѣ, и нынѣ идутъ всѣ къ тебѣ на помощь, оставивъ только женъ и дѣтей въ своей отчизнѣ. Мы съ тобою братья единовѣрные: наши враги суть и твои. Вели же Старымъ Римлянамъ итти впередъ противъ Неймата, чтобы они всѣ легли на мѣстѣ и не возвратились къ намъ; а мы возмемъ и силою обратимъ ихъ семейства въ Законъ Латинскій. »Король побѣ»дилъ Моголовъ на рѣкѣ Тисѣ, и довольный мужествомъ, »оказаннымъ Старыми Римлянами въ битвѣ, показалъ »имъ грамоту Новыхъ Римлянъ, которые уже дѣй»ствительно плѣнили ихъ женъ и дѣтей, разоривъ до

»основанія городъ Романъ. Тогда Старые Римляне, же»лая соблюсти Вѣру отцевъ своихъ, выпросили у Вла»дислава землю въ Мараморосѣ, между рѣками Маро»шемъ и Тисою; взяли за себя женъ Венгерскихъ и »склонили ихъ принять Вѣру Греческую. Одинъ изъ »сихъ людей, знаменитый умомъ и мужествомъ, име»немъ Драгошъ, ловя звѣрей, въ слѣдъ за туромъ про»шелъ съ товарищами чрезъ высокія *планины* или го»ры, увидѣлъ тура лежащаго подъ вербою и застрѣ»лилъ его на берегу рѣки. Мѣсто имъ полюбилось: »возвратясь домой, они хвалили друзьямъ красоту она»го, луга, чистыя рѣки и *криницы* или ключи. Многіе »захотѣли тамъ жить, выпросили дозволеніе у Коро»ля Владислава, и со всѣми ближними переселились за »горы, на мѣсто, гдѣ Драгошъ убилъ тура, и назвали »сего мужа своимъ Государемъ или Воеводою. Такимъ »образомъ въ 1359 году началося Княжество Молдав»ское, въ странѣ, гдѣ прежде кочевали Татары. Дра»гошъ основалъ первый городъ на Молдавѣ, а вторый »Бани« (см. *Воскресен. Лѣт.* стр. 53 — 56). Далѣе сказано, что »Драгошъ былъ на Воеводствѣ два года, сынъ ево *Сасъ* четыре, Богданъ Мушатъ шесть лѣтъ, Петръ (сынъ Мушатинъ) 16, Романъ (братъ Петровъ) 3 года, *Стефанъ* (также его братъ) 7 лѣтъ, Юга 2 года, Александръ 32 и 8 мѣсяцевъ, сынъ Ильяшъ одинъ 2 года и 9 мѣсяцевъ, да вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ 7 лѣтъ. Стефанъ, ослѣпивъ Ильяша, господствовалъ еще 7 лѣтъ; сынъ Ильяшевъ, Романъ, отрубилъ ему голову и правительствовалъ 1 годъ; сынъ Александровъ, Петръ, 1 годъ (отдавъ Килію Венграмъ); Чюберъ 2 мѣсяца; сынъ Ильяшевъ, Александрелъ, 4 года; Богданъ 2 года: Петръ-Ааронъ отсѣкъ ему голову и начальствовалъ 2 года (въ его время Турки возложили дань на Молдавію). Стефанъ, сынъ Богдановъ, казнивъ Петра, отнялъ Килію у Венгровъ. Въ 1484 году Султанъ Баязетъ взялъ у Стефана Килію и Бѣлградъ. Въ 1499 году Король Польскій Альбертъ воевалъ съ Стефаномъ, и разбитъ имъ на Буковинѣ. Стефанъ умеръ въ 1511 году (нѣтъ, въ 1504) въ Іюлѣ мѣсяцѣ, оста-

вивъ четырехъ сыновей: Петра, Александра и *двухъ* Богдановъ, изъ коихъ *одинъ* заступилъ мѣсто отца.« Здѣсь конецъ повѣсти, ибо Авторъ, какъ вѣроятно, жилъ въ началѣ XVI вѣка. Она въ главныхъ обстоятельствахъ согласна съ Молдавскими извѣстіями и преданіями (см. Кантемир. *Описаніе Молдавіи*). Сказаніе о Старомъ и Новомъ Римѣ надобно такъ разумѣть, что Волохи, издревле наши единовѣрцы, были утѣсняемы въ Венгріи отъ Папистовъ; но если они поселились въ Молдавіи въ 1359 году, то сему надлежало случиться въ царствованіе Людовика Венгерскаго, а не Владислава: къ утвержденію чего служитъ и слѣдующее мѣсто Туроцовой Хроники: »Въ правленіе Людовика *Богданъ*, Воевода Марамаросскихъ Волоховъ, собравъ ихъ, *тайно* ушелъ въ Молдавію, подвластную Венгерскому Королевству, и давно опустѣвшую отъ сосѣдства Татаръ. Хотя Людовикъ нѣсколько разъ посылалъ туда войско, но число Волоховъ столь умножилось въ сей землѣ, что она сдѣлалась особеннымъ Княжествомъ; Воеводы же, избираемые ими, признавали себя данниками Венгріи.« Кантемиръ, называя Богдана отцемъ Драгошевымъ, пишетъ, что онъ былъ сыномъ *Іоанна*; что по тому самому всѣ Господари Молдавскіе именовались въ своемъ титулѣ *Іоаннами*; и что Сасъ имѣлъ сына, именемъ Ласка, отца Мушатина. По современнымъ извѣстіямъ, сей Ласко дѣйствительно господствовалъ въ Молдавіи около 1370 года, переписывался съ Папою Урбаномъ V, и желалъ учредить Латинское Епископство въ своемъ городѣ *Серетѣ*, принадлежавшемъ къ Епархіи *Галицкой* (см. Райнальд. Annal. Eccles. г. 1370, No 7); воевалъ также съ Людовикомъ Венгерскимъ (см. Туроц. Chron. Hung. Ч. III, гл. XXXVII). Въ противность тому Длугошъ пишетъ, что Стефанъ, по Кантемирову сказанію *седьмый* Воевода Молдавскій, умеръ около 1359 года (Hist. Polon. кн. IX, стр. 1122).

(354) Важное извѣстіе о переселеніи Волоховъ въ Молдавію находится въ Длугошѣ, который самъ жилъ въ XV вѣкѣ, и говоритъ (Hist. Pol. кн. IX, стр. 1122):

»Предки Волоховъ, Италіянскіе выходцы, (будто бы Волски), нашли въ Молдавіи *Россіянъ*, господствовавшихъ тамъ издавна, сперва должны были принять ихъ обычаи и нравы, чтобы сею хитростію утвердиться между ими; а послѣ, размножившись, силою вытѣснили оныхъ древнихъ жителей Молдавскихъ.«

Родственникъ мой, Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ, бывъ начальникомъ въ Молдавіи, сообщилъ мнѣ нѣсколько подлинныхъ грамотъ Воеводъ или Господарей Стефана, Петра и другихъ; онѣ всѣ писаны Русскимъ старинньмъ языкомъ. Харатейная Стефанова начинается такъ: »Милостію Божіею ми Стефанъ Воево»да, Господарь земли Молдавской, знаменито чинимъ »(даемъ знать) сѣмъ нашимъ листомъ всѣмъ, кто нань »узритъ или его услышитъ чточи (въ чтеніи), оже »пріидоша предъ нами и предъ нашими Болѣри, слу»гами нашими,« и проч. Сія грамота есть купчая на рабовъ; свидѣтелями въ ней наименованы братъ Стефановъ, Воевода Петръ, и сынъ *Богдавладъ*, также многіе *Паны* или Бояре Молдавскіе. Въ означеніи года можно только разобрать *шесть тысячъ, девять сотъ*... Привѣшена большая восковая печать съ надписью: *Стефана Воеводы* и проч. Мнѣ доставлены и 3 Волошскія грамоты Воеводъ Петра и Александра, писанныя Болгарскимъ языкомъ и въ XVI вѣкѣ. Чиновники именуются въ нихъ *Жупанами*, а земля *Угро-Влахіею*. — Библія и другія церковныя книги переведены на Волошскій языкъ уже въ XVIII вѣкѣ. Волохи приняли Вѣру Христіанскую или отъ Болгаровъ, или отъ Россіянъ.

(355) См. Тунман. Uber die Gesch. der Wlachen, стр. 363—Прая Dissert. 133—и Бишинг. Walachey, 772.

Разные случаи княженія Іоанна Іоанновича: Въ 1353 году, Іюля 15, Княгиня умершаго Андрея Іоанновича родила сына Владиміра. — Въ 1356 скончался Ростов. Епископъ Іоаннъ, бывшій прежде Архимандритомъ въ Московск. монастырѣ Преображенія; на его мѣсто поставленъ Игнатій, а Василій Епископомъ въ Рязань (и въ Муромъ по *Ник. Лѣт.*), Ѳеофилактъ въ Смо-

ленскъ, Іоаннъ въ Сарай. — Въ 1358 скончался Князь Іоаннъ Андреевичь. (По *Никон. Лѣт.* у Князя Михаила Александровича Тверскаго родился сынъ Иванъ и преставился другой сынъ Александръ въ монастырѣ Софійскомъ у бабушки его, Княгини Софіи).

(356) Абульгази пишетъ, что съ жизнію Бердибека пресѣкся родъ Мангу-Тимура, и на тронѣ Капчакскомъ сѣли другіе потомки Чингисханова сына Туши. — О сыновьяхъ Кульпы см. *Троицк. Лѣт.* — О смерти Кульпы см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 461.

(357) См. *Ник. Лѣт.*, гдѣ именно сказано, что Царь Наврусъ (а не Хидырь) отдалъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому: съ чѣмъ согласенъ и *Троицк. Лѣт.* — Димитрій Константиновичь былъ праправнукъ Ярослава Всеволодовича, а Димитрій Московскій сынъ его праправнука.

(358) См. *Ростов. Лѣт.*

(359) Князь Іоаннъ Александровичь Смоленскій преставился въ 1359 доду: тогда же Ольгердъ подступилъ къ Смоленску и взялъ Мстиславль, а сынъ его, Андрей, Ржевъ, въ обоихъ городахъ оставивъ своихъ Намѣстниковъ. Бѣлый уже принадлежалъ Литовцамъ.

(360) См. *Троицк. Лѣт.* — Димитрій Галицкій былъ сынъ Ивана Давидовича, правнука Ярослава II. — Князья выѣхали изъ Орды въ 1360 году. — Въ *Троицк.*: »тое »же зимы (въ 1360) взведоша изъ Орды посла *Жуко»тицы* о разбойницѣхъ, и бысть всѣмъ Княземъ »съѣздъ на Костромѣ, и выдаша разбойниковъ, а по»сла отпустиша въ Орду.« Въ *Никонов.*: »Князи Жуко»тинстіи биша челомъ Царю, дабы Царь оборонилъ »себя и ихъ.« Болгарскій городъ *Жукотинъ* существовалъ близъ устья Камы, въ Лаишевской Округѣ, гдѣ еще видны остатки древнихъ укрѣпленій.

(361) Двоюроднаго брата Димитріева, который родился уже по смерти отца въ 1353 году. Сей походъ былъ зимою. Димитрій Константиновичь ушелъ изъ Переславля въ Владиміръ и въ Суздаль. Димитрій Іоанновичь, сѣвъ на престолѣ Владимірскомъ, жилъ тамъ 3 недѣли.

Маловажные случаи княженія Димитрія Константиновича: Въ 1360 году (по *Никон. Лѣт.*) Тверскій Епископъ Ѳеодоръ оставилъ Епископію и заключился въ Отрочѣ монастырѣ. — Въ 1361 Алексій Митрополитъ (по *Никон. Лѣт.*) поставилъ въ Твери Спасскаго Игумена Василія на мѣсто Епископа Ѳеодора.

Конецъ Примѣчаній IV Тома.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ

IV ТОМА.

Страп.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій 1

Г. 1238 — 1247.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЬ и АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ 70

Г. 1247 — 1263.

Bayerische Staatsbibliothek München

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Страп.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Θеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ 104

Г. 1263 — 1272.

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ 134

Г. 1272 — 1276.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева . . . 142

Г. 1276 — 1294.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Страп.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота . . . 175

Г. 1294 — 1304.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбой Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія 192

Г. 1304 — 1319.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНІИЛОВИЧЪ, ДИМИТРІЙ и АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

Горесть Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина 221

Г. 1319 — 1328.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІИЛОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Стран.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича 245

Г. 1328 — 1340.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всея Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи 287

Г. 1340 — 1353.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

Стран.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго 323

Г. 1353 — 1359.

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій 339

Г. 1359 — 1362.

Юр

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija Gosudarstva Rossijskago

Bd.: 4

Sanktpeterburg' (1830)

Russ. 266 z-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783980-2